

Александра
Оксюзова

A woman with long, wavy brown hair, wearing a light pink, off-the-shoulder, long-sleeved dress with a full skirt. She is holding a large bouquet of pink and white flowers. She is looking down at the flowers with a soft expression. The background is a dark, out-of-focus garden with green foliage and some pink flowers.

ДРУГОЕ
ПРОШЛОЕ

Annotation

Эбби — обычная студентка исторического факультета. Недавно она обручилась, но вот беда, всё её мысли и сны занимает не жених, а давно умерший герцог Сент Мор. И судьба решает сыграть с девушкой в странную игру и забрасывает её в 19 век. А там Эбби ждёт вовсе не сказка, да и герой сердца оказывается не тем сказочным принцем, каким представлялся в её мечтах...

Глава 1

Уже час мы сидели в уютном кафе на одной из старых улиц Эдинбурга. Я нетерпеливо постукивала каблуком туфли о древнюю брусчатку и все с большим раздражением поглядывала на своего жениха. А Джон был, как всегда, немногословен, но убедителен.

— Эбби, 3 года, — голос мужчины крепчал, казалось, еще чуть-чуть и он сорвется на крик. Но я знала, что этого не будет. Он никогда не кричал.

— Что 3 года? — я отпила из своей третьей чашки капучино и с тоской посмотрела в сторону мелькающей официантки. Судя по направлению нашего разговора, стоит мне готовиться к 4, а может и 5 чашке когда-то любимого напитка.

— Вот уже три года ты чересчур сильно погружена в учебу. Думаешь о своем дипломе, когда ешь, спишь и даже разговариваешь со мной. Точнее нет, диплом здесь ни при чем — он презрительно покосился на бумаги, лежащие на столике, — о нем ты думаешь, о своем давно умершем и сгнившем бароне.

Я поморщилась.

— Желчь тебе не к лицу. И кстати, он герцог.

Как меня раздражала эта убогая, глупая ревность к моей работе! Мы знакомы более двух лет, сначала Джон был моим наставником, потом другом и неожиданно стал моим парнем. Полгода назад он просто подошел ко мне в коридоре, обнял и поцеловал в макушку головы. У Эльзы и Кристины, моих сокурсниц, чуть челюсти не отпали. Да и я была не в меньшем шоке. "Увидимся вечером в клубе" — просто сказал он и ушел.

Весь этот вечер меня преследовало страшное возбуждение. Он один из лучших аспирантов нашего университета, высокий, симпатичный, с милой ямочкой на щеках и с большим будущим в науке. Джон Эдвардс был мечтой почти всех женщин нашего студенческого городка, одиноких и не очень. Но ни одну он не выделял из толпы, не был замечен в сексуальных скандалах, которые периодически возникали в небольшом городке.

И вдруг такое внимание к моей скромной особе! Конечно, я была на взводе. Девичьи мечты рисовали мужественного героя, который возьмет меня на руки, бросит на кровать, разорвет на мне блузку и...

Реальность оказалась куда прозаичнее. Джон встретил меня возле исторического клуба, взял за руку и молча повел внутрь. И так повторялось почти месяц. Я была вроде и рада, но растеряна. Мы встречались с ним по вечерам, после занятий. Он провожал меня на собрание исторического сообщества, на берег реки или в одно из немногочисленных кафе Стерлинга.

Я не сразу поняла его характер, Джон всегда был спокоен, выдержан, если он и испытывал ко мне сильные эмоции, то никогда их не показывал. За внешностью красивого, рыцареподобного мужчины скрывался страшный педант со своим строгим сводом моральных правил. Каждый поступок был у него под контролем, на каждый этап жизни был составлен подробный план с десятками пунктов.

Целоваться мы начали после 2 недель общения, но как-то тихо, без страсти. Я скрывала разочарование и продолжала с ним встречаться. Почему? Он был каким-то правильным, важным, казалось, только он знал истину жизни и вел меня, непутевую, по этой дороге. Я

даже не представляла, как можно отказать Джону. А со стороны мы казались идеальной, гармоничной парой.

Месяц назад Джон сделал мне предложение. Нет, не было элитного ресторана с шампанским, воздушных шариков или вставания на колени. Мой жених вообще не был приверженцем широких жестов. Он просто сказал, что мы уже достаточно друг друга знаем и готовы к семейной жизни.

Ой, что-то я ушла в воспоминания. Оказывается, пока я думала, мой жених о чем-то говорил. Не надо быть профессором, чтобы понять, о чем.

— Ты меня слушаешь? Эбби, — Джон вздохнул, — Я очень стараюсь тебя понять. Но ты все дальше и дальше от меня. Почему?

— Джон, извини, просто я сейчас так занята дипломом. Я не понимаю, почему так психуешь? Просто собираю информацию. — сделала глоток, но в рот попали только остатки кофе, осевшая на дне. Пришлось выплюнуть жижу обратно в стакан. — В конце концов, мне остался последний год учебы.

— Эбби, посмотри на меня, Эбби! — Джон протянул руку к моему подбородку и заставил поднять голову, — зачем тебе ехать в дом Сент-Моров? Ты прочитала все книги об этой семье и об этой эпохе, ты знаешь все об Эдварде Сомерсете. Что еще тебе нужно?

Я посмотрела на лицо своего жениха. Между нами не было любви в привычном понимании, со страстью, ревностью и тоской по друг другу. Мы даже не были любовниками! Как-то Джон признался, что во мне увидел идеальную жену, нежную и наивную. И что мой самый главный плюс — это непорочность. Да, это звучит романтично в 18 лет, а вот в 23 как-то грустно.

Я дернулась и откинулась на стуле, рука Джона упала на стол. Что я могла ему сказать? Что хочу побыть одна? Хочу сбежать от всего этого спокойствия в шумный и местами безбашенный Лондон. Не могла же я сказать своему жениху, что планирую не только посетить заброшенный особняк Сент-Моров, но и по возможности окунуться в ночной мир столицы Англии.

— Я все равно поеду, мне надо, правда, попробуй понять меня. Я уеду завтра, пробуду там максимум 2–3 дня. — я тепло улыбнулась. Джон хмурился, но, вроде, наконец, понял, что переубедить меня не получится.

— Подожди хотя бы до конца июля. Я буду в отпуске и смогу тебя сопровождать. — Я вдруг не на шутку испугалась. Ходить по историческим местам с Джоном и слушать его правильные лекции я не смогу.

— Ты не забыла про свадьбу? До октября еще много всего сделать. И мои родители ждут нас к себе в августе в Австралии.

— Нет, нет, мне нужно сейчас, тем более мне дали разрешение на осмотр только на 4 и 5 июля, — я взяла жениха за руку, — Обещаю, когда приеду, мы все обговорим.

В конце концов, я же сама согласилась на брак, поощряю Джона, а сейчас все равно вела себя, как настоящая стерва.

Мы расстались здесь в кафе. Джон поцеловал меня в губы, нежно, с каким-то надрывом. Может стал понимать, что я не идеальный робот?

Глава 2

В Лондон я приехала очень рано, часы вокзала Кинг-Кросс показывали всего 6 утра. Привычная туманная мгла окутала перрон и сонных людей, все шло молча, изредка

раздавались звонки мобильных телефонов, еще громко кричали вороны и какие-то другие птицы.

Всю дорогу я думала о наших с Джоном отношениях. Тогда, в первый месяц близкого общения я каждый день упорно ждала от мужчины каких-то сильных эмоций, проявления страсти, объяснений в любви, да вообще каких-то объяснений! Но он просто брал меня за руку, провожал до общежития, в клуб или на кафедру. При встрече целовал в щеку или губы, иногда обнимал за плечи, талию.

Где-то через месяц объятия стали сильнее, руки начинали бродить по спине, плечам и рукам. На третий месяц Джон осмелел, изредка, обычно в субботу, после ужина в его съемной квартире, мы сидели на диване и целовались по часу и даже больше. Его ладони сминали то одну, то другую грудь, пальцы терли соски через лифчик, один раз дело дошло до частичного оголения. Но внезапно Джон оттолкнул меня и одернул свитер.

Честно говоря, я выдохнула с облегчением. Уже тогда я поняла, что не очень хочу своего парня. Но зачем тогда я допустила, чтобы он стал моим женихом? Если бы я знала ответ на этот вопрос!

Метро вернуло меня к действительности. Здесь, в толпе, терялся весь лоск и пафос центральной части Лондона. Все, пока забуду о личных сложностях! Ведь меня ждала такая долгожданная встреча с прошлым. Сегодня я увижу его, особняк герцога Сомерсета.

Моя увлеченность Эдвардом Сент-Мором, герцогом Сомерсетом, лордом Сеймуром, началась почти 3 года назад. На втором курсе исторического факультета нам предложили выбрать направление будущих исследований. Мне было особенно тяжело. Изначально я не хотела быть историком, моей несбывшейся мечтой всегда был и остается дизайн интерьеров.

Но бюджетные места оставались только там, привлекла и хорошая стипендия. Пособие буквально спасло меня. Когда умер отчим, и мама осталась одна с моими маленькими братьями, мне удалось остаться независимой и не тянуть из мамы деньги.

Как-то сразу поняла, что древности в тысячу лет меня не интересуют, потому решила сосредоточиться на романтическом и геройском 19 веке. В который раз перелистывая хрестоматийное изложение истории Англии я натолкнулась на портрет мужчины. Рисунок по стилю исполнения сильно отличался от художественных норм, принятых в то время. Лицо человека было изображено очень реалистично. Темные волосы, черные глаза и аристократический нос делали мужчину почти красивым. Он был одет в синюю военную форму, рука покоилась не на пшаге, как обычно, а свободно висела вдоль тела.

Ему было около 50 или чуть больше, но я сразу поняла, что этот человек очень сильный, с твердой волей. Вот тогда я впервые и познакомилась с биографией Эдварда Сент-Мора. Нельзя сказать, что я влюбилась в человека, жившего более 100 лет назад, нет, но его личность меня привлекала и не перестала интересовать даже сейчас, спустя несколько лет.

Писать диплом об одном лишь человеке было нельзя, поэтому моя работа охватывала деятельность сразу нескольких исторических деятелей, но в центре интересов все равно оставался Сент-Мор.

И сейчас я еду в родовой особняк Сомерсетов. Насколько мне удалось узнать, дом был законсервирован в конце 1898 года. А вся мебель, посуда и другое имущество были перевезены законным наследникам по второстепенной линии, родных детей у Сент-Мора не было.

Вот уже 120 лет особняк стоял сам по себе, без ремонта и какого-нибудь обслуживания. Наследники не хотели брать на себя ответственность и восстанавливать уже древние руины,

а историческому обществу не хватало денег и энтузиазма, чтобы начать реставрацию.

Мне долго не хотели давать разрешение на посещение. Свой отказ объясняли "что вам там делать", "там ничего нет" и вплоть до "там небезопасно". Руководитель архитектурного управления сдался только после того, как я выслала ему часть своего диплома и кучу собранных данных о Сент-Море и его семье.

Особняк

Дом стоял в углу когда-то престижного района. Сегодня здесь много новых зданий, магазинов, недалеко разбит сквер. Старый особняк кажется здесь каким-то пришельцем. Я уже минут 15 стою на противоположной стороне и смотрю на место, где родился и жил герой моей работы.

Мысленно пытаюсь представить его ребенком, бегающим по лужайке. Сегодня ухоженный сад превратился в лес из бесформенных деревьев и кустов. Я почти вижу, как он выходит из этих огромных ворот, садится в поданную карету и уезжает на очередной бал или в театр. Глаза заволокло то ли слезами, то ли испариной. На самом деле я не просто так рвалась в мир истории, меня манил и восхищал ушедший век, многое там казалось волшебным и прекрасным.

Все, не буду же я вечно стоять здесь и пялиться в пространство. Вот и прохожие смотрят на меня с интересом и непониманием. Я улыбнулась. Наряд у меня и, правда, был немного странным. Длинное платье в пол, болеро с рукавами и длинный тонкий платок. Так я оделась не случайно. Мне казалось кощунством заходить в дом с трехсотлетней историей в мини-юбке или джинсах.

Машин здесь почти не было, так что я уверенно шагнула на проезжую часть. Чем ближе я подходила, тем выше и мрачнее казалась мне дом. Насколько я помню в нем было 16 спален, огромная зала и гостиная, а в подвале, по слухам, предки Эдварда прятали своих крепостных, привезенных из колонии рабов и даже политических врагов.

Я внимательно оглядела фасад. Удивительно, но стены выдержали напор времени, только в некоторых местах виднелись выпавшие кирпичи и дыры в фундаменте.

От ворот осталась только одна створка, да и та была наполовину согнута и практически касалась земли. Когда я попыталась отвести её в сторону, петли протяжно скрипнули и, казалось, завyli. Не знаю, зачем я это сделала, но почему-то очень хотелось прикоснуться к столетней истории.

Сохранилось даже крыльцо, низкое, в три ступеньки, наверно сделанное из железа. Но все равно я сначала потрогала ступени ногой и только потом решилась встать на всю ступню. Рука потянулась к двери. Ах, да, замок. Я открыла сумку и нащупала большой, немного ржавый ключ. А оказывается, я нервничаю!

Замок поддался не сразу, раздался скрежет, еще один, вот вроде щелчок. Я толкнула тяжелые створки и оказалась внутри.

О боже, зал был просто огромен! Даже облезлые стены и разваливающиеся колонны не могли скрыть монументальности этого места. Меня буквально трясло от осознания величия этого, другого мира. Я провела рукой по шершавой, почти сгнившей штукатурке, отломил кусочек и растерла подушечками пальцев. Прах столетий медленно падал к моим ногам.

Что-то заставило резко повернуться. Какое-то предчувствие. Идти мешали обломки, но я уверенно переступала через мусор и шла. Куда? Понятия не имею.

Взгляд упал вглубь зала. Не может быть! Захотелось закричать в голос. На северной

стене, в когда-то позолоченной раме висел огромный портрет мужчины в полный рост. Я подошла ближе. Да, нет сомнений, это он! Эдвард Сент-Мора, герцог Сомерсет, лорд Сеймур, предмет моего изучения и... моих ночных грез.

На почти ватных ногах я подошла ближе. Портрет висел в метре от пола, и я могла совсем близко видеть фигуру и лицо моего героя. Странно, я не помню ни одного упоминания об этом портрете. В истории сохранились три его точных изображения, несколько зарисовок и одна гравюра. Их я знаю наизусть, как так получилось, что столь потрясающее произведение осталось без внимания?!

Написан портрет, бесспорно, талантливо, с чувством, практически нет теней и черного цвета. Художник явно благоволил к своему натурщику.

Мой взгляд жадно сглатывал каждый штрих, каждый элемент портрета. Пока я не увидела глаза. Громко выдохнула и зажмурилась. Да, я знала, как выглядит герцог Сомерсет, но то, что увидела здесь заставило вздрогнуть. На меня смотрели черные, блестящие глаза, ну как живые. Я еще раз моргнула, но ощущение не исчезло.

Все, схожу с ума, Джон был прав, совсем помешалась на этом аристократе! Ну и пусть, я должна его потрогать, должна!

Я подняла руку и провела пальцами по холсту, оставив едва заметные бороздки пыли. Нет, я хочу дотронуться до его лица. Оглянулась в поиске какой-то подставки. Ага, вот. Подняла деревянный и предмет без определенной формы, наверно, в прошлом он служил частью шкафа или кровати.

Подвинула эту грудку мусора к стене и постучала ногой. Должен выдержать. Встаю на импровизированный постамент и тянусь к лицу на портрете.

Коснуться удалось только кончиками пальцев. Провела по подбородку, кусочку открытой шеи, выступающей из черного сюртука. Глаза затянуло странной пеленой, а по всему телу пробежал ток. Я охнула, отпрянула и с размахом шлепнулась на пол. Хорошо высота была небольшая, иначе только ушибами пятой точки не отделаться.

Что это было вообще??? Мой мозг играет странную игру. Нет, нужно уходить, я и, правда, свихнулась от своей одержимости Сент-Мором. Поднялась, отряхнулась, еще раз взглянула на портрет и уверенно повернулась к двери. Все, пора начинать новую жизнь, реальную, без этих исторических заморочек. Достаточно и этих впечатлений.

Я подошла к двери и широко ее распахнула. В лицо мне хлынул ледяной воздух и снежный вихрь.

Застыла и зажмурилась от обилия белого цвета вокруг. Это бред какой-то, это, это, что за черт побери здесь происходит!!! Мой взгляд охватил улицу, всю покрытую снегом, белые редкие деревья и укутанные в снег соседние дома.

И можно бы было долго любоваться зимним пейзажем, если бы не одно "но". 30 минут назад был жаркий июль!

Глава 3

Наверно, я схожу с ума. Я с силой зажмурилась и сжала кулаки. Так просто не может быть! Не может и все! Сейчас открою глаза и все вернется назад.

Прошла секунда, вторая, третья. Вот сейчас, сейчас. Сначала руки, потом тело и лицо обжег ледяной воздух, одновременно обрушился звук цоканья копыт, заржала лошадь. Я открыла глаза. Фыркая и мотая головой, мимо крыльца медленной рысью шла бело-

коричневая кобыла. За собой она тащила старенькую, потрепанную карету с плохо различимым гербом на дверце. Возничий на передней подножке в черном тулупе приподнялся и удивленно проводил взглядом мою жалкую фигуру.

Я громко выдохнула, вместо воздуха изо рта шел пар. Мне стало холодно и так страшно, как никогда в жизни. Что там советуют делать, когда не знаешь сон это явь? Ущипнуть себя? Так уже минуту щипаю, вот и кожа покраснела. Никакого эффекта.

Где я? Где я черт побери! В голове поочередно вспыхивали мысли о внезапном похолодании или коме, но подсознание подталкивало всего одну, фантастическую пока идею. Я обхватила себя руками и обвела взглядом соседние дома. Вот нет и сквера, и домов из бетона. Взгляд жадно хватал окружение, длинную улицу без тупика. Я обернулась, особняк больше не казался потертым и обшарпанным, гладкие стены были покрашены в ровный серо-коричневый цвет. Я стояла возле массивной деревянной двери и тупо смотрела на тонкий, ветвистый узор по краям створок.

Да, я попала в прошлое.

Так, Эбби, не паникуй. Не знаю как и зачем, но каким-то образом я из 21 века перепрыгнула на 100 или 200 лет назад. Я сильнее обхватила себя за плечи, в голове одновременно летали и сталкивались сотни мыслей, предположений. Что делать-то? ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ???

Тело само подсказало ответ. Мороз уже пробирал до костей. Пока не попаду в тепло и не почувствую вновь свое тело, решать проблемы не смогу. Так, провалилась я во времени в этом доме, а, значит, нельзя уходить от него далеко. Удивительно, но даже в экстремальной ситуации человек думает сначала о комфорте, а только потом о своем страхе.

Рука сама потянулась к веревочке со звонком. Дернула раз, два, внутри дома раздался приятный перезвон колокольчика.

Дверь открылась почти бесшумно. На пороге стоял довольно молодой мужчина в длинном черном сюртуке с белым, высоким воротником. Он с удивлением и неподдельным интересом осмотрел мою жалкую фигуру.

— Мисс?

В его тоне не было презрения, казалось, он просто впервые столкнулся с чем-то, что нельзя объяснить рационально и не знал, как со мной поступить.

Мои мысли металась по остывающему мозгу в поисках варианта ответа. Ведь мне нужно не просто попасть в дом, но и остаться здесь на некоторое время. Только здесь я смогу понять, что со мной произошло. Решение пришло практически сразу.

Здравствуйте, — оказывается, я ужасно замерзла. Слова с трудом пролетали через отбивающие чечетку зубы, — Я по объявлению. Хочу устроиться к вам на работу горничной.

Все, закинула, теперь оставалось только ждать. Правда, долго ждать я физически не смогу. Холод проникал под кожу, казалось, он захватил все мои клетки. Господи! Еще чуть-чуть и я упаду на колени перед этим мужчиной из прошлого и буду умолять пустить меня внутрь.

Наверно, дворецкий угадал мои мысли. Он широко распахнул дверь и отошел на два шага внутрь.

— Войдите внутрь.

О, меня не нужно просить дважды. Я мышью проскользнула в холл и нерешительно встала возле стены. Уф, кажется ко мне возвращается чувствительность. Похлопала себя по бокам, ремешок сумки, перекинутый через плечо, больно впился в плечо, а на морозе я и не

заметила. Я поморщилась и поправила сумку, одернула платье и завязала сваливающийся платок.

Подняла глаза и встретила с вопросительным взглядом дворецкого. Только сейчас заметила его чуть раскосые глаза, черные, как крыло ворона, волосы и высокие скулы. Наверняка, прошлые поколения его семьи имели отношение к востоку.

— Итак, — он который раз уставился на мои балетки, выглядывающие из-под подола платья, — вы ищите работу? Как вы узнали об этом доме?

Так, Эбби, сейчас важно не облажаться. Если он почует фальшь, выгонит тебя на мороз и ты навсегда потеряешь путь домой. Хорошо, что мозг начинал оттаивать, и варианты рождались один быстрее другого. Наконец, мои знания истории пригодятся в жизни.

— Сэр, я понимаю, что выгляжу странно, — тот кивнул и я продолжала уже чуть увереннее, — три дня назад я приехала из Девоншира. В поезде я познакомилась с очень милой женщиной, та предложила переночевать у нее.

Я сделала паузу и закрыла лицо руками. Сквозь пальцы я видела глаза дворецкого, сложно понять верит он мне или нет, но слушает и ладно. Руки безвольно упали вдоль моего тела.

— Моя новая знакомая оказалась воровкой и мошенницей. Пока я спала, все мои вещи были украдены, — я вздохнула, как можно тяжелее, — утром в комнату зашел ее муж, стал кричать на меня, обвинять в краже. А потом просто схватил в домашнем платье и выволок на улицу.

Дворецкий молчал. Или он мне верил, или просто ждал, чем я закончу свой не вполне связный рассказ.

— Добрая старушка по соседству сжалилась надо мной, приютила ненадолго. Я прожила у нее два дня, но дольше оставаться у нее я не могла. Сегодня утром Дороти, та старушка, сказала, что в особняке герцога Сомерсета требуются горничные. Прошу вас, сэр! Возьмите меня, я не боюсь никакой работы!

Вот, ну все, я выдохнула и с надеждой уставилась в лицо мужчины. Он чуть наклонил голову и внимательно осматривал мой ярко-желтый платок из синтетики и сумку с черной кошечкой на передней стороне.

Чувствуется, что он сомневается в моей истории, но виду не подавал.

— Мы и правда искали слуг для уборки дома. Но штат набран.

Как замерло моё сердце! Мужчина, наверно, увидел выражение безысходности на моем лице, вздохнул и заговорил:

— Ну хорошо, могу нанять вас на полгода. Будете убирать комнаты, иногда помогать нашему повару, Франческе на кухне. Справитесь?

— Да, да, конечно! — Я так сильно закивала головой и заулыбалась, что дворецкий по-доброму усмехнулся.

— Хорошо, давайте свои рекомендации.

Я уставилась на протянутую руку. Как я могла забыть о рекомендациях! В 19 веке без них устроиться было практически невозможно. Опять я в тупике.

— Я, у меня нет рекомендаций. Они были в основной сумке, той, что осталась в доме моей попутчицы.

Мы молчали и несколько секунд смотрели друг на друга.

— Что-то в вашей истории нечисто. Но вижу, что деваться тебе некуда. Хорошо, можешь остаться.

Сердце подпрыгнуло два раза в моей груди. Я и не ожидала такого исхода! Дворецкий продолжал.

— Меня зовут Чарльз. Сейчас я здесь вместо управляющего. Работы много, так что лишними еще один руки не будут, — он замолчал и еще раз осмотрел меня всю, — оставайся, но я буду следить за тобой! Один неверный шаг и выкину на улицу. Поняла?

— Да, конечно! Спасибо вам Чарльз. Я, правда, попала в сложную ситуацию. Вы делаете очень доброе дело.

Тот тепло улыбнулся.

— Следуй за мной. Сейчас мы пройдем здесь, но на будущее запомни, слуги ходят только через черный вход. Здесь ты можешь появляться только для уборки или обслуживания.

Я почти не слушала. На меня неожиданно нахлынула такая очевидная мысль. Ведь если я здесь, где-то в 19 веке, я мог встретиться с ним, Эдвардом Сент-Мором! Вот теперь меня охватила паника. Я шла вдоль стены огромного холла, обходила персидские ковры, стулья с изогнутыми спинками и табуреты-лестницы с цветами, которым больше ста лет. Но сейчас это все меня практически не волновало. Я увижу его, героя моей работы последних трех лет.

Интересно, в каком возрасте я его встречу. Эдвард родился в 1799 году, умер в 1875, так что я могу застать его как молодого человека, так и как старика, разбитого ревматизмом.

Ой, как опасно об этом думать. Нет, надо отвлечься. Кажется, Чарльз говорит о моих обязанностях.

— Подъем в 6 утра. Быстрый завтрак на кухне, дальше следуешь моим распоряжениям. Скоро из поместья приедет Агата, экономка. Потом она будет распоряжаться слугами.

Он резко остановился. От неожиданности я врзалась ему в спину.

— Эбби, вы меня слушаете. — он хмуро смотрел на меня из-за своей спины. Кажется, он уже начинает во мне разочаровываться.

Я хлопала глазами, так увлеклась своими мыслями о хозяине этого дома, что совсем забыла, на каких я здесь правах нахожусь.

— Да, простите, я просто очень устала.

— Хорошо, все остальное расскажут другие горничные.

Мы как раз вошли в длинный коридор. Здесь было практически темно, свет шел от двух ламп с почти прогоревшими свечами. Нужно помещение находилась близко к выходу. Чарльз толкнул большую массивную дверь и отступил назад.

— Это комната на двоих. Здесь уже живет Элис, она будет твоей соседкой. Чистоту поддерживают здесь самостоятельно, обычно по очереди. Ко мне есть вопросы?

Есть ли у меня вопросы? Да миллион, но вряд ли я кому смогу их здесь задать. Я помотала головой.

— Хорошо, располагайся. — он с вызовом покосился на мое одеяние, — Я попрошу Лидию принести тебе новое платье. Верхнюю одежду куплю в воскресенье, но стоимость вычту из жалованья. Согласна?

— Конечно, спасибо больше! — я и правда испытывала огромную благодарность к этому человеку, без этой доброты я точно сошла бы с ума. — Я готова приступить к работе сегодня же.

Чарльз кивнул.

— Переоденешься, потом приходи на кухню. Там и решим, какие задачи тебе назначить. Но сегодня можешь просто знакомиться с домом. Добро пожаловать в Сент-Мор.

Он слегка улыбнулся и оставил меня одну. Управляющий закрыл дверь, а я до сих пор стояла с распахнутыми глазами и, наверно, открытым ртом. Только сейчас мысль о том, что я в прошлом, что нахожусь в доме герцога Сомерсета начала по-настоящему доходить.

Комната была маленькая, с одним шкафом, огромным комодом и двумя узкими кроватями, застеленными одинаковыми серо-коричневыми покрывалами. Все, силы совершенно покинули. Я подошла к кровати и упала на нее прямо с высоты своего роста. Ох, матрас жесткий. Перевернулась и уставилась в потолок.

Как чувствует себя человек, попавший сквозь время? Еще недавно я читала об этом в фантастических книгах. Удивительно, но я не испытывала паники, все чувства и ощущения не изменились. Просто я не понимала, как, как такое возможно? Почему я?

Повернулась на бок и закрыла глаза. И вдруг вспышка! Портрет! Я потрогала портрет, а потом был этот удар током. Я села на кровать. Все встало на свои места. Моя увлеченность Эдвардом, дом, портрет. Я здесь из-за него! Из-за Эдварда. Если я и вернусь домой, то только после того, как увижу героя своих снов.

Я вновь легла и поджала ноги. По лицу бродила счастливая улыбка. Я увижу Эдварда, я его скоро увижу. Последняя мысль оборвалась тяжелым сном без видений.

Глава 4

Уже два дня я жила в прошлом, в доме Сен-Моров. Самыми тяжелыми были первые сутки. Пока я лежала в одиночестве на кровати в комнате для слуг, постепенно накатывала запоздалая реакция. Я в прошлом! Я попала в эпоху без электричества, автомобилей и интернета. И это ведь правда! Не будет такого, что вот сейчас проснусь и все закончится. Нет, щипки, а еще невероятная тяга в туалет говорила о том, что здесь теперь моя реальность.

Папа, сестра, Джон, мои друзья и сокурсники, все живут в той, будущей цивилизации, а я здесь. Надолго ли? Вот в этом самый главный вопрос.

А нет, я привстала на кровати на локтях. Сейчас главный вопрос иной — какой вообще год на дворе. И где это узнать? Спросить? Боюсь вызывать лишние подозрения. Тогда что? Ну конечно, газеты! Даже если это Англия начала 19 века, уже должны выходить Кроникол или Таймс.

Я вскочила и зашагала по комнате. Да, так думать проще. Я узнаю, какой год, хорошо, а потом? Ну что я себя обманываю, я прекрасно знаю, зачем мне в первую очередь нужна дата. Возраст, возраст моего романтического героя Эдварда меня интересует.

От волнения подкашивались ноги. Я села на стул возле окна. Комната выходила во двор, мне была видна только небольшая лужайка и часть деревьев парка. Через черные стволы мелкой змейкой вглубь зарослей вилась желтая дорожка. А парк-то был заброшен.

Я вздохнула. Сейчас придет другая горничная и официально начнется моя вторая жизнь в качестве служанки. Нет, приблизительно я знала суть работы прислуги, но одно дело мельком читать в книге о Лютиции, которая подносит бокал коньяку своему хозяину по вечерам, а другое сама быть участницей этих событий.

Неожиданно раздалась трель моей любимой мелодии. Я аж вытянулась на стуле. Что за бред? Откуда здесь играет песня немецкой рок-группы? Еще один звонок, вибрация. О черт, так это же мой телефон! Ну как я о нем забыла!

Резко рву на себя молнию сумочки, да, вот он! Сработало напоминание. Я ухмыльнулась, звонить своему куратору по диплому было уже поздновато, а точнее,

наоборот, рано, ведь он даже еще не родился.

Телефон это хорошо. Еще больше 80 % зарядки, круто, надо выключить и спрятать подальше. Вдруг пригодиться? Нет, я не собиралась первому встречному рассказывать о том, что я из будущего. Не хватало еще прослыть сумасшедшей. Но чуяло моё сердце, доказательство развития технологий мне еще понадобится.

Надо проверить, что у меня еще есть. Кредитная карта, немного наличных. Их тоже надо спрятать. На банкнотах указана дата выпуска, если попадут кому в руки такие бумажки, не оправдаешься.

Еще были ключи с мягким брелком-зайчиком, гигиеническая помада и записная книжка с автоматической ручкой. Да, невелики сокровища. И показывать их точно нельзя. Срочно спрятать. Я оглянула комнату, Минимум мебели, гладкие, отштукатуренные стены, лазейку найти трудно. Обошла шкаф, тяжелый, из массива дерева. Открыла дверцу, внутри аккуратно висели 2 платья на чем-то отдаленно напоминающим наши вешалки. Может внизу. Здесь стояли туфли и какой-то сундучок. Попробовала поднять, не поддается, прибит что ли? Пока положу сумку сзади него, потом посмотрим.

Вовремя вынырнула из шкафа, в коридоре послышались быстрые шаги и через секунду в комнату буквально ворвалась молоденькая симпатичная девушка в сером платье и белом передничке.

— О, здравствуй! Так значит ты новая горничная? — ее голубые глаза светились любопытством и дружелюбием. Меня это сразу покорило и обрадовало, жить бок о бок с такой девочкой гораздо приятнее. Я сделала навстречу два шага и с улыбкой протянула ей руку.

Служанка с удивлением посмотрела на мою руку, но не отошла и сразу затараторила:

— Меня зовут Эллис. А тебя? О, как я рада, что ты моя соседка! Ты такая милая и молодая — Эллис подскочила ко мне и потрогала волосы, а я и забыла, что они распущенные — Какие красивые! Как будто седые, и еще и завиваются!

Хотелось сказать, да, Эллис, этот цвет называется "пепельный" и это одна из моих самостоятельных выходов, стоящих дневной лекции от Джона и печальных вздохов от мамы.

— Я Эбигейл, Эбби, — я опять зачем-то протянула руку, Эллис, наконец-то, поняла, что от нее требуют и быстро потрясла мои пальцы.

— А знаешь, кого ко мне должны были подселить? Мейбел, старую Мейбел из поместья! Она нудная, страшная чистюля и ненавидит сладкое, — Эллис мило хихикнула, — ей же 43 года она старая дева.

Так я получила краткую характеристику некой Мейбел, место которой заняла в доме, а также узнала почти все о Чарльзе, точнее то, что он личный помощник хозяина и даже был с ним в военных походах. Так, фигура дворецкого в исторических источниках не упоминалось. Но с Эллис мне и не нужно было выуживать знания из головы. За следующий час, пока она подбирала мне платье, потом его одевала, я успела узнать почти о всех жителях дома и поместья в Ноттингемшире.

Спустя 2 дня и сотни мозолей я поняла, каких высот добилась наша цивилизация. Когда я терла деревянный пол или снимала паутину тряпкой на палке, с грустью вспоминала пылесосы, супер швабры и химические средства, так приятно пахнувшие хлоркой. Дом был заброшен много лет, скопилось множество пыли, грязи. Некоторое старое белье и занавески истлели или ужасно пахли. Приходилось все снимать, сортировать и стирать.

По дому мы работали впятером, я, Эллис, Анна, Грета, Амелия и Миртл. Причем работы хватало на всех. Анна оказалась также очень милой и доброй девушкой, она близко дружила с Эллис, потому и меня встретила благосклонно. Грета, соседка Анны, показалась мне высокомерной, во всяком случае, когда я ей представилась, та лишь кивнула, развернулась и ушла, не забыв осмотреть меня с головы до ног.

Сегодняшнюю дату мне удалось узнать во второй день. Я спускалась со второго этажа, где только что буквально вылизала гостевую комнату с ужасными красными обоями. Внизу, в гостиной никого не было и я решила воспользоваться ситуацией. Еще раз оглянулась, прислушалась, тишина. Отлично. Сняла туфли и с блаженством ступила на мягкий турецкий ковер. О, как хорошо! Обувь, которую мне выдали, была сделана, наверно, из кожи бизона или динозавра. Ими я стрела ноги уже через час носки.

Я бродила из одной стороны огромного ковра в другой, поджимая и разжимая пальцы. Если бы меня сейчас увидел Чарльз, то наверняка пожалел о своем решении взять меня на работу. Но я знала, что дворецкий, или кто он там на самом деле, останется в городе до вечера. Заканчивая свой сотый круг я вдруг краем глаза заметила газету на журнальном столике. Одним прыжком я перепрыгнула кресло и упала на колени. Рука с дрожью потянулась к газете, я жадно схватывала каждую букву, но сегодня они меня не интересовали. Дата, мне нужна дата. Так, вот это да, 1829 год.

Я прижала газету к груди и глупо улыбалась безразличному камину. Почему-то точная дата успокоила меня. Со стороны кухни раздался шорох. Я моментально кинула газету, схватила туфли и бегом скрылась в длинном служебном коридоре.

В нашей комнате было пусто, Эллис еще не вернулась с уборки. Я закрыла дверь и прислонилась к ней стеной. Сердце ужасно колотилось. 1829 год. Первой мыслью было — Ура! Моему Эдварду сейчас 30 лет! Он не старик. И только после этого нахлынуло, а я ведь появлюсь на свет только через 173 года. Кажется я точно схожу с ума. Меня не печалит мать и жених, оставшийся в 21 веке, меня не пугает собственная участь в далеком прошлом, нет, я находилась в сладком предчувствии появления объекта моих фантазий Эдварда Сент-Мора.

Глава 5

Эбби

Откуда я знала, что рыба может так ужасно пахнуть! Дома я ни разу не покупала ее живую, только филе, запакованное и очищенное. И вот теперь, попав в 19 век я не изучаю город или людей. Нет, я сижу на кухне и потрошу противно пахнущую рыбу! И все потому что одна из девочек, помощниц повара, заболела и Чарльз назначил меня под руководство Франчески.

Итальянка по происхождению она полностью оправдывала стереотипы о своей нации. Она громко кричала, размахивала руками и демонстрировала какие-то непонятные мне жесты. В управлении у нее было 5 человек включая и меня, и никто из нас еще ни разу не отдохнул за последние 6 часов.

Мои руки и одежда пропахли луком, подливкой, рыбой, на подоле то тут, то там виднелись блестящие чешуйки. За эти 4 дня в доме Сент-Мор я устала так, как никогда в жизни.

Особенно утомлял подъем в 6 утра. Потом целый день куча задач, от уборки до стирки и глажки, вечером удавалось лечь спать не раньше 10–11 вечера. К этому времени я буквально еле тащила за собой ноги. Да, как все просто и красиво у писателей-фантастов. Их герои

участвуют в реальных приключениях, а я, я вот чищу рыбу.

Когда руки уже окончательно окоченели от холодной воды, а кожа начала приобретать желтоватый оттенок, пришло неожиданное спасение.

Запыхавшись, в кухню ворвалась Амелия. Высокая, плотно сложенная, она была довольно неуклюжей, постоянно врезалась в других людей, мебель или стены. Вот и сейчас она чуть не споткнулась о корзины с отходами, выпрямилась, выпятила грудь и с гордостью выдала.

— Сейчас прибыл конюх Вашего Сиятельства, завтра, уже завтра герцог будет тут! — сказала она почти на одном выдохе.

В кухне случился переполох. Франческа ёкнула и приложила ладони к щекам, помощник повара, длинный и хмурый Эван вытянулся еще выше, мальчик помощник захихикал, подпрыгнул и радостно побежал на двор делиться только что полученными сведениями.

А у меня из рук выпал нож. В голове летали сотни мыслей. Хозяина ждали самое малое через неделю, а вот он приезжает уже завтра! Боже! Я вскочила и заметалась между плит и шкафов. Благо Франческе было не до меня. Хватаясь то за сердце, то за свою рецептурную книгу, она полулежала на столе и что-то бормотала по итальянски.

Новость взволновала всех. Но не передать словами, как она воздействовала на меня. Ну все, к рыбе я не вернусь даже под угрозой повешения. Мне нужно заняться чем-то другим. А лучше дайте подушку, хочу проораться от избытка эмоций в организме.

Амелия была еще здесь, с важностью индюка она продолжала описывать детали своего разговора с конюхом, вплоть до его костюма и манеры речи. Но ее мало кто слушал, Франческа наконец пришла в себя и экстренно начала составлять меню на несколько дней. Точнее она орала несвязные слова на смеси английского и итальянского, а Эван молча кивал и записывал.

Я подошла к Амелии и потянула ее за рукав. Со второй попытки мне удалось увести ее за огромный шкаф в углу кухни.

— Амелия, пожалуйста, не могла бы ты подменить меня на кухне. Ну не могу я чистить эту рыбу и овощи! Пожалуйста, а я тебя на целый день завтра отпущу. — я заискивающе заглянула снизу вверх девушке в глаза.

— Так завтра хозяин приедет, всем надо быть. Чарльз убьет, если кого не будет, — черт, я и не подумала.

— Тогда в субботу или в воскресенье. Я сама подойду к Чарльзу и отпрошу тебя. Обещаю! Но сейчас я лучше пойду полы драить.

— Вообще-то мне велели убирать хозяйскую спальню, — Амелия гордо выпятила грудь, она действительно считала, что это привилегия.

— Я уберу, клянусь, — хотелось стонать, на кухню я сегодня не вернусь, точка, — ну Амелия. Хочешь еще два шиллинга тебе отдам со своего жалования.

Горничная чуть подумала и потом утвердительно кивнула.

— Но учти, комната должна блеснуть. Если будет грязно, влетит и мне и тебе.

— Все сделаю, не переживай.

— А как же Франческа?

— Поверь, ей сейчас не до нас.

— Ну ладно, иди.

Амелия отправилась на моё место, а я подхватив юбки, кинулась в уборную.

Запах рыбы никак не хотел улетучиваться. Казалось он вьелся мне под кожу и достиг нервов. В Я схватила мыло серого, мышиного цвета, которое почти не мылилось, а больше щипало и бесполезно пузырилось. Натирала лицо и руки до локтей, пока те не побелели. Более или менее приведя себя в порядок, я выдохнула, подхватила ведро, тряпки, метлу и отправилась на второй этаж.

Спальня хозяина находилась в центральной части дома. Ее мне показала Эллис еще в первый день и предостерегла, чтобы я никогда сюда не входила без распоряжения Чарльза. И вот я стою перед дубовыми дверями с искусно вырезанным рисунком без разрешения нашего строго дворецкого. Ирония.

Зажмурив глаза, я взялась за ручку и потянула створку на себя. Дверь потихоньку отошла в сторону и я незаметно проскользнула внутрь комнаты. На улице же было почти 3 часа дня, зимнее солнце скудными лучами освещало огромное помещение с нереально высокими потолками. Открыв рот я в нерешительности стояла возле двери и боялась пройти дальше. Меня окутывало буквально какое-то магическое, почти оккультное ощущение. Ведь здесь какое-то время жил, а может и родился Эдвард.

Все вокруг было богато, изысканно, но как-то просто, даже аскетично. Строгий письменный стол из красного дерева потемнел от времени, ему наверняка было больше ста лет. Я наконец осмелилась отойти от двери, подошла к столу и потрогала его ладонью. Полотно стола было теплое, за столько лет структура дерева не исчезла, с удовольствием провела пальцем по глубокой щели и месту, где когда-то рос сучок.

На столе аккуратно стояли письменные принадлежности, лежали какие-то книги. Если бы я не была так заражена магией этого места, то, конечно, посмотрела бы их. Но мне было не до этого. Эдвард не был здесь несколько лет, но мне казалось, что его аура все еще здесь, я чувствовала.

В углу стоял массивный сервант со стеклянными полками. Внутри находились книги и различные сувениры. Два комода с выгнутыми ножками были почти с меня ростом и придавали комнате какую-то монументальность.

Но больше всех пугала кровать. Я отошла от стены и подошла к скамейке с мягкой основой, стоящей у изножья. Светло-золотистые подушечки с кистями единственные как-то разбавляли аскетизм обстановки.

Около кровати я не удержалась, подпрыгнула и плюхнулась на матрас, раскинув руки. Какая огромная! Здесь вполне бы уместилась хоккейная команда с вратарем. Ну все, полежала, пора за работу приниматься.

Сначала протерла пыль на столе, в шкафах, аккуратно перебрала каждую книгу, картину и шкатулку. Посередине комнаты был сделан огромный камин с кованой решеткой. На верхней полке камина стояли небольшие сувениры и безделушки. Я подошла ближе, какие-то странные предметы, видимо привезенные из разных концов света. Да, вот фигурка языческого божка, какая уродливая, с огромным фаллосом. Фу, побыстрее поставила назад. Вот подозрительная труба, вся истертая в том месте, где ее держали руки. Класс! Может принадлежала какому-нибудь капитану или даже пирату.

Да, эти вещи явно имели какое-то значения для хозяина дома. Меня буквально раздирало любопытство. Кому еще выпадает возможность не только изучить исторического героя, но и понять его мысли и характер.

Я потрогала другие изделия. Карманные часы, какая-то коробочка, брелок с Эйфелевой башней, монетка...

Стоп. В голове разорвалась бомба. Какая к черту Эйфелевая башня!!! Я тупо уставилась на брелок. Не может, просто не может быть. Я взяла в руки маленькую башенку, потрогала со всех сторон, даже ногтем простучала. Ну да, алюминий. Может этот материал и был уже в начале 19 века. Но Эйфелевой башни, как и самого Эйфеля точно не было!

Так я и застыла посередине комнаты со статуэткой в руках. Когда первый шок прошел, мозг стал выдавать результаты работы. Что я имею. Во-первых, здесь, в этом доме живет или жил человек, который побывал в будущем. Во-вторых, он напрямую связана с нынешним герцогом. О боги, а если это он?

Дальше развить мысль я не смогла. В дальнем коридоре послышались шаги и голоса, мужские, двух мужчин, точно не Чарльза и кого-то из прислуги.

В панике я заметалась по серо-рыжему ковру. Плюхнулась на колени, нет под кроватью просто нет места, там узкая щель. Вскочила, побежала к смежной комнате, дернула со всей силы — закрыто. Куда? Куда же спрятаться? В шкаф, а вдруг его откроют в первую очередь?

Тут я увидела две толстые шторы, закрывающие нишу в стороне от окна. Туда, быстрее, плюхнулась на огромный сундук и задернула шторы. Все, господа, помощи!

Голоса были уже у самой двери. Я забилась в угол и почти перестала дышать.

— Эд, ты, конечно, тот еще друг. Три года молчал, никто не знал где ты, и вдруг я встречаю тебя в лондонском порту! Признавайся, что за твоим исчезновением скрывается государственная тайна?

С моего положения я не видела людей, но то, что говорящий назвал своего собеседника Эд заставило моё сердце подпрыгнуть. Так, тихо, если меня найдут, будет полная катастрофа.

— Нет, Стивен, все намного прозаичнее. — Какой голос! Я сразу поняла, кому он принадлежит. Бархатный, глубокий, с хрипотцой.

— Моя служба у короля закончилась, война проиграна, — в его голосе звучала усмешка или презрение, — и мне, как добропорядочному герцогу велено отправляться домой и плодить маленьких Сент-Моров.

Второй мужчина рассмеялся.

— Слышу, такая перспектива тебе не по нутру? В конце концов, в женитьбе нет ничего страшного. Поверь мне. Женат 4 года, двое уморительных детей и милая, добрая, покладистая жена. Что еще желать дворянину!

Оба подошли почти вплотную к кровати, сквозь щелк в полотнах штор я наконец увидела предмет своего воздыхания со спины. О, он такой огромный! Не по-джентельменски большой. Его друг явно уступал Сент-Мору в массивности.

— Пока ты не окольцован и вернулся в Лондон в самый разгар сезона, подаришь своим друзьям немного своего герцогского времени? — да, друг Эдварда судя по всему был весельчак. Сент-Мор ответил что-то по-французски и они засмеялись. Ну почему я не пошла на курсы французского в школе!

Послышался шорох одежды. Я ближе подвинулась к моей обзорной щели. О, зря я это сделала, друг Эдварда продолжал говорить по-французски, а сам герцог снял пиджак, и уже расстегивал рубашку. Я почти прильнула к шторам. Какой он..., сильный, белая рубашка полетела на кровать. Ну почему мне было видно только спину. Так и хотелось крикнуть "Повернись!". И он повернулся.

Не удержалась, громко выдохнула. Действительно красив, идеален, широкие плечи, голая грудь и такие мышцы... И тут же замерла. Мужчины что, услышали мой вздох??

Отпрянула назад и застыла. Нет, нет, пожалуйста, только не так, если он меня найдет в такой двусмысленной ситуации, последствия могут быть какие угодно, но только не хорошие.

Мне казалось, что прошла целая вечность, в комнате стояла тишина. Может они ушли? И когда я попробовала поверить в свою удачу, кто-то с силой отдернул шторы в разные стороны. Я со страхом подняла глаза. На меня со злостью смотрел полуголый Эдвард Сент-Мор.

Глава 6

День не заладился с самого утра. На корабле внезапно закончилось все спиртное. А я ведь был уверен, что со вчерашнего вечера осталась недопитая бутылка виски. Во всяком случае засыпал я, держа ее в руках. Но мой адвокат, а по совместительству нянька, Томас Беркли, с невинными глазами утверждал обратное. Ну ладно. Уж в Сент-Море ты мне не запретишь напиваться.

Четыре года я не был в Англии. Не скажу, чтобы это особенно меня заботило. Меня устраивала война. Все просто и понятно. Или ты выживешь, или умрешь. Но Каннинг и подкаблучник министры резко сменили политику, решив приручать захваченные народы не силой, а пряником.

Там мне больше нечего делать. Да еще полгода назад в Афины заявился Томас и каждый день, с небольшой передышкой на сон, вещал, как я важен для своей семьи! Как все мои тети, дяди и двоюродные братья ждут не дождутся меня, и так мечтают нянчить законных наследников ветреного герцога.

Да, я так и поверил. Гарри и Хамфри наверняка с нетерпением ждали известий о моей героической кончине, чтобы вступить в братскую междоусобицу за титул герцога Сомерсета.

Но в чем-то Томас был прав. Я бросил Лондон, поместье, все дела на верфи. Да, все это работало и без меня, и судя по всему приносило немалые доходы. Но состоянию нужен был хозяин. Я долго откладывал эту обязанность, но больше нельзя. Приеду, женюсь на скучной девственнице, и буду производить по одному наследнику в год.

Неплохой план. От которого у меня аж бежали мурашки от отвращения. С омерзением вспоминал светские скучные разговоры, опостылевшие разговоры обо одном и том же и пустоголовых девиц. Ну уж нет, сначала обустроюсь, разберусь с делами, а потом подумаю о возвращении в свет.

Но высшее общество настигло меня само, и когда я этого совсем не ждал.

По прибытию в порт я сам руководил разгрузкой. Мне было приятно общаться с командой. Я долго пытался заслужить уважение моряков. Хотел, чтобы они видели во мне не только владельца корабля, но и своего соратника по морю. Неожиданно меня окликнули:

— Эдвард! Эдвард Сент-Мор!

Ко мне собственной персоной приближался старший сын графа Клэр. Со Стивеном мы хорошо дружили в молодости, устраивали загулы и проказы, о которых даже сейчас вспоминать не хотелось. Но сейчас идея общения со старым приятелем меня раздражала. С ним были связаны лучшие воспоминания о счастливом детстве и юношестве. А я этого не хотел. Не сейчас. Но мысленно собрал все остатки светского воспитания и протянул Клэру ладонь

— Стивен, здравствуй. Не ожидал в первый же день встретить знакомых.

Но тот пропустил мимо ушей мои слова, так же как и не заметил мою руку. Вместо этого сжал меня в таких тесных объятиях, что стало стыдно за свое настроение.

— Куда ты исчез? Да бог с ним! Сейчас ты в Лондоне, и я безумно рад. — Его лицо действительно светилось неподдельной радостью. Тут улыбка сползла с его губ — Нет, мой друг, только не говори, что ты на несколько дней и потом уедешь!? Это несправедливо! Я скучал, весь Лондон скучал! А как обрадуются матери незамужних девиц!.

Он шуточно схватился за сердце и покачнулся. Не выдержал и чуть улыбнулся.

— Нет, я насовсем.

Громкий возглас, недостойный джентльмена его ранга, распугал птиц и собаку, пробегающую мимо. Та зажала хвост и ускорила бег.

Стивен всегда был такой. Эмоциональный, легкий, простой. Мы с ним составляли странный дуэт. Иногда я даже хотел быть на него похожим.

— Тогда я еду к тебе. Не возражай, я многое тебе должен рассказать. Ты знаешь, что отец умер в прошлом году? И теперь, — он пошаркал носком блестящих туфель по каменной брусчатке, — перед вами граф Клэр собственной персоной. Ну как? Думаешь, теперь мы оба лакомые кусочки для лондонских дам? А нет, я женился! Уже давно, почти сразу после твоего исчезновения. Ты помнишь барона Уорта? У него было 5 дочерей? Так вот...

Я вздохнул. Тихий вечер с виски отменяется. Стивен не отстанет. Пока он говорил, я жестом попросил капитана продолжать разгрузку, а сам взял старого друга под локоть и повел в сторону наемных кэбов. Свою карету я отдал Томасу, чтобы тот отправился в контору и подготовил мне всю отчетность.

Новоиспеченный граф Клэр в недоумении остановился возле пошарпанных фиакров.

— Эдвард, ты без кареты? Поехали на моей. — он брезгливо покосился на плюющих извозчиков и так же за локоть потянул меня в противоположную сторону.

Я видел его коляску. Да, она была новенькая, но без занавесей. А я меньше всего хотел, чтобы меня видели и узнавали в Лондоне. Раздражение начало возвращаться.

По пути домой злость не ушла, а только усилилась. Стивен болтал всю дорогу, я почти не слушал. Но судя по всему мои кивки и усмешки попадали в цель, потому что друг не обижался, и с описаний прелестей молодой жены и ее беременностей, перешел на светские сплетни.

Я с тоской смотрел в окно. Лондон почти не изменился. Кое-где видны следы строительства, но в остальном этот тот же город, который я оставил 4 года назад.

К дому подъехали быстро. В сердце защемило. Здесь когда-то у меня была семья, здесь я был счастлив. Сейчас тут только слуги и теперь буду я. Может стоит купить новый дом?

В холле ждал верный Чарльз. Вообще-то, его звали Ильфир. Он был родом с востока, говорил, что его страна вся состоит из достоинства и степей. Единственное что я знал из его прошлой жизни, это то, что отец его был сильным воином, а мать пленницей или рабыней.

В Испании Ильфир служил наемником, и в нашу первую встречу я случайно спас его от смерти. Когда юноша оправился от ран, то пришел и сказал, что будет мне служить, и что теперь я его хозяин. Именно так, не спрашивал, а утверждал. А я и не возражал. Хотя слугой Ильфира или Чарльза назвать было сложно, в общении мы были практически равны.

Мы тепло поприветствовали друг друга. Управляющий был немногословен, в нескольких предложениях рассказал, что в доме уже готово, а что нет.

— Вам принести что-нибудь в комнату, ваша светлость?

Уши покорило от такого обращения. Будь мы одни, Чарльз никогда бы так не сказал,

но перед посторонними старался следовать этикету.

— Да, пусть принесут виски или бурбон. Закуску. Стивен, ты не против?

Мой лондонский друг с интересом рассматривал экзотическую внешность дворецкого. На несколько минут это остановило поток информации из его рта.

— Против!? Да я планирую напиться еще до начала сумерек!

Я вздохнул. С тобой напьешься. Наверняка потащит в клуб или салон мадам Бурже. Хотя он теперь вроде женат, но кому это когда мешало?

Я пошел к лестнице, судя по голосу Стивен не отставал ни на шаг. Идя по коридору, я всматривался в портреты своих предков, в пейзажи картин, известные мне с детства. Опять накатила тоска. Возвращение домой оказалось болезненным и невеселым.

— Эд, ты, конечно, тот еще друг. Три года молчал, никто не знал где ты, и вдруг я встречаю тебя в лондонском порту! Признавайся, что за твоим исчезновением скрывается государственная тайна?

Дверь была не закрыта. В комнате все оставалось точно так же, как и когда я уехал. А нет, покрывало другое, подушки какие-то дурацкие.

— Нет, Стивен, все намного прозаичнее. Моя служба у короля закончилась, война проиграна, и мне, как добропорядочному герцогу велено отправляться домой и плодить маленьких Сент-Моров.

Стивен рассмеялся.

— Слышу, такая перспектива тебе не по нутру? В конце концов, в женитьбе нет ничего страшного. Поверь мне. Женат 4 года, двое уморительных детей и милая, добрая, покладистая жена. Что еще желать дворянину!

И это мой друг Стивен, который однажды протащил проститутку в семейный особняк и два дня держал ее в своей комнате.

— Пока ты не окольцован и вернулся в Лондон в самый разгар сезона, подаришь своим друзьям немного своего герцогского времени?

— Если будет виски, буду и я — сказал я по-французски. В Греции моей любовницей была очаровательная Дельфина, с ней я часто занимался не только плотскими утехами, но и практиковал французский.

Стивен также отвечал на французском.

— О, этого добра у тебя будет навалом! Ты не представляешь, как тяжело найти собутельника женатому человеку! Братья не в счет. От них что трезвых, что пьяных, я могу услышать только одно "Стивен, увеличь нам выплаты".

Я снял пиджак и расстегнул рубашку. Стивена я не стеснялся. С ним мы побывали в таких приключениях, что вид полуголого тела вряд ли смутит моего друга. Граф Клер продолжал упражняться в остроумии.

Вдруг что-то шевельнулось в углу у окна. Каким-то шестым чувством я-+ понял, что мы в комнате не одни. Я потянул Стивена за руку и прижал палец к губам. Тот удивленно округлил глаза, но замолчал.

Военные будни научили меня многому, особенно тому, что враг может оказаться в неожиданном месте и в то время, когда ты меньше всего этого ждешь. Бесшумно, почти на цыпочках, я подкрался к цветным шторкам, насколько я помню там стоял сундук с вещами, а еще там было очень удобное место, чтобы спрятаться вору или убийце.

Я затаил дыхание, готовый вцепиться в горло врагу. С силой отдернул ткань и оцепенел.

— Ты кто, черт возьми?!

На сундуке, скрючившись, сидела испуганная девчонка и огромными голубыми глазами и с испугом смотрела на меня. Что здесь вообще происходит?

Я схватил ее за запястье и рывком стянул вниз. От неожиданности девчонка скатилась кубарем и растянулась на полу. Уродливый чепец развязался и упал рядом. Седые волосы? Девочка вроде молодая? Так, это потом, сначала надо узнать, что она тут делала.

Я схватил ее за волосы и поставил на колени. Она сделала усилие, чтобы подняться, но я дернул волосы вниз.

— Сиди так. Быстро отвечай, кто ты? Почему пряталась в моей комнате?

Девушка открывала рот, но ничего не могла сказать. Вмешался Стивен.

— Эд, да это служанка. Посмотри. На ней лица нет от страха.

Но руку от волос я не убрал. Внимательно осмотрел грубое льняное платье, белый чепец с оборками и грязный передник. Точно служанка. Еще раз дернул волосы и заставил смотреть себе в глаза.

— Что. Ты. Здесь. Делаешь?

Во мне кипела злость. В голове одновременно рождались десятки сценариев, кто и зачем мог подослать эту пигалицу. Взгляд упал на ее руку. Вот дрянь! Да она воровка! Я отпустил волосы и схватил ее правую руку, не без труда разжал кулак. Металлический сувенир резанул ей ладонь, остался красный след.

Да, точно, это подарок моей матери. Дешевая, но мне очень дорогая безделица.

— Ты зачем это взяла?

Служанка продолжала стоять на коленях и смотреть на меня снизу вверх. Если бы не злость, то я бы оценил всю двусмысленность ситуации. Но не сейчас.

Наконец, девушка заговорила. Голос ее дрожал.

— Боже мой, ваша светлость, вы не так поняли! Я не воровка! Простите, — ее плечи опустились — Я просто убиралась в комнате, а потом услышала голоса и ...

Дальше трудно было разобрать из-за всхлипываний и слез. Только этого не хватало, ненавижу женские истерики. Я развернулся и хотел поставить статуэтку на место.

— Простите... Я не хотела... Я испугалась, я не хотела, правда, не хотела брать Эйфелеву башню.

Я замер и уставился на Стивена, которого вся эта сцена, казалось, веселила. Медленно повернулся и посмотрел на плачущую служанку.

— Как ты ее назвала?

Девушка охнула и попыталась на коленях отползти к сундуку.

— Никак.

И истерика вдруг у нее прошла. Только в глазах испуг. В голове все перемешалось. Откуда эта воровка или кто она там могла знать название, которое придумала моя мама много лет назад!? Об этой башенке знали только я и она. Мамы, как и отца, нет уже 5 лет. Я посмотрел на девчонку с пепельными волосами. Нет, она никуда не уйдет, пока все мне не расскажет.

Глава 7

Эдвард

Пришлось буквально выталкивать Стивена из дома. Конечно, ему, в его скучной семейной жизни увиденное показалось безумно интересным, но я был взбешен до предела и вести светские беседы сегодня точно бы не смог. Пообещав другу, что завтра приеду в клуб и

расскажу все подробности, я надел домашнюю рубашку и спустился к бару в холле.

Надо выпить. Первый день в Лондоне оказался совсем не таким, как я планировал. В баре стоял привычный набор спиртного. Я выбрал виски, который когда-то отцу присылали прямым из Шотландии. При свете свечи коричневая жидкость казалась еще темнее. С удовольствием выпил два почти полных стакана.

В голове немного прояснилось. Облокотился на спинку кресла и в блаженстве закрыл глаза. Воспоминания унесли больше чем на 20 лет назад, в светлое и такое счастливое прошлое.

— Эдвард! Эд! Где носит этого несносного мальчишку! — Элис, моя няня, уже несколько раз прошла мимо статуи, где я прятался, и ни разу не заметила меня в укрытии. Еле сдерживая смех, я закрыл ладонью рот. Здесь, за фигурой полууголого древнегреческого героя, я не раз переживал скучные уроки или занятия по фехтованию, которые терпеть не мог.

— Эдвард Сент Мор! Месье Жерар ищет вас по всему дому. — Элис помолчала, ее шаги стали удаляться, — лорд Эдвард, ваша матушка приехала еще 20 минут назад.

— Мама! — с этим криком я выскочил из своего укрытия, врезался в юбки няни, но даже не извинившись бросился через холл в классную комнату.

— Мама! Мамочка! — она сидела на низкой лавочке и доставала какие-то предметы из корзинки. С разбегу я бросился ей на шею. Как я соскучился по ней за эту неделю!

— Мама, а что ты привезла?

— Вот негодник! — но сказала она это так мягко и нежно, без злобы. — Почему месье Жерар на тебя жалуется? Ты же знаешь, как важно для джентльмена уметь обращаться с оружием.

Я поудобнее закопался в мамины юбки и обнял ее за шею.

— Я не люблю фехтования, и Жерара не люблю, он злой.

У худого француза, стоявшего подле, вытянулось лицо. Мама бросила на него сочувственный взгляд.

— Хорошо, как ты смотришь на то, чтобы сократить занятие до 1 часа? 1 час упорных занятий, а потом я разрешаю тебе пойти на реку или в конюшню. Ну как?

Как! Да от радости я вскочил и запрыгал вокруг лавочки. Моя мама всегда умела находить выход даже из сложных ситуаций.

Мама смеялась над моим победным танцем, даже строгий Жерар улыбнулся. Наконец, мама схватила и вновь посадила себе на колени.

— Месье Жерар, вы не против такой оптимизации?

— Да, ваша светлость, я думаю занятие можно сократить. При условии, что лорд Эдвард будет вовремя приходить на уроки.

Я быстро закивал головой. Мама опять засмеялась. Когда Жерар вышел, мама прижала меня к себе.

— Эдвард, ты уже большой.

— Мне 9!

— Да, мой мальчик. Помнишь, я рассказывала тебе сказку о городе в облаках и людях, летающих на железных птицах?

— Конечно! И я никому об этом не говорил, клянусь!

— Молодец, это только наш с тобой тайный мир, — она потянулась к сумочке на боку и

что-то достала.

— Я хотела бы тебе подарить сувенир из этой страны, — мама протянула руку и раскрыла ладонь. На ней лежала серебристая башенка с металлическим кольцом.

Затаив дыхание, я протянул руку и с трепетом взял эту волшебную вещь.

— Эта башенка из сказочного города. Я назвала ее Эйфелевая башня. Тебе нравится?

Я прижал подарок к груди и никогда, до начала войны, не расставался с ним.

Да, теперь остались только воспоминания. Мама исчезла 10 лет назад, а отец настолько погрузился в свое горе, что забыл и о себе, и о сыне.

Черт, так и знал, что приезд домой разбередит старые раны. Все, хватит хандрить. Тут я искренне улыбнулся. В кабинете меня сейчас ждет очаровательная голубоглазая служанка с серебристыми волосами. И что мне нравилось больше всего, вся она была в моем распоряжении.

Глава 8

Прошло уже более часа, а герцог все не шел. Я уже устала вздрагивать от каждого шороха и ждала хоть какой-нибудь развязки. Что он со мной сделает? Выгонит на улицу? Отдаст констеблю? Если мне не изменяет память, для обвинения простолюдина достаточно будет одного слова не то, что герцога, а даже этого страшного дворецкого. А тюрьма Англии эпохи регентства меня по-настоящему пугала. Женщинам там не было никаких поблажек, так что я должна сделать все, чтобы герцог не отправил меня туда.

Когда прошел первый шок от сцены в спальне, в голову полезли неприятные мысли. Я потеряла запястье. Рука ныла, а кожу саднило. Я отвернула рукав и ужаснулась. После встречи с героем моих фантазий на коже проступили огромные синяки чуть ли не до плеча. Почему он был так жесток со мной? Не думаю, что его и правда волновало, украли ли что-нибудь из комнаты. Да и подслушивать было нечего.

В исторических книгах и воспоминаниях Сент-Мор выступал блистательным героем и истинным дворянином с отличными манерами. С его именем не было связано каких-либо скандалов, да, раньше мне его биография казалась безупречной.

Я вспомнила его глаза, горевшие гневом, грубые прикосновения и жесткие слова. Вся картинка об его идеальном образе у меня в голове рассыпалась на части. Стало грустно. Наверно, так и прощаешься с детскими иллюзиями. Я поудобнее устроилась в кресле и прикрыла глаза.

Сладкое предчувствие сна уже почти охватило все тело, когда громко хлопнула дверь.

Я вскочила, но не рассчитала, запнулась о ножку кресла и рухнула на ковер прямоком к ногам герцога. Черт, достойно встретить хозяина не получилось. Эдвард молчал.

Так как руки мне никто не подал, пришлось вставать самой. Я выпрямилась и отряхнула фартук.

— Вижу тебя второй раз, и вновь на коленях. Это входит у тебя в привычку. Но я не против.

Мужчина переоделся в свободную рубашку. Рукава были загнуты почти до локтя. Какой сильный контраст смуглой кожи с кристально белой тканью! Я залюбовалась его руками и не сразу поняла намек. Я вскинула голову и посмотрела в глаза Сент-Мору. Он имел в виду секс? Вот это да.

Эдвард убрал руки в карманы нижних штанов и прошел к письменному столу. Мне

пришлось повернуться за ним. Паузу выдерживает.

— Эбби? Тебя же зовут Эбби?

Я утвердительно кивнула. Герцог стоял, облокотившись на стол, и смотрел прямо на меня.

— Чарльз сказал, что ты пришла наниматься без рекомендаций и вообще каких-нибудь документов.

— Да, ваша светлость, — честно сказать удивилась, я думала он начнет с расспросов о статутке.

— Почему ты была в легких туфлях и без пальто? — не понравился мне его взгляд, не просто так он задает эти вопросы. Так, Эбби, будь осторожнее. Одно было плохо, я напрочь забыла, что я говорила о себе дворецкому.

— Ваша светлость, я попала в тяжелое положение. Ммм, по приезду меня ограбили. Вот и пришлось одеть все, что оставалось на тот момент. — я помолчала, Эдвард скрестил руки на груди и продолжал смотреть мне в глаза. — Сэр, я хотела бы попросить прощение за то, что произошло в вашей комнате. Поверьте, я не хотела ничего плохого! Услышала, как вы идете, испугалась и вот так нелепо спряталась. Простите.

Последние слова я практически прошептала. Прижала ладони к сердцу и опустила голову. Надеюсь, он оценит мою смиренную позу.

Неожиданно в моем поле зрения показались черные туфли. Я вскинула голову. Эдвард стоял совсем рядом. От близости мужского горячего тела в животе что-то резко взорвалось. Я выдохнула. Герцог взял мою руку, задрал рукав и долго осматривал синяки.

— Прости.

Он что просит прощения? Это смутило меня еще больше.

— Я был груб, — тут он отпустил мою руку, но не отошел, — Уж извини, не люблю лжецов.

Я выпучила глаза. Вот прямо сейчас стало очень страшно.

— Что вы имеете в виду? — мой голос дрожал, и Эдвард это видел.

Герцог провел рукой по моим волосам, чепчик я так и не одела. Взял прядь и пропустил сквозь пальцы.

— Я уже видел женщин с крашеными волосами. Знаешь где?

Голос мягкий, спокойный, но с опасными нотками. Этот его жест был очень странным и....сексуальным. Так что в ответ я только и смогла, что промямлить невнятное "Где?".

— В доме терпимости. Однажды меня ублажала девушка с такими же волосами. Так кто ты, Эбби?

Пока он это говорил, пальцы мужчины гладили впадину возле ключицы, потом перешли на шею. Задав свой вопрос, Эдвард сжал мой затылок и заставил задрать голову. Он посмотрел на мои губы, потом в глаза.

— Так что? Откуда ты взялась?

Я не верила в реальность происходящего. Он считает меня проституткой?? Постаралась отстраниться, Эдвард не позволил, продолжал крепко держать и гладить затылок. Карие глаза гипнотизировали. Томление охватило уже весь низ живота. Хотелось застонать.

— Эбби?

Что мне ответить? Правду? Посчитает сумасшедшей. Первоначальная история была шаткой, да я и не успела продумать все мелочи. Что же остается? Может тогда и правда стать на время "проституткой". Так проще объяснить свой вид и неожиданное появление.

Губы Эдварда оказались совсем рядом с моими. От переизбытка эмоций я прикрыла глаза. Боже мой! Почему я раньше не чувствовала ничего подобного. В голове мелькало, "поцелуй, ну поцелуй же!".

Но поцелуя не было. Я открыла глаза. Эдвард продолжать держать меня, но чуть отстранился. Его глаза потемнели, а губы исказились в усмешке.

— А ты действительно умеешь соблазнять. Хорошая шлюха.

Грубые слова вырвали из сладких фантазия. Я резко рванула в сторону. Эдвард молча отпустил. Меня переполняло праведное возмущение. Только вот не пойму от чего. То ли от того, что приняли за проститутку, то ли от того, что я так и не получила поцелуй мечты.

— Нет! Вы все не так поняли! Я из приличной семьи и я, я...

Эдвард стоял в одном шаге. Он удивленно приподнял бровь.

— Да? Тогда почему ты, из приличной семьи, оказалась зимой в одном платье вдали от центра города? Очередной любовник вышвырнул?

Я задохнулась. Ну и выводы он делает! Но рот пришлось закрыть. А что я скажу? Нет, вообще-то я студентка 5 курса из 2019 года? Решение пришло мгновенно, так и быть, принимаю твою игру Эдвард Сент-Мор.

Я скромно опустила глаза и стала перебирать подол передника. Наконец вздохнула и начала нагло врать:

— Вы правы, ваша светлость, я действительно продавала свое тело. — выдержала пятисекундную паузу, глаза поднять боялась, — Но я не жила в публичном доме. У меня был влиятельный покровитель. Но понимаете, так получилось, что пришлось сбежать от него. Прошу вас! Не выгоняйте меня! Я окажусь на улице и там погибну. Проявите милосердие к бедной девушке!

Я подняла голову. Эдвард смотрел на моё покрасневшее лицо.

— Он тебя обижал? — я кивнула, да уж, еще чуть-чуть и сама начну верить в этого мифического жестокого любовника, — Хорошо, можешь оставаться в доме и выполнять свои обычные обязанности. Но не вздумай попадаться мне на глаза, пожалеешь.

Сказав это, Сент-Мор вышел и с силой хлопнул дверью. Я выдохнула. Все почти хорошо, утешала себя, я добилась своего и осталась в доме. Правда, подумала я с горечью, теперь мой герой считает меня продажной девкой.

Глава 9

Эдвард

Следующие два дня прошли, как в тумане. Томас загрузил меня бумагами, отчетами, договорами. Как я не сопротивлялся, но пришлось официально возвращаться к обязанностям герцога Соммерсета. Вот уже несколько часов я перечитывал отчеты поверенного, пытался вникнуть в бесконечные столбики цифр и подводов. Да, отец учил меня вести дела лет с 12, но за годы путешествий и свободы я, кажется, растерял половину своих навыков.

На верфи и на конном заводе дела шли отлично, был приятно удивлен, насколько грамотный и честный мне попался смотритель. В Лондоне это редкость. Спасибо Томасу. А вот в поместье и на фермах творилась какая-то чертовщина. То град, то пожар, то наводнение, прибыли мизерные. Подозрительно. Придется лично посетить свою древнюю обитель.

К вечеру глаза болели от перенапряжения и пыли, разносимой старыми бухгалтерскими книгами. Но день не прошел даром, я, наконец, понял и смирился с участью высокого

дворянина.

Свечи в кабинете юриста уже догорали, но я не хотел звать служащих и ставить новые. Уже больше часа я просто сидел и смотрел в пустоту окон. Я видел, как медленно мгла съела стол, высокий шкаф на кривых ножках, половину комнаты и добралась до моих ног.

Почему было так пусто в жизни? Есть деньги, есть дело, преданные люди, друзья. Но не хватало чего-то. Вечной любви, я слава богу, не жду, от брака тоже бегу. Остаются только те утехы, которые считаются нормальными и даже полагающимися людям высокого рода. Да, отправлюсь сегодня в клуб, потом к мадам Бурже. У нее всегда хороший выбор милых и не слишком затасканных девушек. Тем более за те 5 лет, что меня не было в Лондоне, у нее должно было появиться что-то интересное.

Неожиданно перед глазами встало лицо этой загадочной служанки. Вспомнил ее влажные, мягкие губы, которые с таким вождением открылись мне. Почему еще тогда не поцеловал эту лживую девку?! Сейчас бы не ерзал на кожаном стуле и не гадал, какая она на вкус.

Черт! Пришлось встать, все тело охватило острое возбуждение, панталоны до боли жали и мешали ходить. Терпеть не могу эту вычурную английскую моду!

Сколько у меня не было женщины? Чуть меньше месяца? Да, еще в Неаполе прекрасная итальянка, имя которой я так и не узнал, составила мне веселую компанию после загульной ночи с товарищами из армии. Нет, точно мой путь сегодня лежит в дом терпимости.

Окно пропускало холод. Я провел пальцем по снежному налету на подоконнику. Белый, такой же, как и волосы Эбби. Почему она красилась? Откуда она? Действительно ли проститутка, которую выгнал недовольный любовник? Или Ильфир прав, и служанку специально подослал кто-то из моих братьев-наследников?

К девушке было много вопросов, именно поэтому я не стал ее выгонять. Рано. Мой степной друг пообещал присмотреть за девчонкой. Но что-то мне его слишком жаркая готовность следить за Эбби казалась подозрительной. Уж не попал ли этот восточный богатырь под чары уличной девчонки.

Но интуиция говорила, что она не просто девица с улицы. Слишком хитра, играть пыталась передо мной. Да и потом эта странная осведомленность о моей семье? Откуда она могла знать название игрушки, которое придумала моя мама.

Определенно, за ней нужен глаз да глаз. Но что-то подсказывало, что следующая наша встреча закончится не так мирно, как предыдущая. Я ухмыльнулся, а почему собственно мне не узнать Эбби поближе? Она моя служанка, в моем доме, и хотя я никогда не заводил любовниц среди прислуги, с этой девушкой я готов нарушить даже самые строгие свои правила.

Глава 10

Эбби

После понедельника, насыщенного на события, наступило затишье. Я осталась в доме и вернулась к своим обязанностям служанки. Приезд хозяина внес большие изменения в жизнь особняка. Казалось бы, появился всего один человек, а сколько всего надо было для него делать!

Меня к спальне Эдварда больше не подпускали, туда поочередно ходили Грета и Миртл, чем не переставали хвастаться то тут, то там. С облегчением узнала, что о моем приключении в комнате герцога никто не узнал. Насмешек я не боялась, нет, но думаю

другие служанки меня бы возненавидели. Все, я уверена все были влюблены в Сент-Мора. Особенно Грета, красивая, высокая и статная девушка. Думаю она сразу наметила себя в роль хозяйской любовницы и уверенно шла к своей цели. Она меня бесила.

После того памятного дня дворецкий полностью ко мне переменялся. Я случайно наткнулась на него на следующее утро в коридоре, инстинктивно отпрыгнула от него и вжалась в стену. Но Чарльз лишь приподнял бровь, обвел своими раскосыми глазами мою фигуру и уверенно прошел мимо. Я счастливо выдохнула. Оказалось рано. На меня свалили в 2 раза больше работы, чем раньше. Теперь я должна была вечером, когда все уже расходились по своим комнатам, готовить кухню, чистить котлы с мерзкими кусками жира, отмывать плитку, протирать стулья, полки, стеллажи и еще, еще, еще...

Через 4 дня хотелось выть. Ложилась поздно, вставала в 5 утра, днем практически не удавалось присесть. Моя жизнь казалась адом. Чтобы окончательно меня добить, Чарльз отменил мой единственный законный выходной, положенный всей прислуге в доме.

Сам не сказал, прислал Грету. С каким удовольствием эта язва сообщила мне эту новость! Ее лицо прямо светилось превосходством. Дура. Стала прихвостнем Чарльза, зря, никто здесь не знает, какой страшный это человек.

А на это воскресенье меня были большие планы! Я так хотела посмотреть Лондон, какой он был почти 200 лет назад? Нет, есть много картин, романов, подробно описывающие жизнь столицы. Но кому еще удалось попасть в прошлое, чтобы увидеть все это наяву?

И теперь я опять сидела на кухне и помогала Франческе перебирать крупу. Кухарка была очень доброй женщиной, сразу заметила мой усталый вид и дала самую простую и, главное, сидячую работу. Мы расположились втроем за огромным дубовым столом. Элли чистила овощи, я перебирала рис, а Франческа помогала нам обеим и безудержно болтала на свою излюбленную тему — о хозяине.

— И такой чудесный мальчик был Эдвард в детстве! Румяный, полненький, такой добрый и отзывчивый ребенок! Очень любил шутки, то убежит с дворовыми детьми, то спрячется, так что все его ищут. Но без злобы все.

Я поняла, что сейчас самое удобное время для расспросов о семье Эдварда. Кто знает, может я и узнаю что-нибудь о загадочном брелоке и том, кто его подарил нашему хозяину.

— Франческа, а вы давно служите Сент-Морам? Расскажите о родителях герцога.

Лицо кухарки омрачилось. Она вздохнула, отодвинула от себя горку крупы, положила локти на стол и сжав кулачки начала свой рассказ.

— В этом доме не всегда было так тихо. Герцогиня и герцог были очень дружелюбными, умными людьми. У них всегда собирались веселые компании. Нет, без этих развращающих игр на деньги и кучи вина! Все гости очень благородные и знатные люди. А как они смеялись! Бывало я выйду вон туда, спрячусь за колонну, что у входа и люблюсь ими. Все такие красивые, говорят правильно, на разных языках. И Эдвард всегда с ними был, пока у всех на коленях не посидит, не получалось его уложить спать!

Франческа замолчала. Мы с Эллис переглянулись. Эта женщина, казалось, жила не своей жизнью, а жизнью своих хозяев. Это было странно и трогательно.

Я попробовала нарушить молчание:

— А что изменилось?

Франческа посмотрела на меня с тоской.

— В 17 лет Эдварду нужно было поступать в Гарвард. Все Соммерсеты учились в

университете. Но что-то с ним произошло. Он стал ссориться с отцом, говорил, что хочет быть военным или кем-то еще, я уже не помню. Они часто кричали друг на друга. Элиза, мать Эдварда, переживала, но даже ей не удавалось образумить сына.

— В конце концов, Эдвард уехал. Куда — не знаю, но вернулся через год совершенно другой, мрачный, злой, не юноша совсем, а старик какой-то. — Франческа вздохнула, — А потом пропала и Элиза. Герцог был неутешен.

Меня как под дых ударили

— Пропала, Франческа, куда пропала? Вроде все говорят, что она умерла от горячки.

— Да, я тоже так слышала! — Элли была удивлена не меньше меня.

Кухарка поняла, что проболталась. Поднесла ладонь ко рту, но потом махнула рукой и продолжала, чуть снизив голос.

— Чарльз с меня шкуру спустит, так что все, что здесь услышите, никому не рассказывайте! Понятно?

Мы с Элли кивнули почти синхронно и придвинулись ближе. Работа была забыта и заброшена. Мне казалось, что я напала на нужный след. Неужели мать?

— Герцогиня Соммерсет пропала летом 1818 года. В тот день я работала на кухне, тогда еще помощницей старого Густава. — Франческа перешла практически на шепот, — Ваша светлость объявила дворецкому, что ждет в гости мистера Ричарда Бёртона, он был близкий друг обоих герцогов. Последнее, что видели слуги, как она сидела на диване в гостиной. Через час дворецкий спустился, чтобы позвать герцогиню и ее спутника к обеду, но нашел только Бёртона. Тот стоял возле окна и смотрел на улицу.

Кухарка откинулась на стуле и с торжеством посмотрела на наши ошарашенные лица.

— Через 3 дня нас собрал Томас, адвокат Сент-Моров, и объявил, что герцогиня уехала в поместье, но по дороге заболела и скоропостижно умерла. Но и я, и слуги знали, что она не собиралась в усадьбу! Все вещи остались в их общей комнате.

На глаза Франчески выступили слезы. Мы в благоговение молчали.

— Вы бы видели, как лютовал герцог! Насколько я слышала он вызывал Бёртона на дуэль, потом судился с ним, но тот утверждал, что не видел Элизу! Что же случилось на самом деле, никто не знает.

— Только потом стало известно, что было следствие и даже суд, но никаких улик против Бёртона не было. А герцог так страдал, так убивался. Никогда я не видела, чтобы мужчина так любил женщину. Увы, мир несправедлив...

Глаза Франчески заволокло слезами, Элли уже давно редела навзрыд. Меня же эта история волновала по другой причине. Куда исчезла герцогиня? Может также, как и я? Открыла дверь и вышла в другом времени?

Да уж, все это надо было обдумать. Я взяла в свои руки ладони Франчески.

— Наверно, вы любили свою хозяйку? Вы так переживаете ее исчезновение...

Кухарка придвинулась ближе и доверчиво прижалась плечом к моему плечу.

— Ее невозможно было не любить. Настоящая леди! Красивая, мудрая, к слугам всегда относилась хорошо. Ни разу не крикнула или наказала кого.

— И что, Эдвард сильно переживал потерю матери?

— О! Еще как! О тех событиях он узнал не сразу, в это время был во Франции. Когда вернулся, еще больше разругался с отцом. Винил его во всем. Страшное время. Был какой-то скандал с Эдвардом и Бёртоном, но подробностей я не знаю. Да с уходом герцогини этот дом умер.

Франческа уже совсем упала мне на плечо и зарыдала. Сидевшая напротив Элли ей вторила в три ручья. Пока я гладила по черным жестким волосам нашу чересчур чувствительную кухарку, в голове созрел план.

— Франческа, а кто был этот Бёртон?

Та немного подняла голову и всхлипывая произнесла:

— Какой-то ученый, странные штуки придумывал, его многие чудаком считали. А герцогиня вот привечала.

Голова кухарки вновь опустилась на моё плечо. О чем она плакала? Об исчезнувшей хозяйке или об ушедшей молодости? Или обо всем этом вместе.

Но меня это уже не волновало. Я должна все узнать о Ричарде Бёртоне.

Глава 11

— Чудесная мордашка, эй, ваше сиятельство, полюбуйся, как прелесть! — маркиз де Гриье повернул ко мне лицо девицы, которая сидела у него на коленях. Проститутка была совершенно голая, за исключением белых кружевных гольф, доходящих ей до колен.

Пришлось оторваться от почти пустого бокала виски. Да, девушка, действительно, была милая, но на мой взгляд чересчур юная. Видно, что совсем недавно начала свою губительную карьеру. Тонкая талия, узкие плечи и бедра, небольшая, но красивой формы грудь. В другое время все это увлекло бы меня, но не сегодня. Всем своим видом она напоминала ребенка. Я с отвращением отвернулся от бесстыдных ласк, которыми одаривал Люсьен девушку.

С маркизом мы встретились в клубе сегодня в обед. Обычно я терпеть не мог этого напыщенного и развратного француза. Однако, сегодня я был настроен на пьянство и дебош и де Гриье, как никто другой, подходил для этой роли.

Он потащил меня в какой-то мещанский трактир, где нам подали странно пахнущий эль и жирную свинину с чесноком. Потом был портовый паб и вялая драка за внимание пышногрудой служанки.

Хотелось избавиться от скуки последних дней, вздохнуть глубоко и свободно, как раньше. Я нуждался во встряске, каком-то ненормальном и необдуманном поступке.

Но драки в полном смысле не вышло, пьяный матрос, который хотел стащить с моих колен трактирную девку, получил всего один удар по шее и благоразумно ретировался за стол к своим товарищам.

Наконец, де Гриье предложил отправиться к мадам Бурже. Я не возражал. В доме терпимости сегодня проходил бал для "своих". Но камердинер нас узнал и пропустил с подобострастной поспешностью.

Я ходил среди полуголых девиц и презентабельных джентльменов, обливающихся слюнями в этом мире похоти и разврата, и удивлялся сам себе. Когда такие забавы стали мне противны? Раньше я не гнушался услугами проституток, а иногда вытворял прямо запретные вещи. Но сейчас что-то изменилось. Все происходящее меня ужасно раздражало. Я шепнул Люсьену, что собираюсь подняться наверх, в малую гостиную. Честно говоря, рассчитывал, что тот останется в зале, но маркиз отправился вслед за мной.

— Почему ты так задумчив, мой герцог? Я помню тебя совсем другим.

Клотильда промурлыкала эти слова рядом с ухом, взяла мою руку и положила себе на грудь. Чуть повернувшись, я прямо посмотрел на девушку. Клотильде было уже почти 30, но она смогла сохранить красоту и свежесть, несмотря на свою профессию. Ее я знал давно, много раз оставался в ее спальне. Но не сегодня. Я взял ее подбородок и притянул к себе.

Девушка затрепетала и раскрыла губы.

— Прости, Клотильда, но не в этот раз. Ты прекрасна, как всегда. Но ты права, наверно, я изменился. Твой счет я оплачу.

Я опустил руку. От обиды проститутка закусил губу и вскочила с дивана и вильнув симпатичным задом, вышла из комнаты. Де Грийе с трудом оторвался от юной нимфы и с укором посмотрел на меня.

— Сент-Мор, если бы я не знал тебя много лет, подумал бы, что ты записался в евнухи, или, не дай бог, в политики, — он обрадовался, что сумел вот так проявить свое остроумие, меня передернуло — Не сможешь же ты долго прожить без женщин? Правда, моя девочка? Как твоё имя?

— Селестия, сир.

Та как можно скромнее опустила ресницы, что совершенно не вязалось с ее голым видом. Маркиз принял игру, подхватил ее на руки и опустил на диван.

Так, хватит. Ничего не говоря, я развернулся и спустился вниз. Камердинер, он же дворецкий здесь, подал мне пальто и услужливо распахнул дверь.

На улице стояла удивительно сияющая, морозная ночь. Я вдохнул свежий воздух полной грудью. Нет, жизнь может быть гораздо прекраснее каких-то низменных потребностей. Деньги, еда, женщины, это все хорошо, но должно быть что-то еще. Но вот что?

Подъезжая к дому на съемном кэбе, я заметил, что все окна давно погасли. Особняк спал. Домой пока не хотелось, я решил пройти в конюшню, когда сбоку мне почудилось какое-то движение. Я замер. Возле заднего крыльца стояла небольшая пристройка, решил спрятаться за нее и немного подождать. Чутье не подвело, из дома, тихо, как-будто невесомо, выскользнула фигура.

Скука ушла мгновенно. Кто мог выйти из дома около полуночи? Зимой? Напрашивалось два ответа: либо это вор, либо кто из прислуги отправился на тайное свидание.

Я подождал, когда человек пройдет до ворот, и потом только двинулся за ним. Одет он был во все черное, по одежде — мужчина, но больно щуплый, да и двигается как-то плавно.

Неизвестный шел вдоль забора, постоянно оборачиваясь. Приходилось держаться в удалении. Только на пересечении улиц удалось его догнать и идти практически рядом. Да, вот не думал, что военные навыки пригодятся мне в центре Лондона!

Фигура юркнула в просвет между зданиями, вероятно, хочет срезать дорогу к Темзе. Неожиданно из-за туч выглянула луна. Мягкий серебристый свет осветил часть улицы и моего незнакомца. Тот споткнулся, что-то пробурчал. Когда он повернул лицо в мою сторону, я чуть не выругался. Это была Эбби! Чертова служанка. И куда смотрел Ильфир? Он обещал, что не позволит ей выйти из дома. Черт!

Ну с меня хватит, эта девчонка что, специально испытывает моё терпение? Настолько потеряла все понятия о норме, что отправляется на свидание по ночному Лондону? Одна?

Несмотря на то, что в душе все кипело, хотелось подойти, встряхнуть и утащить эту девицу обратно в дом, я решил пока не выдавать себя и проследить ее путь. Опять тайны, с этой служанкой все время связаны какие-то тайны!

Тем временем, Эбби вышла к набережной, но не пошла по аллее, а свернула в небольшой сквер. Теперь я понял. Она напрямую шла в гостиницу "Три сестры". Внизу там находился ресторан, больше напоминающий матросскую таверну. Я никак не мог понять, что могло привести ее в это место. Контингент здесь собирался самый подозрительный, богатых клиентов она точно здесь не найдет. Тогда что? Встреча с кем-то?

Мысль, что у моей служанки с серебристыми волосами есть любовник почему-то сильно не нравилась. Ладно, о моих ощущениях подумаю потом, сейчас гораздо важнее выяснить, зачем Эбби сюда пришла.

Питейный зал встретил привычным шумом. Сегодня, в субботу, сюда набилось кучу народа. Были здесь и торговцы, и студенты, и не бедные мещане. В отдалении сидела компания хорошо одетых юнцов. Я пониже натянул шляпу и сел слева у входа, с этой позиции мне было видно практически все заведение.

Эбби стояла у стойки, на цыпочках. Неожиданно разобрал смех. То ли от странной этой ситуации, то ли от наивности этой девчонки. Мужской костюм, который судя по всему она стащила у садовника или одного из поварят, совершенно не скрывал ее женских форм. Грудь то она перетянула, но вот со штанами ничего не смогла сделать. Ткань свободно висела у щиколоток, но сильно обтянула в бедрах. Сразу ее не раскусили, но стоит кому приглядеться ближе и все пропало.

Нет, не буду ее уводить, посмотрю, чем дело закончится.

Эбби о чем-то увлеченно говорила с работницей. Та смотрела на собеседницу с полным равнодушием, но иногда отвечала. Видимо ничего интересного моя служанка так и не смогла узнать, с разочарованным видом она отошла от стойки и села за маленький столик.

Та самая девушка, которую расспрашивала Эбби, вышла в зал. Я поманил ее рукой. Та чуть ли не бегом помчалась на мой зов. Я усадил девицу на колени, и губами зарылся в ее волос, так пахнущие пивом и сеном.

— О чем тебя спрашивал тот парень? — я показал пальцем в сторону Эбби, которая уже вовсю болтала с другой служанкой.

Девушка хихикнула от ласки, но проследила за моим жестом.

— Вот этот, щуплый?

— Да, он.

— Чудной какой-то. Говорил, что из газеты, про джентльмена какого-то спрашивал.

Тело неестественно напряглось. Инстинктивно сжались кулаки. Следующий вопрос я задал, как можно мягче, хотя в душе клокотали ужасающие страсти.

— Какого джентльмена?

— Да какого-то Ричарда Бёртона.

Я опешил и отпустил служанку. Все казалось неестественным и невозможным. Девчонка, которая проникла в мою комнату, чуть не украла подарок матери и, наконец, та, которая каким-то образом узнала секретное слово, которое не знал никто, вот эта особа теперь ищет человека, прямо или косвенно виноватого в исчезновении моей матери.

Тело обдало жаром. Сейчас я был готов на любые, даже самые страшные и ужасные поступки.

Глава 12

Я металась по своей комнатке уже больше 2 часов. После признания Франчески многое в голове встало на свои места. Мама Эдварда, герцогиня пропала без вести! А если прибавить статуэтку Эйфелевой башни, которую она подарила своему сыну, вопросов не оставалось.

Она, как и я была пришельцем из будущего!

Надо сесть. Уже двое из 20 или 21 века провалились на 150 лет в прошлое и все почему-то в дом Сомерсетов! Здесь есть о чем задуматься.

Минут десять я смотрела на бледное свечение луны на подоконнике. Нет, мысли совсем не шли. Эллис мирно похрапывала на кованой кровати у стенки, в ее ногах сопел, свернувшись в клубок серый кот Смайлик.

Нет, нет, этот мир, который сейчас кажется таким настоящим, мне чужой. Почему только сейчас это пришло в голову?!

Я вскочила и на цыпочках подошла к шкафу. Длинная ночная рубашка была слишком узкой, сковывала движения, мешала ступать тихо. У окна остановилась и вдохнула поглубже. Прислушалась, слава богу, Эллис спит, ровно вдыхая и выдыхая, беззаботно, мне бы так.

Просунула руку и вот, он мой сверток с телефоном! Сейчас мне нужна хоть какая-нибудь связь с моей реальностью. После всех этих недель в мире без техники округлый, гладкий смартфон показался чем-то нереальным. Нажала. Надо отвернуться, чтобы экран не светил. Боже, даже мне сейчас это кажется фантастикой!

Телефон послушно включился, заиграла нудная заставка. Я обмерла, звук не громкий, но все же. Нет, Элли беззаботно посапывала в двух метрах от меня.

74 % зарядки! Куда же она ушла то? Сколько я здесь? Календарь показывает 28 июля 2019 г. Почти месяц, боже!. Предательское пощипывание. Я что плачу? Я что скучаю? Я же в прошлом! Это приключение, которое выпадает не каждому. Но почему-то эта моя эксклюзивность вот в данный момент вообще не радует.

Уже минут 15 я сижу и смотрю фотки с отцом, Джоном, сокурсниками. Вот мы на пикнике в лесу, не дошли до озера потому что Линда испугалась змею. А здесь Джон с друзьями устроили мне сюрприз на день Валентина, правда, потом я узнала, что сценарий вечеринки они скачали из интернета. Но это не важно. Он хороший, хороший друг, приятель, но не любовник. Нет.

Телефон хранит не тайны, а моменты жизни, важные, раз ты их фотографировал. А я фотографировала и сохраняла. И не понимала, что буду скучать. А я скучаю. По папе, по друзьям, по работе и интернету. Даже по Джону, но уже как по другу, а не как по жениху.

Боже, так я могу их совсем не увидеть! Никого! Теперь все, слезы полились ручьем.

Очнулась, когда поняла, что листаю фото, а на телефоне уже 55 % зарядки. Быстро выключила и запихала его в то же место. Утираясь рукавом, легла на кровать. В голову лезли мысли одна другой страшнее. Что со мной будет? Состарюсь здесь? В 19 веке? Служанкой? Даже не знаю, что хуже. Боже мой. Накрыла голову подушкой.

Не знаю сколько прошло, пока не стали прокрадываться те самые мысли, что терзали душу с момента разговора на кухне. А может и правда есть в этом мире человек, который знает больше чем другие? Может этот Бёртон действительно видел что-то? Или даже...

Черт. Сон как рукой сняло. В минуту я скинула неудобную рубашку и достала из-под кровати сверток с мужским платьем. Нет, я его не украла. Разбираясь на чердаке нашла кучу старых вещей, оставленных старыми хозяевами. Среди прочих мне приглянулась униформа грума. Черные лосины, длинный пиджак и темно-серая рубашка и даже туфли нашлись, правда, больше размера на 3.

Не знаю, что мной двигало. Но в голове была только одна мысль — узнать, где живет этот Ричард Бёртон. Что дальше делать с этой информацией, не знала. Но сейчас это не важно.

Грудь быстро перевязала подвязкой от шторм. Слишком туго, все ныло от дискомфорта, ничего, потерплю. Натянула лосины, черт, длинные, пришлось подвернуть два раза. Пиджак сел хорошо, но не было кушака или пояса, чтобы его подвязать. Пришлось запахнуть края.

Все одевание заняло не более 10 минут. Удивительно, но Элли не только не проснулась, но даже не шелохнулась. Слышалось только мирное, нежное похрапывание юной девы. Все. Я готова. Зеркала не было, а за телефоном лезть уже не было времени и сил. Часа через 3 будет светать. За это время нужно выбраться из дома, слиться с толпой каких-нибудь выпивох в лондонских закоулках и попытаться узнать все об это странном ученом. Ну все. Страшно, очень страшно.

Придется пройти по узкому коридору, мимо спальни кухарки и управляющего. Но я смогу, смогу!

Через 15 минут серая тень прошмыгнула через кухню, минула дровник, спокойно прошла мимо беспечно дремлющих псов, потрепала одного за холку и исчезла в темноте.

Глава 13

Розовая Летти больше года работала в таверне "Три сестры", хотя хозяин, слюнявый, но не жадный Густав, упорно называл свое заведение рестораном. Ни обстановка, ни контингент этого заведения, расположенного почти на самом берегу Темзы, не претендовали на столь громкое название. Да, здесь часто отдыхали буржуи среднего звена, иногда заходили не брезгливые чиновники, студенты, но аристократа, да еще и такого красивого, она видела впервые.

Мужчина сидел один. Первые минуты после его появления все вокруг в недоумении посматривали на его изящный, дорогуший плащ, лосины из кожи и шляпу, которую он надвинул чуть ли не до бровей. Но потом хмель поборол любопытство, и изящного господина оставили в покое. Но Летти буквально разрывало любопытство, зачем этот джентльмен пожаловал сюда? Что искал? Он заказал только виски, сидел в углу и смотрел в толпу, что же он забыл здесь?

Как бы удивилась Летти и все остальные, если бы узнали, что предмет наблюдения герцога Сомерсета — невзрачный, худенький юноша, сидящий у стойки.

Эбби нервничала. С собой у нее было всего несколько монет. Чтобы не бросаться в глаза толпе, она купила кружку пива и даже отпила несколько глотков. К ее удивлению напиток оказался совсем непохожим на привычное ей пиво из 21 века. Оно не пузырилась, было густое, и явно крепостью больше 10 градусов.

Напиток дал в нос, потом в голову, а затем и в глаза. Все немного поплыло. Девушка почти отчаялась. О Бёртоне она спросила официантку, потом хмурого тучного человека, наверняка хозяина, но никто ей ничего не сказал. Официантка Летти вообще плохо запоминала фамилии, а Густав был не из тех, кто разговаривает с подозрительными, ничем не примечательными посетителями.

Но я так не сдамся! Решила Эбби, и смело протиснулась в круг студенческой молодежи за большим столом.

Первое время Эдварда смешили попытки этой странной служанки. Если бы вокруг не было столько пьяных людей, ее разоблачили бы в первые 5 минут. "Слава богу, хоть волосы прикрыла" — подумал Эдвард. Она сидела очень прямо на высоком и неудобном стуле, двумя руками брала кружку, неумело пила и плавными движениями обтирала рот от пены. Последнее движение особенно разозлило герцога, уж очень эротично ее пальчики двигались по лицу и шее, к груди....

Все, пора останавливать этот маскарад. Эдвард попытался встать, но как раз в это время ему на колени со всего своего немалого роста плюхнулась полногрудая служанка. Секунда и

обзор был закрыт симпатичным, но сейчас очень неуместным лицом.

— Ты такой красавчик. В "Три сестры" это редкость. Я Летти, а тебя как зовут? — девушка протараторила это в одно предложения и с такой уверенностью, что ей ответят и причем положительно.

На мгновение Эдвард оторопел, но опомнившись быстро спихнул надоедливую девку с колен.

— Извините, мадам, я спешу.

— Вот ублюдок, — проямлила Летти, поднимаясь с пола. Какая же она дура, а она то подумала, что джентльмен ей улыбается просто так.

А джентльмен в это время рвал и метал. За 2 минуты, пока длилась сцена с официанткой, Дебби исчезла из поля зрения. Вообще. Герцог в ярости бросал взгляд во все стороны, но нигде не находил вожака фигуры.

Наконец, до него дошло, что быть она может только на улице. Эдвард метнулся сквозь нетрезвую толпу, наступая на ноги, а иногда не только на ноги случайных выпивох.

На улице шел мелкий снег. Горел только один фонарь, у таверны напротив. Но сейчас Эдвард ориентировался не зрением, а на слух. Что-то ему подсказывало, что мятежная горничная попала в беду, Секунда, две, три. Сердце сжало ужасное предчувствие. Наконец, на параллельной улице, метрах в 300 он услышал топот копыт и жалкий скрежет несмазанного колеса.

Эти улицы он знал наизусть и угадал, что экипаж едет в восточную сторону. Уже набегу герцогу приходила в голову мысль, что это может быть это просто экипаж случайного путника. Но в данный момент он доверял своему чутью. Оббежав очередной дом он увидел черную карету. Она не двигалась, но сильно раскачивалась из стороны в сторону, как будто там шла борьба. Так как времени думать не было, Эдвард подбежал к дверце и силой дернул ручку на себя. От увиденного он застыл.

Его служанка Эбби, в лосинах, в разорванном пиджаке без единой пуговицы, с разломченными волосами цвета лунного сияния, держала между ног голову мужчины и в прямом смысле душила его. При этом девушка выкрикивала слова, почти непонятные, вперемешку с оскорблениями на немецком и еще каких-то языках. Мужская голова хрипела и умоляющее трепыхалась руками. Оба борющихся его совсем не замечали.

— Так, стоп, что здесь происходит, — Эдвард и сам не понял, почему сказал именно это.

Эбби охнула и откатилась в угол кареты. Мужчина, невысокий, но довольно крупный, воспользовался ситуацией, оттолкнулся ногами от сидения и пулей вылетел из экипажа, по пути кашляя и отхаркиваясь. Картина была настолько комичной и противоестественной, что герцог на минуту подумал, что сошел с ума.

Эдвард встряхнул головой, освежая мысли и посмотрел прямо на Эбби. Экипаж остановился почти напротив публичного дома, поэтому в окно светили яркие фонари, освещая бледное, испуганное лицо девушки.

Эдвард немного поддался вперед и протянул руку.

— Эбби, выходи.

— Неа.

— Ты не можешь сидеть в карете, — он помолчал, — чужой карете.

— Вы злитесь.

— Клянусь, нет. Но к тебе есть много вопросов.

Эбби еще больше вжалась в стенку экипажа. Эдварда этот жест взбесил еще больше.

— Выходи, черт тебя побрал! Не хочешь? Так я сам.

И не дав ей даже пискнуть герцог в мгновение ока влез в карету, ухватил девушку, которая отчаянно царапала кожаную крышу, и выволок на улицу. А вот поставить девчонку прямо никак не удавалось, она юлила, стараясь убежать или даже уползти.

— Прекрати. Что с тобой, девушка? Я просто поговорить хочу? Я думаю, законно, что у хозяина возникли вопросы к его прислуге, которая по ночам шатается по Лондону в старых, мужских обносках. Не думаешь?

Эбби, наконец, замерла. Неизбежность наказания теперь неминуема. Как он меня здесь нашел?

— Ты успокоилась? Поговорим?

— Может просто я вернусь в дом и забудем все это, — в ее глаза было столько надежды, что Эдвард на секунду заколебалась, но быстро пришел в себя.

— Э, нет, в этот раз так просто ты не отделаешься. Тебе придется отвечать на мои вопросы.

— Почему? — голос предательски дрожал.

— Потому что, моя девочка, теперь за твою жизнь никто и цента не даст. Ты принадлежишь мне, только мне. И только я решаю, где тебе быть, с кем и насколько долго.

В ту снежную и лунную ночь редкие ночные прохожие могли наблюдать странную картину. Высокий джентльмен в явно дорогом плаще нес на плече какой-то сверток. Сверток изредка кряхтел и издавал глухие звуки. "Женушку загулявшую тащит" — радостно потирая руки, думали полупьяные мещане и рабочие. Почему-то мысль, что сегодня избыют кого-то, а не их, грела особенно тепло.

Глава 14

«Второй раз я нахожусь в этой комнате и опять в очень неоднозначном положении». Эбби сидела в глубоком кресле у почти остывшего очага и потирала заледеневшие руки. Прошло уже почти 10 минут с момента, как Эдвард, словно куклу, стряхнул ее с плеча и усадил в угол. За все это время он не произнес ни слова и даже не посмотрела на мятежную служанку.

Мужчина скинул плащ и, казалось, увлеченно занимается камином. Несколько умелых движений и дрова вспыхнули, по комнате потянуло приятным теплом. Эбби поежилась, руки и ноги стали отогреваться, а вот мокрая одежда противно липла к телу и вообще не согревала.

Всю дорогу от места последних событий Эдвард пронес ее на плече. Эбби была так напугана взглядом герцога там, у кареты, что предусмотрительно молчала. И это оказалось весьма мудрым решением. Герцог кипел изнутри, и даже толстый плащ не скрывал этого жара бешенства.

Но серьезно девушка забеспокоилась в момент, когда вот так вот, на плече, он внес ее в дом. Было раннее, но все же утро. Наверняка, Франческа и ее помощники уже не спали. Эбби попыталась начать говорить, но Эдвард так ее встряхнул, что желание сразу отпало.

Но нет, кухарка им не встретилась. Зато уже наверху лестницы она увидела ноги дворецкого. Так как Эбби висела вниз головой она не видела лица Чарльза, но судя по булькающему звуку, который он издал при встрече, даже его хладнокровие было нарушено подобной сценой.

Молчание угнетало. На минуту Эбби даже подумала, что задремала. Но вдруг услышала

над собой дыхание и резко подняла голову.

Он смотрел на нее, серыми, как лед глазами прямо в ее глаза. Их разделяло не больше 10 см. Эдвард оперся на сидение кресла и нависал, словно лев над своей добычей. Эбби ощутила что-то уж совсем космическое и непонятное. Дрожь, мурашки, но не от холода. Все тело заволело ощущениями, по коже прошел такой электрический разряд, что стало страшно.

Этот поединок взглядов продолжался всего несколько секунд, но Эбби поняла, что это большее чем симпатия или страсть, интерес или привязанность, это она, любовь! Что в этом времени она оказалась не случайно, что именно здесь ее судьба. Все это промелькнуло за какие-то мгновения, а потом фантастическое ощущение разрушил грубый голос Эдварда.

— Насмотрелась?

Наверно, так переносятся из рая в ад, подумала Эбби, наконец, моргнула и отвела взгляд. Это она сейчас ощущала химию, а не он. "Будь проклята эта моя мечтательность".

— Извините. Я просто не знаю, как себя вести в такой ситуации.

— Понимаю, — голос звучал ровно. Неожиданно Эдвард провел пальцами по щеке, спустился по шее ниже, по голубой жилке. Этот интимный жест не обрадовал, напугал Эбби. Герцог поднял подбородок девушки, заставляя смотреть себе в глаза.

— Кто ты? Ты не служанка, все говорят о твоей неуклюжести и незнании элементарных вещей. Ты не из Девоншира, Чарльз узнавал, нет там такой семьи со взрослой дочерью. — И ты не проститутка — на секунду Эдварда замолк, у Эбби все обмерло внутри. Мужчина ухмыльнулся и продолжал.

— Дрожишь под моими прикосновениями, как непорочная лань.

От обиды за себя девушка закусил губу.

Эдварда отпустил ее подбородок и сел, развернулся и подтащил точно такое же кресло ближе к камину и Эбби. Он сел так, что его колени упирались в ее, но даже сидя он возвышался и вызывал страх.

— Я могу все объяснить, я...

Герцог в нетерпении поднял руку.

— Говорить буду я. Сейчас я задам несколько вопросов, а ты мне ответишь на них честно, очень честно. В ином случае, я найду другие способы тебя разговорить.

Что-то в его взгляде и позе указывало на то, что ей эти методы вряд ли понравятся. Эбби кивнула.

Эдвард откинулся на спинку, потом потянулся к карману на брюках и достал небольшой предмет. Эбби сразу поняла что это, брелок с Эйфелевой башней. Он повесил брелок на палец и устремил тяжелый взгляд на Эбби.

— Ты знала, что это такое. Хотя не могла этого знать. Что скажешь на это? И еще, более серьезный вопрос, ты искала Ричарда Бёртона. Зачем? И откуда ты знаешь, кто он?

Эбби колебалась, сказать ему или нет? Имеет ли она моральное право говорить о путешествиях о времени? А вдруг он примет ее за сумасшедшую и отправит на лечение? От этой мысли девушке стало жарко. Нет, он не такой, он поверит — подсказывала ей интуиция. Не вздумай говорить! Кричал разум.

Эдвард читал это колебание на лице девушки, но ничего не делал. Он чувствовал, здесь скрывается непростая тайна, и рассказать о ней служанка может только добровольно.

Наконец, Эбби сдалась.

— Хорошо, я тебе все расскажу. Но только пообещай, что не будешь считать меня

сумасшедшей.

— Почему я должен так считать?

— Скажем, мой рассказ покажется тебе несколько фантастическим, — Эбби старалась, как могла, подготовить сознание, Эдварда. Пока получалось не очень.

— Хорошо. Продолжай.

Эбби поглубже уселась в кресло и положила руки перед собой. Одна из них предательски дрожала.

— Ваше сиятельство, я действительно не из Девоншира. И я никогда не была горничной или служанкой. Я, я студентка, учусь на последнем курсе университета, должна скоро защищать диплом о жизни и подвигах герцогах Эдварда Сомерсета, то есть о вас. Я живу в 2019 г.

Эбби зажмурила глаза, боясь услышать хохот или что похуже. Но в комнате царила абсолютная тишина.

Глава 15

Эбби открыла глаза. Эдвард сидел напротив в кресле абсолютно спокойный с непроницаемым выражением лица. От удивления она захлопала ресницами, уж равнодушия то она точно не ожидала. Удивление, протест, смех, любое проявление эмоций было бы нормально, но не это холодное спокойствие.

— Продолжай, — голос тихий, но твердый и уверенный в себе. Эбби выдохнула.

— Не знаю, с чего начать, — девушка сложила руки на коленях и опустила глаза.

Пальцы в поисках успокоения стали перебирать ткани сюртука от ее маскарада, который сейчас был почти расстегнут. Он наблюдал за всеми ее движениями, она чувствовала. И не могла понять, что ее больше смущает, признание, что она гостья из будущего, или то, что она годы посвятила изучению ЕГО жизни.

— Все это странно, я понимаю. То есть не понимаю. Я пришла в ваш дом, в этот дом, 3 июля 2019 г. — Эбби на мгновение замолчала, — Хотела собрать побольше информации об этом времени и о, о вас.

Девушка не заметила, как покраснела.

— Как это произошло?

Ой, а вот этого девушке вообще не хотелось говорить. Он заметил ее нервозность.

— Ну же Эбби, если хочешь быть честной, будь честной до конца.

— Да, конечно. В 21 веке ваш дом пришел в упадок, здесь не жили более 100 лет, — Эдвард молчал, но немного нахмурился. Оттого, что он смотрел Эбби прямо в глаза, той было не по себе, — Я немного побродила по залу, точнее по тому, что от него осталось. И тут я увидела ваш портрет.

Эбби вспомнила то странное ощущение присутствия, которое посетило ее тогда, при первом взгляде на изображение своего (тогда еще) кумира.

Герцог подался вперед.

— Портрет? Но у меня нет портрета. Точнее есть, с матерью, но мне там лет 12. Сам я никогда не стремился быть запечатленным для истории, — Эдвард немного скривился, а потом неожиданно придвинулся к девушке.

Его глаза оказались совсем близко от ее лица. От этого голос Эбби почти скатился в шепот, появилась какая-то чувственная хрипота.

— Я тоже не знала об этом портрете. Вероятно, вы сделаете его потом, в будущем. На

нем вам лет 40–45, думаю. — опять мимолетное молчание, и Эдвард стал ближе еще на несколько сантиметров, — Он висел на стене, Я еще удивилась, как он мог сохраниться в таком хорошем состоянии. Я подошла и ... просто потрогала. Показалось, что будто молния ударила. Я отпрыгнула, выбежала в дверь, а там, а там... зима и 19 век.

Эбби замолчала и прикрыла глаза. Ее лица коснулось что-то теплое, это были пальцы Эдварда. Он нежно провел рукой по скуле, щеке. Эбби охнула и наклонила голову навстречу его ладони. Ощущения захватывали до умопомрачения.

— А сейчас, — его голос звучал хрипло и безумно соблазнительно, — сейчас ты чувствуешь ту молнию?

— Да..... — девушка открыла глаза. В следующий момент его губы коснулись ее губ. Поцелуй, сначала легкий, невесомый, вдруг захватил обоих. Эдвард одним движением выхватил девушку из кресла и посадил себе на колени. Губы мужчины, жесткие, требовательные, все яростнее сминали женские, мягкие и податливые. Язык Эдварда проник Эбби в рот и совершал там страстный танец, доводящий девушку до безумия.

Эбби ахнула и попыталась отстраниться, когда рука герцога с силой надорвала воротник рубашки. Хрупкая, изъеденная временем ткань разорвалась без усилия и через секунду Эбби осталась оголенной до самого пояса. Только грудь была перетянута длинной лентой, ее девушка намотала, когда "превращалась" в мальчика. Эбби с трудом оторвалась от поцелуя и уперлась открытыми ладонями в грудь герцога. Тот ухмыльнулся и только сильнее прижал ее к себе.

— Тшш, тихо, моя сладкая, как же я мечтал сделать это с тобой...

Все это Эдвард нашептывал девушке на ухо, одновременно развязывая ленту. Эбби дрожала, но больше не сопротивлялась. Ее окутывала неземная сладость состояния, тело охватила пугающая истома, казалось, что она парит над этим креслом и Эдвардом.

Теплая ладонь мужчины легла на грудь, нежно сжимая ее, как самую лучшую драгоценность. Эбби выгнулась, буквально прося этой интимной ласки. Эдвард понял ее намеки, он подтянул девушку к себе и с жадностью обхватил сосок ртом. Чуть посасывая, прикусывая и теребя розовую горошину языком герцог доводил Эбби буквально до безумия. Она извивалась, стонала, руки гладили его широкую спину, все ближе прижимая мужчину к себе.

Эти двое сейчас были, как одно целое, объятия становились все крепче, рука Эдварда заскользила по животу, все ближе к пуговицам брюк Эбби. Девушка первая услышала стук. Чужой звук мгновенно отрезвил, в мгновение заставил посмотреть на ситуацию другими глазами.

Эбби взвизгнула и с силой оттолкнулась от герцога. От неожиданности тот разжал руки, Эбби соскользнула с его колен на пол, где растянулась совсем в несексуальной позе.

Эдвард все еще сидел на кресле, тяжело дыша. Наконец, он услышал стук, кинул взгляд на девушку, распростёртую у его ног, вскочил, схватил ее за руку и быстро потащил к постели.

— Закутайся в одеяло, — герцог с силой усадил Эбби на кровать и скомандовал, — оставайся здесь, поняла? Мы еще не закончили.

С этими словами он схватил халат, открыл дверь и вышел. Через секунду девушка услышала звук поворачивающегося ключа в замке.

Эбби подняла лицо вверх, широко развела руки и, как в замедленной съемке, упала на матрас. На ее губах расплылась счастливая улыбка.

Что-то кушать захотелось. Сколько ж времени то прошло? Я уж успела все бутылки в винном шкафу пересчитать, углы оглядела, одно мгновение рука потянулась к ящикам массивного стола, но вовремя смогла себя одернуть, это уж воровством пахнет. С интересом оглядываю нескончаемые стеллажи с книгами, ими забиты буквально все стены. И это еще не считая огромной библиотеки и гостиной, где тоже стоял ряд книжных стеллажей. Дотронулась до старого потрепанного корешка темно-зеленого цвета. Сервантес. Обожаю Дон Кихота. Не удержалась, открыла книгу, ух ты какая пыльная и старая, на испанском, наверно еще прошлого века, тьфу ты, то есть позапрошлого. Да уж, я окончательно запуталась и во времени и в своих чувствах. Со вздохом ставлю книгу на место и подхожу к дивану.

В голове было тяжело, что-то жужжало, тянуло, нескончаемый поток сумбурных мыслей никак не мог превратиться во что-то связное и понятное. Да, я целовалась с целым герцогом, настоящим, из прошлого. И это был не просто поцелуй. Какой-то дикий, неконтролируемый взрыв чувств, скрытых эмоций о существовании которых я никак не подозревала. Почему сейчас? Почему именно здесь, в такой необычной ситуации я смогла почувствовать себя женщиной? Желанной, страстной, распушенной... Ладно, с последним я преувеличила, но, клянусь, если бы миг нашей близости продолжился, я бы такой стала.

Эдвард не может быть моей судьбой. Мало того, что мы из разных эпох, так еще и из разных слоев общества. А в его времени это ой как значимо. Ооо, ну как перестать об это думать?? Плюхаюсь на небольшой диван, на который меня сегодня уже укладывали, и развожу в стороны руки. Голова сама откидывается на спинку. Не помогает. Когда закрывают глаза, вижу его, его лицо, губы, горящие страстью глаза. Заново чувствую его пальцы, которые несколько минут назад гладили мой живот, груди.... Кожу начинает покалывать, пульс учащается, а там, там появляется тянущая, сладкая боль, которой, казалось, нет выхода. Господи, он меня возбуждает даже когда не рядом! Я точно свихнулась.

Не знаю, сколько пролежала вот так, с закрытыми глазами, воскресая посекундно прошлое сексуальное приключение. Но картинка не тускнела, фантазия разбушевалась до такой степени, что было уже невозможно сдерживаться, внутри все горело, хотелось дотронуться до себя, но я бы не посмела, не здесь. Черт! Я просто сильно сжала колени и уронила голову на скрещенные ноги. Вот что означает длительное воздержание, долбанные принципы, именно из-за них я умудрилась оставаться девственницей в свои 22 года.

Очнуться заставил скрип двери. Я резко вскочила. Вот дура, до того ушла в свои сексуальные фантазии, что даже не услышала его шагов и поворота ключа. Эдвард стоял на пороге и смотрел на меня с каким-то странным выражением. Наверно, он все таки увидел меня скрюченную, с руками, охватывающими голову. Он тихо закрыл дверь и молча прошел за стол. Я также стояла у дивана, только повернулась, чтобы не упустить ни одно его движение. Даже походка моего герцога сводили меня с ума. Он шел медленно, плавно, с врожденным достоинством и умением себя подать. Невольно посмотрела на свои туфли, а я косолапая, и когда хожу дергаю левой ступней. Черт, почему я постоянно себя с ним сравниваю!

Тем временем он сел за стол чуть боком, перекинул ногу на ногу, неотрывно смотря на

меня. Только сейчас заметила, что он бросил на стол небольшой сверток. Руки похолодели. Это мои вещи! Я не хотела их показывать! И так натворила дел в прошлом, а еще демонстрировать неподготовленным людям современным гаджеты, это казалось огромной ошибкой.

— Подойди сюда, — Эдвард облокотился на спинку массивного деревянного стула и поманил меня пальцем. По взгляду было видно, что отказа он не примет. Что делать, подошла, — Ближе, девочка, сюда.

Куда сюда-то? Не понимаю. Что? Я правильно поняла, к нему на колени?? Вот же нахал.

— Я сказал подойди. Будет разговор.

Да, и у меня тоже. Например, с какой это стати вы шарились по моим вещам? Но вслух этого не сказала, обошла стол и встала с торца. Нет, на колени садиться не собираюсь, на сегодня с меня сексуальных ощущений более чем хватит.

Эдвард ухмыльнулся, но настаивать не стал. Вместо этого он отбросил верх тряпки, в который я замотала свою сумочку и, пристально глядя мне в глаза, тихо, но твердо спросил:

— Что это? — Так как отпираться уже не было смысла, я промямлила.

— Мои вещи, почему они у вас? — и закусил губу, ну кто меня дернул за язык? Это же его дом. Правда, рыться в чужих вещах более чем странно, честно признаться, не представляю, как он мог обыскать мою комнату. Стало неприятно. Герцог будто прочитал мои мысли.

— Это нашел Джон в твоей комнате. — а ну тогда все понятно, для этого границ морали не существовало, — Ты можешь объяснить, что это?

— Могу. Но для вас это может быть шоком.

На его красивом лице промелькнула хитрая улыбка. Я аж охнула, до того, он стал милым, и у него там что ямочка на левой щеке?

— Сначала скажите, вы поверили в то, что, ну что я вам сказала раньше? — я знала, что не поверил, но с чего-то надо начинать демонстрацию достижений цивилизации 20–21 веков.

Хоть Эдвард и смотрел на меня снизу вверх (он так и остался сидеть за столом) во всей его позе, положении рук, взгляде, чувствовалось превосходство. А вот, я, хоть и стою выше, хоть и знаю, больше его, чувствую себя мельче букашки. Да уж, ну и энергетика у человека.

Он протягивает свою огромную ладонь и захватывает в нее мою руку. Мгновение и под кожей взрывается какой-то фонтан непередаваемых ощущений, я прямо чувствую, как мои зрачки расширяются, а по коже бегут мурашки размером с приличную горошину. А он, гад, видит этот эффект, судя по его довольной ухмылке, он прекрасно понимает, что со мной происходит, и от этого все больше в теле нарастает слабость. Зачем он меня так мучает? Хочет узнать правду? Так я и так все расскажу, хочет меня в постель, боюсь здесь я тоже не смогу сопротивляться. Мамочки...

Он нежно гладит большим пальцем мои пальцы, слегка сжимая руку в своей ладони. В следующее мгновение уже тянет меня к себе, а я и не сопротивляюсь, огонь, что разливается по венам, течет по направлению к нему, только к нему.

Эдвард спокойно сажает меня на колени и я оказываюсь прямо напротив его лица. Могу разглядеть каждую складочку, даже рисунок зрачков. Не только я изучаю, он тоже внимательно смотрит в мои глаза, будто ища чего-то.

— Верю ли я тебе? — от звука его голоса вздрагиваю, волшебство момента ушло, —

Пока не решил, — он поднимает ладонь, проводит тыльной стороной пальцев по моей скуле, губам, которые предательски раскрываются и издают протяжный вздох, — Ты же откровенна со мной? Не будешь мне врать?

Слова застряли в горле. Я мотаю головой. Не буду, не смогу.

— Вот и отлично, хорошая девочка, — он убирает руки от моего лица, чем вызывает необычайное разочарование, и шлепает ладонью по попе. Я слегла вскрикиваю, а он только улыбается и чуть прикусывает губу. Веселиться, а у меня в животе пожар. Ублюдок, знает, как на женщин давить. В крови закипает злость. Но герцог это видит и вовремя останавливает.

— Успокойся. Покричать на меня сможет потом. Мне нужна правда, только правда. Кто ты, это во-первых, зачем появилась в моем доме и самое главное, что тебе известно о моей матери.

Его хмурый вид говорил о том, что эти вопросы он задает последний раз, видно, что терпение мужчины вот-вот лопнет.

От обиды в горле засвербило, а на глаза накатили слезы. То, что для меня было волшебным моментом, оказалось способом давления, проверкой. Отвернувшись, захотела встать с его колен и немедленно убежать куда подальше, даже может из этого дома. Но Эдвард обхватил рукой талию и силой вернул на место, на свои колени.

— Ну нет, крошка, не убежишь, пока все не расскажешь.

Я зажмурилась и стала считать до 20. Ну нет, моих слез он не увидит. Хочет правду? Да пожалуйста, только пусть потом не жалуется, что эта правда вынесет ему мозг.

Вздыхнула и потянулась к сумочке. Боковым зрением наблюдаю его пронзительный взгляд. Сосредоточиться мешает его рука, она так и осталась ниже талии и теперь жжет, словно раскаленной клеймо.

Деньги и кредитку показывать смысла нет, все это бумажки, которые при желании можно сделать какими-угодно. Мое самое главное доказательство — смартфон. В 30-х годах 19 века точно еще не было ни телефонов, ни камер. А если и были, то в зачаточном виде. Так что, герцог мой, держись.

Достаю смартфон, чтобы ему было удобнее видеть чуть верчусь на его коленях, стараясь принять более подходящую позу. В какой-то момент Эдвард меня ловит и сильнее прижимает к своему торсу.

— Аккуратнее, а то я отброшу всю светскую сдержанность к чертям и мы перейдем к более приятной части допроса — шепчет мне на ухо, замираю. Не ускользает от меня и его довольный смех. Иуда.

— Это называется смартфон, — верчу свой любимый Айфон в светло-желтом чехле, пока он не вызывает у обнимающего меня герцога никаких эмоций, — с него можно ..., ну общаться с людьми на расстоянии, делать фотографии, видео, играть, записывать что-то.

Сама говорю и сама понимаю, насколько глупо это звучит, он ведь не знает этих слов.

— И? Вот это металлическое зеркальце должно убедить меня, что ты из будущего — в его интонации чувствуется откровенное издевательство. Опять накатывает бешенство. Хорошо.

— Я не вру. И сейчас тебе докажу. Внимательно смотри на это зеркальце, да, вот сюда, только не отрывай взгляд, — он с большим скептицизмом, но все же концентрирует взгляд на экране. В это время я незаметно нажимаю на кнопку. Через секунду загорается экран, появляется привычная всем заставка и в комнату врывается непривычный громкий звук

рингтона.

С огромным удовлетворением чувствую, как напряглись мышцы мужчины подо мной. Он вытянулся, нет, не вздрогнул, но его лицо мигом потеряло ту уверенность, которая была минуту назад. Я ликовала.

— Что это черт побери! — голос Эдварда звучал глухо. Его рука куда-то ушла с моего мягкого места, другая потянулась к смартфону. Он дотронулся до экрана, до сих пор не веря в происходящее.

— Это то, что изобретут через 150 лет. Теперь ты мне веришь?

— Безумие какое-то! — я только успела показать часть загруженного когда-то видеоклипа, когда Эдвард вскочил так, что меня, сидящую на его коленях, даже слегка подбросило и, чтобы не упасть, я вцепилась пальцами в стол, но все же устояла. Вижу, что герцог растерян. Понимаю. Проходили. Всю жизнь видеть только рациональное и обычное и тут вдруг что-то, что не вписывается в привычную картину мира. Но мой разум, видимо, более пластичен, или в нашем 21 веке я уже привыкла ничему не удивляться, потому и свое перенесение в другую эпоху я перенесла спокойнее. А вот Сомерсет, видимо, нет.

Он уже раз двадцать пересек комнату от окна почти до самой двери, несколько раз ударил костяшками кулака по поверхности стола, при этом бормоча себе под нос какие-то ругательства. Я не мешала. Он взрослый, сложившийся человек и ему нужно некоторое время для осознания всего, что он увидел. Я уселась на стул, который оказался необычайно высоким, и болтала ногами в ожидании, когда можно будет продолжить. Минут через 5–7 Эдвард, наконец, успокоился, встал у окна, устремив взгляд на заснеженный двор. Что-то решив для себя, он повернулся и подошел ко мне с боку. Мне даже не надо было оборачиваться, я чувствовала его всеми рецепторами своего тела. Необычное ощущение.

— Ладно, хорошо. Согласен, эту штуку я объяснить не могу. Никогда не видел ничего даже близкого к этому, — герцог облокотился одной рукой на стол, другую положил на спинку стула, я невольно напряглась, — Покажи, что она еще умеет.

Я улыбнулась. В его глазах я увидела уже неподдельный интерес, почему-то мне было приятно, что мне удалось удивить моего герцога, так, как не удавалось никому до меня.

— Это универсальное устройство. С него я могу, ну отсылать письма своим родственникам и друзьям, могу общаться даже с ним. Правда, сейчас это невозможно, — говоря, я продолжала нажимать разные приложения на экране, — Здесь можно слушать музыку, — и я включила первый попавшийся трек, это оказался Мерлин Мэнсон. Эдвард поморщился. — Ну да, музыка очень сильно изменилась за последние 150 лет.

Все это время он молчал, внимательно наблюдая за моими действиями. Иногда я ловила на себе его взгляд, но поворачиваться боялась. Хотя все бы отдала, чтобы увидеть выражение его глаз. Вдруг меня осенила гениальная мысль. Я улыбнулась про себя.

— А еще здесь можно делать моментальные портреты.

— Как в камере обскура?

— Скажем так, она была прародителем вот этой штуки. Здесь принцип другой, но я смутно это понимаю, в физике я практически ноль. Сейчас покажу.

И не дав ему ответить, я навела на него камеру и нажала кнопку. Внутри меня все ликовало, я смогла сфотографировать Эдварда! Его фото останется со мной теперь навсегда, непередаваемые ощущения.

Я протянула руку со смартфоном и показала Эдварду его снимок. Он удивился, но ничего не сказал. Отвернулся и некоторое время опять что-то обдумывал.

— Ну ладно, хорошо, ты из другого времени. В это я поверил. Но причем здесь моя мать? И Бёртон?

Ну наконец, разговор пошел в нужном направлении. Я взбодрилась и подалась вперед, немного облокотившись на широченную столешницу.

— Да притом, что все указывает на то, что твоя мама тоже из будущего! И если кто-то может нам рассказать об этом, то только этот Бёртон! — Эдвард подошел ближе к столу, сделал небольшой выпад и схватил мой подбородок своей лапишей. Потянул меня на себя, заставляя смотреть в глаза. Наши лица почти соприкоснулись, в его глазах пылал такой огонь, что мне стало страшно.

— Откуда ты столько знаешь? Ты живешь в моей доме меньше месяца, но знаешь чересчур много. Как узнала про маму? Про Бёртона? Ну! — он с силой тряхнул мою голову, так что из глаз чуть искры не посыпались. Ну и псих. Но если хочет напугать, обломится, я выбиваю его руку и как ни в чем не бывало усаживаюсь поудобнее на стул. Кажется, его ошарашила моя смелость. Ухмыльнулась, но ничего предпринимать не стал.

— Если вы успокоитесь, я все расскажу. Про вашу мать я стала подозревать в тот день, в вашей комнате, когда нашла брелок с Эйфелевой башней.

— Это тут причем?

— А притом, что эту башню построят в Париже лет так через 50–60, и если я не ошибаюсь даже инженер, который ее проектировал не родился. Откуда эта игрушка могла оказаться у твоей матери? Объяснение только одно — она, как и я провалилась во времени.

Эдвард скрестил на груди руки и внимательно слушал.

— Уверена, что если вы начнете вспоминать еще какие-то детали из своего детства, то всплывут еще какие-нибудь необычные детали. Разве я не права? — Эдвард продолжал молчать, но судя по тому, как хмурилось его красивое лицо, я оказалась права.

— А про Бёртона я услышала случайно, когда Франческа проговорила о том, как пропала твоя мама. Пойми, этот человек был в той комнате, когда она исчезла! Он видел, а возможно и что-то знает о этих непонятных перемещения в времени, — я вскочила со стула и подошла к герцогу совсем близко. Чтобы посмотреть ему в глаза, пришлось запрокинуть голову, — Мне нужно его найти. Возможно, это единственный шанс для меня вернуться домой, — я немного замялась, — А вы сможете узнать правду о своей матери.

Мужчина молча смотрел на меня сверху вниз. Сложно что-то было понять по его лицу, казалось, он вообще думал о чем-то другом. Наконец, он опустил руки и произнес:

— Хорошо, мне надо все это обдумать. Бёртона давно нет в Англии, но я попробую что-то узнать о его местонахождении, — он взглянул за окно, — Светает, иди в свою комнату, сегодня можешь приступить к работе на 3 часа позже, — Эдвард ухмыльнулся, — Учитывая твое ночное приключение. Иди.

Я застыла. А чего я ждала? Что он начнет со мной обниматься и мы, склонившись голова к голове, вместе будет придумывать план нашего будущего приключения? Не забывай, Эбби, кто ты здесь, служанка. Я опустила голову, чтобы он не видел накатывающих в уголки глаз слез. Потянулась к столу, чтобы забрать свои вещи.

— Это оставь, — с удивлением обернулась, — Я не буду их трогать, но пусть они останутся у меня. Не хватало, чтобы их кто-то нашел.

Я кивнула, выключила телефон и молча пошла к двери. Но могу поклясться, что пока я не скрылась за поворотом, мне спину буравил его жесткий, проникающий под кожу взгляд.

Глава 17

На 12 день ожидания решения герцога уже хотелось выть. Или нет, выпепить ваше сиятельство где-нибудь в тихом уголке и прямо спросить — ну что там? Неизвестность своей будущей судьбы ужасно раздражала. После той "незабываемой" ночи он ни разу не удосужился со мной поговорить. Да что там! Видела то я его раза два и то мельком. Сомерсет уходил рано утром, возвращался поздно вечером или даже ночью.

Не то, чтобы я за ним следила, нет, конечно. Но среди слуг тема хозяина — первая и основная. Особенно убивалась Франческа. Бедная женщина с таким воодушевлением ждала приезда герцога, желала показать ему все свое кулинарное мастерство, но этот щеголь почти не появлялся дома и весь свой пыл она тратила только на еду для персонала. Зачем ему вообще такой дом и такая прорва слуг, если он этим не пользуется? Ну, да, аристократы должны поддерживать свой статус, но такая непрактичность казалась глупой.

Я же работала, как проклятая. Если бы не мысль, что возможно, где-то ходит человек, знающий о перемещениях во времени и способный мне помочь, наверно, сошла бы с ума. А еще тоска заела. Я безумно скучала по маме, Кристоферу и Тому, моим двум сорванцам-братьям, по институту, да даже по Джону!

А еще я и не подозревала, что будет так не хватать телевизора и телефона. Занять себя здесь практически нечем. Я бы взяла почитать какую-нибудь книгу, но на мою просьбу наш "любимый" дворецкий отрезал "нет". Можно было бы, конечно, попросить Эдварда. Да как с ним наедине то остаться! Так что все мои дни занимали дела по дому. Даже поговорить толком не с кем. Эллис, моя соседка, хорошая девушка, но нам так и не удалось нормально сблизиться. Первое время она пыталась со мной болтать, но представления о мире у нас были настолько разные, что я большое время молчала. Постепенно она сдалась и наше общение свелось к минимуму. А одиночество так угнетало!

Внезапно меня осенило! Сегодня же вторник! А, значит, придет Пади. Пади был нашим почтальоном. На самом деле его зовут Патрик, но все его зовут Пади. Почему непонятно. Историю своей клички не знал даже он.

Это был веселый, долговязый парень 19 лет, симпатичный, аккуратный и, главное, разговорчивый. Он приходил 3 раза в неделю, приносил почту и счета, а забирать всю корреспонденцию было теперь моей обязанностью. При первой встречи я просто поздоровалась, а он внезапно начал шутить про мои испачканные сажей руки и смешные туфли. Так мы и простояли, болтая, почти полчаса. В четверг я его уже ждала у входа, Пади это подметил и чуть нахохлившись, вновь вступил в бой. Наш легкий флирт продолжался уже вторую неделю, этот юноша был моей единственной отрадой в чопорном доме. С ним было легко, мы шутили, смеялись, иногда он оставался на целый час и за это время я успевала хоть немного набраться человеческого внимания.

Да, я понимала, что нравлюсь Пади как девушка, и что встреч он со мной ищет не потому, что я хороший друг. Наш почтальон явно надеялся на что-то больше, что я ему никогда бы дать не смогла. И дело не только в том, что он довольно юн для любви, дело в герцоге.

Он преследовал меня во снах. Каждую ночь, будто наяву, я млела в его объятиях, сходила с ума от его поцелуев и сладких слов, что он шептал мне на ушко... Увы, такой хороший и ласковый Сомерсет был только во снах.

Благо, молодой почтальон вел себя очень корректно и не переходил личных границ и я была ему за это бесконечно благодарно. Потерять сейчас единственного друга я бы не

смогла.

Вот и сейчас, бросаю стирку и с улыбкой до ушей бегу к черному входу, где быстро набрасываю теплую накидку и высовываюсь из двери, что ведет в кладовую и кухню. Часы пробили 10 утра минут 15 назад, а, значит, скоро появится и Пади. А вот и он!

— Привет! — подбегаю я к парню, который уже зашел внутрь крытого двора и отфыркиваясь, стряхивает снег со своего длинного пальто.

— Здравствуй, красотка! Так спешила ко мне, что даже переодеться забыла? — Пади ухмыльнулся и посмотрел сначала на мою грудь, затем его взгляд скользнул немного ниже. Наклоняюсь, с удивлением окидываю себя взглядом. Ой, я забыла снять кожаный передник, который одевала для стирки. В спешке заворачиваюсь поглубже в черную накидку, чтобы не смущать мальчишку..

— А ты, смотрю, чересчур наблюдательный — беззлобно ворчу я.

— За тобой одно удовольствие наблюдать, — интонация, с которой было сказана эта фраза не оставила сомнений, наш почтальон в меня влюбился. Мысленно вздыхаю, надеюсь все же удастся удержать его на расстоянии. Делаю вид, что не поняла его тон и говорю бодро:

— Что ты нам сегодня принес? Чарльз был недоволен, что в прошлую субботу не нашел несколько счетов.

— В этот раз принес все, держи — и он передал мне несколько писем в плотных конвертах, некоторые были запечатаны сургучом. Я быстро засунула их за пазуху. Все, теперь можно и поболтать.

— Как твой брат? Сделал предложение своей будущей невесте?

— Ох нет, этот дурачок, наверно, никогда не решиться признаться Лили в своих чувствах. В этот раз, представь, повел ее в парк, довел до пруда... и там оставил. Хочешь знать почему? — я утвердительно кивнула, — А потому что она его поцеловала! В щечку! Билли, как самый последний болван, опешил и рванул через пруд прямо по льду, пришел домой с разорванными брюками, да еще фуражку потерял. Говорит, не ожидал от нее такого напора.

Тут я не удержалась и расхохоталась в полный голос. О своем чрезвычайно скромном брате Пади рассказывал уже не раз, и сейчас я живо представила 22 летнего парня, несущегося по льду от поцеловавшей его девушки. Патрик тоже смеялся и я не заметила, как он оказался совсем близко, еще чуть чуть и моя голова врежется в его плечо. С удивлением закидываю голову.

— Ты такая красивая, когда смеешься... Словно колокольчик в поле... — я опешила и опустила руки. Вот вообще не знаю, что делать в такой ситуации, оттолкну, обижу парня, но поцелуя от него я точно принять не смогу. Но Пади и не думал бросаться на меня, он поднял руку и нежно заправил прядь волос, выбившуюся из-под чепца.

— Ты как лето, такая же теплая, необычная — и внезапно стал наклоняться ко мне, заматавшись я рванула назад, но споткнулась о каблук и стала падать. Пади вовремя меня поймал и несильно прижал к себе. Его добрые глаза излучали добро и любовь... Внезапно момент разрушил гневный голос:

— Что, черт побери, здесь происходит!?

Я машинально отпрянула от Патрика, все еще скользя на своих домашних туфлях. Он тоже, будто обжегся, отскочил в сторону. В широком проеме, выходящем на улицу стоял Эдвард. Его фигура практически закрыла свет и двор, но я все же разглядела сбоку от него

вездесущего Чарльза. Блин! Неприятная ситуация, неизвестно, как здесь относятся к интрижкам слуг.

Пока я все глубже закутывалась в накидку, стараясь при этом не уронить письма, герцог сошел с места и стал надвигаться на нас. От его фигуры разило силой и бешенством, то, что он недоволен, можно было понять и без слов. Эдвард бросил быстрый взгляд на почтальона и скомандовал ему резко:

— Пошел вон! — что тот и исполнил с молниеносной скоростью, последний раз мазнув по мне затравленным взглядом. Везет ему. Видимо, мне одной придется разбираться с разгневанным хозяином. И что это он так взъелся?? Боится, что я передам нашу тайную кому-нибудь постороннему? Или письма потеряю?

Эдвард подошел ко мне вплотную. Я даже почувствовала его горячее дыхание на лице. Судя по тому, что на нем был одет костюм для верховой езды, сегодня он уезжал не по делам.

— Эбби, — я сглотнула, его тихий голос пугал меня даже больше чем тот громкий окрик. Судя по его лицу сказать он мне хотел много чего, но почему-то сдерживался. А, понятно почему, за спиной стоял Чарльз и с прищуром следил за моей реакцией, — Через 10 минут жду тебя в моей спальне.

— Но... — начала я протестовать, но Эдвард оборвал меня:

— Я сказал, чтобы через 10 минут была у меня. Чарльз проследи, — кинул он через плечо своему помощнику и чуть задев меня, прошел в дом. Покачнулась и не мигая уставилась на дворецкого. Тот ухмыльнулся и жестом показал мне на дверь. Что-то мне внезапно перехотелось встречаться с герцогом.

Глава 18

Эдвард

Чертова девчонка! Я, как полный идиот, бросил свои дела, перерыл весь Лондон, даже посетил парочку светских мероприятий, о чем до сих вспоминаю с отвращением, в поисках Бёртона, а она здесь с посыльным роман завела?? У меня в доме! Ну и наглая особа! С силой пнул дверь в комнату, на что она ответила противно-жалобным скрипом. Подошел к окну, пальцы до боли впились в деревянный подоконник, но я ничего не ощущал, в глазах стоял образ этих двух сладко обнимающихся голубков.

Конечно, это не ревность. Я же не какой-то мужлан. Эта девицы ничего для меня не значит, сейчас она меня интересуется только, как ключ к тайне исчезновения мамы. Это все. Но девчонка переходит границы, ведет себя, как распутная баба, причем после наших поцелуев. Я то думал, что приручил ее, может даже чуточку влюбил, это не помешает. И что выкинула Эбби? Напрашивалась шальная мысль сделать ее любовницей, подчинить страстью. Видимо так и стоит поступить. Женщину легко приручить, а уж я в этом деле не последний человек.

— Можно войти — слышу я после слабого стука, улыбаюсь про себя, ну входи, игра началась.

Эбби

Ей богу, как в первый день страшно. Уж какой у моего герцога взгляд был. Ух, не знала бы в чем дело, подумала, что ревнует. Меня, ой смех, герцог Сент-Мор ревнует. За последние несколько дней я уже успела переварить все наши стычки и поняла простую истину — он

меня использует. Сначала просто для интереса, теперь с целью узнать тайну исчезновения матери. Так что я не обольщаюсь. Нет, не обольщаюсь, даже, когда он так мило улыбается. Нет, и мне он безразличен. Хоть и стоит в белой полупрозрачной, хлопковой рубашке на голое тело. Да, господа, откуда я это знаю то?? И думаю зачем? Ой, а его поза, грозная что ли, стоит такой, облокотившись на высокую подпорку кровати, и взгляд пронзительный. Играет со мной. Ну посмотрим.

— Вы меня звали? — говорю, как можно тише и смирение. Прямо овечка. Не напугаешь.

— Эбби, — голос у него тоже спокойный, не то что 10 минут назад, когда чуть ли не рычал, успокоился, это радует.

— Тебе Чарльз объяснял правила поведения в МОЕМ доме? — оу, еще как, прямо доходчиво.

— Конечно, ваше сиятельство, я что, нарушила какие-то правила? — как можно удивленнее моргаю глазами.

Следующее действие я вот никак не могла предугадать. Эдвард вроде медленно отрывается от деревянной балки кровати и в мгновение оказывается рядом. Даже пискнуть не успела, как его ладонь сжала мой подбородок. Ситуация не из приятных, замираю. Тут неожиданно большой палец герцога оказывается у меня на губах. В шоке я пытаюсь что-то сказать, но он одним движением смыкает мои губы.

— Я хочу, чтобы ты уяснила раз и навсегда, — его голос звучит хрипло и от того до дрожи в коленях, сексуально, ну почему я об этом думаю то! — Пока ты в моем доме, целовать и обнимать тебя могу только я, ты поняла?

Мои глаза расширились до размера, превышающего привычные пропорции. Не поняла я, это что за монополия?? Но раскрыв рот, натыкаюсь на тот же палец, смыкающий мои губы.

— Без возражений, — просто отрезал мой герцог, его голос звучал тихо, но властно — Ты принадлежишь мне. Сейчас за твою жизнь никто не даст и пенса. И единственный, кто сможет тебя защитить — я. Надеюсь, это ты поняла?

Киваю. А что возразить то? И так дрожь в коленях, так еще мысли не логичные в голову лезут. Никогда не была рабыней, но сейчас резко захотелось. Интересно, это от его глаз или от ситуации вообще?

Удовлетворенный моими беззвучными кивками, Эдвард освободил мой подбородок. Ух, а с его пальцами отхлынула и сладко-режущая волна. Что-то со мной не так, это точно.

Эдвард отошел к окну, и хоть его плечи были неподвижны, мне показалось, что он облегченно вздохнул. Показалось.

Прошла минута, две, три, считать стала на третьей, 40 секунда, 45... Повернусь, нет, стоит, смотрит в окно. И тишина, гнетущая, напряженная. Я так не могу.

— Хм, ваше сиятельство — тишина, — ваше сиятельство, — полный игнор, — Сент-Мор! — на меня поворачивается удивленное лицо хозяина дома, кажется он вообще забыл, что я здесь.

— Можно я спрошу? — Эдвард, наконец, осознано взглянул на меня и коротко кивнул.

— Говори, — стало немного страшно, одно дело отражать атаку, другое ей руководить.

— Ваше сиятельство, — я чуть не поперхнулась под его черным взглядом, — Эдвард, вы узнали что-то о Бертоне? Просто прошло уже почти две недели и я...

— Я узнал, — оборвал он меня на полуслове, — И собирался тебе рассказать, но ты так была увлечена флиртом с посыльным..., что я даже не знаю, нужно ли оно тебе сейчас?

Закрывает глаза и мысленно посчитала до 5, потом до 10. Говорят, что это успокаивает.

Врут.

— Я с Пади, — услышав имя моего мнимого бойфренда, Эдвард сначала напрягся, но потом пренебрежительно хмыкнул. Тоже мне сноб. — Просто дружу. Дружба — это когда разговариваешь с человеком и он тебе не грубит, а отвечает на вопросы, поддерживает тебя. Вам это знакомо?

Уже не сдерживаю язвительности в голосе. Но на моего визави это не действует никак. Он еще раз с пренебрежением оглядел меня и плюхнулся на кресло возле камина. Тоже мне бругал. Отвожу взгляд от его мышц, которые, кажется еще чуть чуть и разорвут ткань рубашки, смотрю ниже... Нет, Эбби, туда смотреть не стоит! Опять утыкаюсь в глаза. А он все поняла! Ухмыляется!

Боже, я все как факел, щеки горят. Что делать то? Он молчит. Упорно смотрю на пуговицу его рубашки, кажется она белая и из нее проглядывают небольшие завитушки волос с его груди... Так все! Здесь о деле надо говорить! Собираю в кулак все свое мужество.

— И что вы узнали? Вы нашли Бертон?

Эдвард немного дернулся, или мне так показалось, встал и направился ко мне. Машинально отхожу к двери, вот, вот еще немного, блин, она закрыта, упираюсь спиной в дубовые бревна двери. А Эдвард и не торопился, медленно подошел близко, близко, так близко, что я вижу вычурный рисунок на той самой пуговице. Упорно смотрю на нее. И тут слышу тихое:

— Ты так и не ответила. Ты признаешь меня своим хозяином? — почему и когда стали так сильно топить? Вроде в камине чуть тлеют дрова, так почему мне до ужаса жарко? От него мне жарко, от его тела и слов. Разум отключается, подключаются инстинкты, особенно когда он кладет свою ладонь мне на поясницу и нежно, но требовательно сжимает правую ягодицу.

— Да, — лепечу я хрипло.

— Что да?

— Вы мой хозяин.

— А что еще? — его губы блуждают по вмятинке на моей шее, отказывают все мои рецепторы сознания, — Кому ты принадлежишь?

— Вам — это я сказала, а поняла, что сказала только когда его тело буквально впечатало меня в полотно двери, а его губы захватили мои.

Глава 19

Эбби

Весь оставшийся день я была в полном смятении. Этого поцелуя Эдварда я никогда не забуду. Он сминал мои губы, его язык ворвался в рот, вытворяя там просто сумасшедший танец. Руки блуждали по телу, по хозяйски трогая меня везде, буквально везде! А потом он меня оттолкнул. Просто бросил меня, всю разгоряченную и готовую уже на всё, в ледяную обыденность. Его взгляд был злым и в то же время страстным. Он хотел меня, я это видела, но почему то остановился. А в следующий момент мне пришлось зажмуриться, когда над моей головой его кулак встретился со стеной.

Эдвард выругался и отвернулся, чем я и воспользовалась, выпрыгнув за дверь. Этот мужчина меня всё больше и больше пугал, настроение у него было непредсказуемое. То мне казалось, что я ему действительно нравлюсь, ну или хотя бы он испытывает ко мне влечение, то он превращался в статую и замораживал меня своим серым взглядом.

А ещё говорят, что это женщины не знают, чего хотят. Даже смешно стало, в нашем дуэте именно я уже не сомневалась в своих чувствах. Да, я была влюблена, причём по уши.

Когда я пыталась анализировать, откуда могла взяться любовь-то, если мы постоянно только лбами сталкивались? После нескольких бессонных ночей, я плюнула на самоанализ и просто приняла ситуацию. Наверно, это тот случай, когда чувства приходят внезапно и бесконтрольно. Ну или это судьба.

Всё ещё больше осложняла наша ситуация. Я гость в этом времени и понимала, что не смогу жить здесь. Дитя продвинутой цивилизации, я морально чахла. Ого! А вдруг мать Эдварда чувствовала тоже самое? То есть она тоже сильно хотела вернуться в своё время и каким-то образом смогла найти этот путь домой?

Тогда особенно важно найти этого чертового Бёртона! Но одному снобу-аристократу, по видимому, гораздо приятнее следить за жизнью своей горничной, нежели заниматься делом.

Но я ошиблась. Оказалось, что Сент-Мор не тратил времени зря.

К вечеру того же дня меня послали собирать щепки для печи с заднего двора. Я настолько увлеклась занятием, что не сразу услышала хруст за своей спиной.

Разворачиваюсь, держа мешок в руках, и натываюсь на взгляд серых глаз. Сейчас они смотрят без злости или страсти, казалось, ему просто любопытно изучать моё лицо. Никто и никогда на меня не смотрел так, будто читая все мои мысли.

— Да, ваше сиятельство?

Разрушаю молчание. Но он и не торопится отвечать, ещё больше нагнетая волнение. Неожиданно мужчина обхватывает мою талию, привлекая ближе. Я ниже его ростом, поэтому, прижавшись, ощущаю, как подбородок Эдварда ложится на мою голову. Замираю. Странное ощущение, такое... интимное. А вдруг кто увидит наши обнимашки?? Но похоже этот вопрос занимает только меня.

Мужчина наклоняется ниже, чувствую его горячее дыхание уже на виске, волосах, которые выбиваются из небрежно накинутаго капюшона поношенного пальто.

— Прости меня Эбби, — Господи! От тембра его голоса, вибрирующего совсем рядом с моим ухом, по телу бегут сантиметровые мурашки, — Я вёл себя, как ревнивый любовник. Я очень хочу тебя, ты даже не представляешь как.

Видимо, я настолько поплыла от этих слов, что Эдварду пришлось покрепче прижать меня к своему телу. Эти его слова, обьятия... Неужели меня так легко приручить?!

Теперь Эдвард отстраняется, кладёт свою ладонь на мой подбородок и чуть приподнимает его, заставляя смотреть прямо в глаза. Аж дыхание переводит от остроты его и моей страсти, а что твориться ниже пояса... Никогда не подозревала, что я такая нимфоманка.

Он долго внимательно смотрит мне в глаза и наконец произносит:

— Но нам нельзя переходить черту. Мы не можем поддаваться чувствам. Ты понимаешь почему?

— Нет.. — тяну я несмело, уже понимая, что это не признание в любви, — Всё очень сложно. Я сам не понимаю, что испытываю к тебе, но это что-то очень сильное, настолько, что даже меня пугает. А ты, как и мама, можешь в любой момент исчезнуть. Я помню своего отца после её исчезновения, он просто перестал жить.

Махровые снежинки падали на его непокрытую голову, застревали в ресницах, одна даже упала на губы и тут же исчезла. Эдвард был такой теплый, такой близкий и... не мой.

— Но мы же можем попробовать? Если так произошло с твоими родителями, ещё не

значит, что мы повторим их судьбу! Эдвард, я тоже чувствую, что..

Но на мои губы легла ладонь мужчины. Попробовала помычать, сопровождая свой протест выразительным хлопаньем ресниц. На это герцог тепло улыбнулся, но ладонь не убрал.

— Нет, Эбби. Пока мы не выясним, что означают все эти перемещения во времени, нам лучше держаться друг от друга подальше.

С этими словами он убирает от меня свои руки, а я, лишённая энергии его тела, начинаю ощущать зимнюю вечернюю стужу и горькое отчаяние.

Почти дойдя до двери, ведущей в дом, Эдвард оборачивается.

— Завтра рано утром мы выезжаем. Возьми тёплые вещи, об остальном я позабочусь, — немного подумав, Сент-Мор меняется в лице, его взгляд становится более злым и колючим, — Но Эбби. То, что я тебе сейчас сказал никак не влияет на мой приказ, тебе нельзя встречаться и тем более находиться наедине с другими мужчинами. Уяснила?

Киваю, но он этого не видит. Не видит он и улыбки, которая растекается по моему лицу до самых ушей. Ох, Эдвард, судя по твоим последним словам я тебе не безразлична, а, значит, у нас есть шанс.

И весело напевая песенку из какого-то телешоу, продолжаю собирать щепки из полупустой дровницы.

Глава 19

Эбби

С трудом сдерживая зевоту, я провожаю взглядом очередной кривой домишко, промелькнувший в окне. Уже почти три часа, как мы выехали из Лондона, а мелким деревушкам, фермам и постоянным дворам, казалось, не будет конца. Нет, сначала я, будто изголодавшийся по красотам турист, накинулась на окно, старалась впитать каждую видимую мной частичку столицы, запомнить то, что ни одному человеку из нашего времени никогда бы не удалось увидеть.

Даже хотела попросить Сомерсета достать телефон, но его мрачно сцепленные губы и отстраненный взгляд остановили.

Всё очарование пропало, когда мы минули город и выехали на широкую, хорошо накатанную дорогу. Несмотря на раннее утро, на встречу постоянно попадались экипажи всех мастей, от дорогих с гербами и вензелями до почтовых, старых и обшарпанных. Не удивительно, ведь именно эта дорога вела во Францию. Туда мы и направлялись.

Правда, то, что именно Париж — наш конечный пункт назначения, я узнала не сразу. Первые минуты поездки герцог натянул на своё лицо маску холодной отстраненности и весьма односложно отвечал на мои вопросы. Поначалу он вообще отвернулся к окну, игнорируя моё присутствие, но по мере того, как я усиливала словесную атаку, его взгляд становился мягче, плечи расслабились, а уголки губ невольно тянулись вверх.

Наконец, Эдвард не выдержал и расхохотался.

— Эбби, ну признайся, тебе доставляет удовольствие меня доводить? — в его голосе не было злости, мужчина улыбался.

— Никак нет, — мотаю головой, — Ну разве чуть-чуть. Меня больше интересует, куда мы едем. Вы нашли, где живёт Бёртон?

Эдвард откинул голову почти до самой стенки наёмного экипажа, одна его рука упиралась о подвесной столик, другая спокойно лежала на сиденье. Сегодня герцог был одет

просто, но элегантно, чёрный костюм чём-то напоминал деловую одежду наших дней и страшно ему шёл. Почти всю дорогу я ловила себя на мысли, что люблюсь его плечами, подтянутым телом, сильными ногами... Ещё бы характер ему нормальный, был бы идеальным мужчиной. Хотя нет, мне он нравился и таким.

— Увы, пока похвастаться нечем. Бёртон уехал почти сразу после окончания суда, на котором его оправдали. Кто-то видел его в Париже, но это было лет 8 лет назад, так что шансов немного.

— Ну хоть что-то, — говорю я, просто радуясь, что он со мной говорит, — А разве у него нет родственников и друзей, у кого бы он мог приютиться?

Герцог пожал плечами.

— Он никогда не был женат, его единственный племянник живёт в Лондоне и он также ищет своего дядюшку уже несколько лет. А друзья. Друг у него был только один — мой отец. Так что, здесь тоже след обрывается.

Настроение что-то начиналось портиться.

— И как же мы будем его искать в огромном Париже?

— В свете о нём никто не слышал, у меня полно знакомых из Франции и они уверены, что никто похожий на Бёртона не появлялся в высшем обществе. Лично я склоняюсь к мнению, что он сам захотел исчезнуть для всего мира, во всяком случае для аристократического мира.

Невольно наклоняю тело вперёд, чтобы всё расслышать и чересчур накрахмаленная юбка моего скромного одеяния скользнула вперёд, чуть задев ногу Эдварда. Мужчина бросил на меня лишь мимолётный, но безумно сильный, выразительный взгляд. Какое-то мгновение, а меня уже пронзил уже такой знакомый разряд тока. И вот я на 1000 % уверена, что он почувствовал тоже самое. Не зря же он так заерзал на своей скамейки, даже позлорадствовала на это.

И это только один взгляд! Не представляю, как мы сможем оставаться в удалении, находясь так близко друг к другу. Но Эдвард быстро обретает самообладание, откашливается и продолжает.

— Именно поэтому наша поездка будет не совсем обычной.

— То есть? — от него можно ожидать чего угодно.

— Чтобы найти Бёртона нам придётся стать незаметными, невидимками. С моей одеждой и в дорогом экипаже это вряд ли получится, тем более возникнет много вопросов о твоём... кхм, статусе рядом со мной.

Уже что-то подозревая, я всё таки попросила объяснить свой план подробнее. Глаза Эдварда смеялись, да, да, он, видимо, получал удовольствие от моего неудовлетворенного любопытства.

Он протянул руку к небольшому тканевому тюку, что стоял на полу, развязал его и достал свёрток. Чуть покрутив его в руке, будто дразня, мужчина кинул мне свёрток на колени.

— Что это?

— Твои атрибуты для маскировки, примерь, специально для тебя выбирал.

По мере того, как на свет появлялась очередная вещь, на меня накатывали возмущение.

— Это что, шутка? Опять мужская одежда? Ну нет! Больше я парнем передаваться не буду! И не заставляйте!

Моя реакция смешила мужчину, он от души улыбался, поднимая вещи, что я

демонстративно подкидывала вверх.

— Не переживай так, это ты ещё моего костюма не видела.

С подозрением смотрю на мужчину.

— Покажите!

— Нет! Всему своё время. Эбби! А ну положи мешок на место!

Но я уже схватила тюк и потянула на себя, Эдвард не унимался, поймал нижний его угол и также тянул на себя. Всё больше забавляла ситуация, будто два ребёнка, которые не поделили игрушку.

— Сейчас разорвешь, Эбби, — требовал герцог.

— Неа! Вы мой маскарад видели, я тоже хочу посмеяться.

— Я не смеялся над твоим нарядом. Наоборот, мне он показался довольно милым.

И только я чуть расслабила хватку, как мужчина рванул мешок на себя. Разочарованно присвистнул. Его лицо чуть вытянулось.

— Ты что сейчас сделала?

— В смысле? А, свистнула.

— А ещё можешь?

— Зачем? — честно недоумеваю.

Вижу, как на лице Эдварда расцветает улыбка.

— Никогда не видел, чтобы женщина свистела.

Улыбаюсь в ответ

— Да без проблем! — засовываю два пальца в рот и от души свищу, прям как папа учил.

С удовольствием наблюдаю, как мой герцог хохочет.

— Бог мой, Эбби, ты просто чудо. Ты — удивительная девушка.

Затишаю. Впервые слышу из уст Сент-Мора комплимент.

— Правда?

Мужчина наклоняется и захватывает мои ладони в свои ручища. Притягивает ближе и нежно целует в краешек губ.

— Правда, — шепчет он где-то рядом с моей щекой, — А ещё ты очень навязчивая и упрямая, — пытаюсь возмущаться, но мужчина не даёт, — А ещё ты лучшее, что случилось со мной за долгое время.

Через секунду Эдвард отпрянул, но глаза продолжали держать контакт с моими глазами. Нам будто и слов не надо, какой-то внутренний диалог, без смысла, без логики.

— Приехали!

Грубый голос возничего разрывает эту связь, но я почему-то уверена, это только начало.

Глава 20

Эдвард

Черт знает, что со мной творится в последнее время. Веду себя, как дикарь. Накричал на бедную девчонку, напугал опять, хотя никакой вины за ней не было.

Как не хочется этого признавать, но я приревновал. И это меня удивило. Никогда не замечал за собой собственнических чувств, а тут, вдруг, поймал себя на мысли, что хочу растерзать посыльного там же на заднем дворе, а её запереть в самом дальнем подвале. Изнутри выворачивало от мысли, что кто-то другой смеет дотрагиваться до моей таинственной пришелицы.

Уже потом, остыв, я понял, насколько глупо и нелогично выглядели мои поступки. Почему я так реагировал на Эбби? Этот вопрос всё чаще и чаще рождался в моей голове.

Проще всё было свалить на похоть. Да, я хотел её, хотел так сильно, как никогда ранее. Но вместе с этим я жаждал получить не только её тело. Даже наоборот, казалось кощунством просто заманить её в постель и потом забыть. Да уж, её забудешь.

Меня заинтриговала эта девчонка. Она была из другого мира, чужая здесь, не похожая ни на одну из известных мне женщин. И да, этим она напоминала мне мать.

Мама тоже выбивалась из привычного мне общества. Она знала науки, не боялась высказывать своё мнение и совершенно не считала себя слабее или ниже мужчин.

Наверно, в будущем женщинам будет дано гораздо больше власти, чем сейчас. Не могу сказать, что мне это не нравилось. В ней чувствовался стержень, внутренняя сила.

Находиться рядом с Эбби было приятно. Пару раз ловил себя на мысли, что ходя по дому, пытаюсь уловить её запах. Она пахнет лесом и луговыми травами, что вообще удивительно, учитывая, настоящее время года.

Я хотел её видеть. Постоянно. Поэтому и убегал из дома. Хорошо, что дел было много, в работе я забывался и на время стирал из своей памяти девочку с волосами цвета лунного сияния..

Ого! Романтические мотивы в голове — это прям нехороший знак. Неужели я влюбляюсь? Конечно, я был влюблён, и не раз, но в прошлом чувствам почти всегда сопутствовало влечение, а когда оно удовлетворялись, проходило и всё остальное.

В этот раз всё не так, и от этого не по себе. Одно дело увлечься обычной женщиной и завоевать её сердце, а другое — полюбить девушку из другого времени, ту, которая в один момент может исчезнуть из моей жизни, так же как и мама..

Поэтому я и попытался оттолкнуть Эбби от себя. Во всяком случае до того момента, пока мы не найдём Бёртона и не узнаем все эти чертовы тайны.

Но жизнь удивительная штука. Дав сам себе приказ — держаться подальше от моей странной пришельцы, я тут же его и нарушил, взяв девушку с собой в поездку. Изначально план был другой. Я намеревался отправиться во Францию с Ильфиром и привезти бывшего друга семьи в Лондон и здесь уже действовать.

Но как только я представил, что Эбби останется здесь без присмотра, передумал. Уж лучше пусть будет под боком.

И вот теперь смотрю и злюсь. Пока она рассматривает необычную обстановку этой небольшой дорожной гостиницы, на неё пялятся все встречаемые мужчины. Чувствую, как растёт раздражение. Толкаю девушку в спину, поторапливаю. Та с удивлением оборачивается, в глазах обида. Черт! Побыстрее бы переодеть её в мужское платье. С её лицом и необычными волосами мы везде, как бельмо на глазу.

От мысли, что девчонке предстоит переодеться при мне в душе зарождалось предвкушение. Если мне нельзя получить её целиком, кто сказал, что я не могу смотреть и получать эстетическое удовлетворение?! Хотя что-то мне подсказывало, что на этом я вряд ли остановлюсь.

Что происходит в голове у этого мужчины? Только сейчас улыбался мне, даже чуть в любви не признался, а на людях опять натянул на себя маску, смотрит с холодом, безразлично как-то. Погода весной реже меняется, чем настроение герцога. Интересно, он так со всеми или только со мной?

— О! Эдвард, проказник! Только ты можешь себе позволить пропасть на много лет, а потом объявиться без предупреждения как ни в чем не бывало!

С узкой деревянной лестницы вниз спускался грузный пожилой человек. Его выпирающий живот служил своеобразным щитом, который он гордо держал перед собой. Мужчина был почти лыс, а по обе стороны головы, будто в насмешку, росли густящие бакенбарды.

Эдвард, идущий позади меня, неожиданно отодвинул меня в сторону и обнял старика. Человек еле доходил Эдварду до плеча, и потому на минуту вообще скрылся из моего обзора, все закрывала широченная спина герцога. Пришлось отойти в сторону и встать на цыпочки, чтобы ничего не пропустить. Но сильная рука бесцеремонно схватила меня за воротник платья и буквально оттянула назад к стене. Уу, тиран.

— Густав! Я рад тебя видеть! Сколько прошло времени с нашей прошлой встречи? 5, 6 лет?

Мужчина засмеялся.

— 6 с половиной. И я ни разу не получил от тебя весточки. Ты уезжал из страны?

Блин, как неудобно слушать разговор вот так, не видя лиц людей. Но выйти из-за спины Эдварда мне не удавалось.

— Да, меня не было в Англии почти 5 лет, — Не знаю как, но я почувствовала, что Эдвард улыбается. Кажется, он действительно рад этому человеку. Ну вот, умеет же быть милым, когда хочет.

— И неужели опять в путешествие?

— Нет, сейчас это больше деловая поездка. Надеюсь, у тебя есть комната для усталых путников?

— Конечно! Но пришли ты заранее записку, я оставил бы тебе свой лучший номер. Сейчас свободна только средняя комната.

— С синей дверью?

— Она самая.

— Ну и отлично. Нам подойдёт. Если я не ошибаюсь, там есть лестница на улицу?

— Есть, но ей не пользовались уже несколько лет. — Слышу, как мужчина откашлялся и пытается заглянуть за плечо герцога, — Эдвард, ты знаешь, я никогда не болтаю лишнего. Может познакомишь меня со своей спутницей?

И оба поворачиваются ко мне. На лице Густава читаю удивление и интерес, а вот мой спутник, кажется, недоволен? Интересно, почему. Улыбаюсь, как можно обворожительнее.

— Позвольте, мисс, выразить вам своё искреннее восхищение! — Мужчина пошаркал ногой в некое подобие реверанса, схватил мою ладонь и оставил на ней быстрый поцелуй. Аж дёрнулась, руки мне никто ещё не целовал. — Никогда не видел Эда в сопровождении дамы, да ещё столь привлекательной. Не знаю, что у вас за история, но я всё более заинтригован!

Улыбаюсь ещё шире, мне нравился этот кругленький человечек.

— Густав, хочу представить тебе мою спутницу, Эбигейл. Она моя дальняя

родственница, я сопровождаю её в Париж.

— Ах, родственница? — Густав понимающе улыбнулся, — Прекрасная Эбигейл, приветствую вас в "Поросычем хвосте". Сделаю все, чтобы вам здесь понравилось.

Я невольно хихикнула при упоминании названия гостиницы, но хозяин и не вздумал обижаться. А вот Эдвард, вижу, опять злиться.

— Густав, мы поговорим чуть позже. Сейчас нам нужно отдохнуть и покушать. Ты можешь нам прислать обед на двоих в номер?

— О чем ты спрашиваешь? Все будет через 20 минут.

И подмигнув мне, мужчина засеменил в сторону. Эдвард же схватил меня за и повлёк наверх.

Дверь, действительно, оказалась синей, только краска вся полопалась и облезла, обнажая черные от времени доски. Толкнув тяжелую створку плечом, Эдвард зашёл внутрь и потянул меня. А комната то большая, просторная, два больших окна, они не были занавешены, но имелись деревянные створки.

Неожиданно охнула, оказавшись прижатой к двери. В который раз уже? Эдвард смотрел на меня и тяжело дышал. Ну что опять не так то??

— Это обязательно надо было делать?

— Ты о чем? — Честно не понимаю претензий.

— О том, как ты любезничаешь с незнакомыми мужчинами!

— Так он же твой знакомый.

— Какая разница? Эбби ты совершенно не понимаешь, что делаешь. Я не знаю, как через 200 лет принято общаться, но здесь, если ты так лучезарно улыбаешься мужчине, ты даёшь ему повод считать себя распутной, — У меня аж брови вверх полезли, он что, считает, что я флиртовала? — Густав мой друг и уже пожилой мужчина, но все же мужчина. Заруби на своём прекрасном носу, что так ты с чужими разговаривать и улыбаться не будешь. Это в твоих же интересах.

Отмираю только когда он отодвигается от меня и идёт вглубь комнаты. Сразу оторваться от стены не получается, мешает тянущееся томление ниже живота, уже привычно появившееся после прикосновений Сент-Мора.

Эдвард успел бросить вещи и снять обувь, пока я приходила в себя. Никогда не думала, что плотское желание будет столь мучительное. Интересно, долго мы будем ещё играть в кошки-мышки со своими чувствами?

Глава 21

Эбби

Ужин нам подали королевский. Еда простая, но сытная и очень вкусная — отварной картофель, запечённое мясо и потрясающая вяленая рыба. Принесли и вино, но я лишь мотнула головой на предложение Эдварда выпить бокальчик. Со спиртным я не дружу. Даже пол бутылки вина хватает, чтобы из тихони превратить меня в довольно наглую особу. Думаю, герцог будет не в восторге от приставаний пьяной девицы.

Представила эту сцену и стало смешно.

— Чему ты так улыбаешься?

Ой, а я совсем забыла, что напротив меня сидит Эдвард.

— Ничего, просто смешная шутка вспомнилась.

Сент Мор вытер салфеткой кончики пальцев и вальяжно откинулся на стуле.

— Расскажи.

— О чем?

— Шутку расскажи, может я тоже посмеюсь.

В его глазах блеснула смешинка. Кажется, я забавляю герцога. Прелестно.

— Неа, это шутка из нашего мира, вам она вряд ли понравится.

— А что, юмор так сильно изменился за два столетия?

— О, даже не представляете как! Шутки стали более смелыми что ли и на любые темы.

— Прямо так на любые? — Эдвард с сомнением наклонил голову.

— Ну, запретных тем почти нет. Смерть, болезни, дружба, война, секс.

— Секс?

— Ну да, то есть интимные отношения между мужчиной и женщиной, — Почему-то опустила глаза, неудобно было говорить с мужчиной об этом. А вот ему забавно.

— Что тебя смущает, Эбби? Когда я целовал тебя, в тебе не было и капли застенчивости. Ты отдавалась мне страстно, самозабвенно. И я не против повторить эксперимент...

Я соскочила со стула, упираясь кулаками в деревянную столешницу. Чувствую, как мои щеки наливаются кровью.

— Зачем вы со мной постоянно играете?

— Я? — казалось мужчина был искренне удивлён.

— Да! Вы! То целуете меня, шепчете мне ласковые слова, трогаете... Везде! То говорите, что нам нельзя быть вместе... Мне это надоело! Решайте здесь и сейчас! Или мы просто партнёры, которые вместе ищут разгадку тайны, или...

Эдвард продолжал сидеть на стуле и со странным выражением смотрел на меня снизу вверх. Как только последнее слово вырвалось из моего рта и я притихла, мужчина положил ладони на мои сжатые кулаки. Его длинные пальцы нежно оплетали мои, рождая странное по своей простоте и интимности ощущение.

— Эбби, мила, я уже выбрал..

В этот момент дверь с силой отлетела к стене. На пороге стоял щуплый парнишка лет 13, в обеих руках он держал по ведру, с краёв которых во все стороны плескалась вода.

— Ой! Мастер Густав велел воды принести. Я хотел постучаться, но тяжело, я пнул то тихо, а дверь вона как отлетела..

— Тише, тише, — Эдвард поднял руку, чтобы остановить быстрое лепетания слуги, — Ничего страшного, занеси.

Мальчишка радостно вздохнул, проворно проковылял до окна, где и оставил воду.

— Щас мы с Кристианом ванну принесем, хозяин повелел новую выставить, из клена.

— Хорошо, спасибо

Эдвард сунул мальчику монетку и тот припевая помчался вниз.

Я всё ещё стояла у стола, когда подошёл Эдвард и прижал свой лоб к моему.

— Эбби, ты и так знаешь ответ на свой вопрос. Ты — это нечто, прекрасная, как роза после дождя... Смелая, добрая, настоящая...

Он провёл рукой по моей скуле, один палец задержался на губах, обводя их по контуру.

— Я сейчас уйду ненадолго, нужно поговорить с Густавом.

— Угу, — киваю я, замороженная взглядом любимых серых глаз.

— Пока прими ванну, неизвестно, когда мы в следующий раз сможем нормально помыться. Я тебя закрою, никто тебя не потревожит.

Дальше он поцеловал меня в губы. Вот вроде лёгкий, скромный поцелуй, а я вся горю и улыбаюсь, даже когда спина Эдварда уже скрывается за дверью.

Ванна оказалась настоящим подарком. Только сейчас осознала, что впервые за долгое время моюсь целиком. В замке нам выдавался небольшой тазик, дурно пахнущая, еле тёплая вода и мыло с сомнительными моющими качествами.

Сейчас же удалось по-настоящему расслабиться. Вода была горячей, чистой, так приятно вновь почувствовать комфорт! Однозначно, наша цивилизация хоть и греховна, но в плане удобств всё проще. Уж ванна и душ есть почти у всех.

От накатившего удовольствия даже захотелось петь. Не удержалась, тихонько стала напевать любимую песенку, на припеве голос окреп, закрыла глаза и дважды повторила любимое место.

— И куда же уехал твой любимый?

От звука голоса герцога я охнула и глубже нырнула в высокую лохань. Ещё не видя его, я в панике прокричала:

— Ваше сиятельство! Уходите немедленно!

Но как видимо мои слова прошли мимо его ушей. Когда я открыла сначала один глаз, потом второй, с другого края ванны на меня нагло уставился Эдвард. Его взгляд пугал, зрачки были расширены, а их выражение... жадное, будто он хочет меня поглотить всю. Чувствую себя маленькой и жалкой, я абсолютно голая и он это прекрасно понимает.

Мужчина протянул руку и слегка похлопал по воде.

— Уже остывает, вылезай.

— Неа, отвернитесь сначала.

— Зачем? — он потянул плечами — Эбби, может уже оставишь свою стеснительность? Я трогал твою грудь, я даже целовал и кусал твои соски, я..

— Хватит, хватит! Просто. сейчас вы меня смущаете.

Эдвард встал, закатал рукава рубашки выше локтей и погрузил их в воду.

— Нет! Ваше сиятельство..

Но Эдвард меня не слушал. Он обхватил меня за талию, и такую голую, трепещущую и всю мокрую прижал к себе.

— Эдвард, называй меня Эдвард — услышала я сладкое мурчание над ухом. Дальнейшие секунды помню с трудом, очнулась только когда мои руки уже обнимали шею герцога, а он нёс меня к кровати.

Глава 22

Эбби

— Что мы делаем? — шепчу я, пока руки герцога гладят мои бедра, а его губы целуют шею и ямочку на плече, рождая поистине неземные ощущения. Его тело вдавливаем меня в кровать, но я не чувствую боли или дискомфорта, от близости этого мужчины у меня пропали все связные мысли. Только мозг дает такие предательские команды — «еще!», «еще!», «еще!».

— Ммм, а ты как думаешь, моя лунная девочка... Я хочу любить тебя, ласкать твоё тело,

хочу, чтобы ты стала, наконец, моей..

— Но вы... ты говорил..

— Шшш. Мои слова, хочу говорю, хочу забираю.

Дальше я уже не слушала, не могла. Страсть, только голая страсть овладела нами двумя. Я погрузилась в какое-то космическое состояние невесомости, в котором существовали не герцог и девушка из будущего, а Эбби и Эдвард, мужчина и женщина в своем первоначальном воплощении.

Когда Эдвард убрал свою ладонь с бедра, я чуть не взвыла от мимолетного разочарования. Мужчина чуть слышно хмыкнул и прошептал, запутавшись в моих волосах:

— Эбби, моя сладкая, это только начало, сегодня мы с тобой пройдем по дорожке к звездам..

И Сент-Мор не обманул. Да, у меня мало опыта, но и я понимаю, что ночь была больше, чем просто интимная близость. Наши глаза сплетались при каждом касании, в его взгляде я читала все о нем, для него в моих тоже не было секретов. Мы даже дышали в одном тоне. Не было ни боли, ни стеснения, это, это было по-настоящему волшебным, по неземному.

Эдвард уснул только к утру. А я не могла. Мы так и лежали голыми, моя голова покоилась на его руке, я смотрела на профиль Эдварда и не могла прийти в себя от переполнявших меня чувств. Сейчас я не понимала, как, как я могла даже представить себе жизнь с Джоном? Нелюбимым, нежеланным, неинтересным.

От мысли, что моя любовь стала возможна только благодаря чуду, становилось страшно. Ведь чудеса не вечны, колдовство рано или поздно заканчивается. Вспомнить Золушку, Рапунцель, других героинь сказок, пострадавших от того, что поверили в волшебство. А если и наше закончиться? Если все это сон, я скоро проснусь. Окажется, что нет ни Эдварда, ни нашей с ним любви, ничего.

Тело пронзила такая сильная паника, что пришлось зажмуриться от пронизывающей, почти физически ощутимой боли. Нет! Не верю, не просто так я попала сюда, это не может быть случайностью! Просто не может и все! Сейчас у нас единственная цель — мы должны как можно скорее узнать тайну моего перемещения, я должна понять, что произошло. Получить ответ — зачем я здесь?

Я провела пальцем по плечу и руке своего герцога, любясь его чертами такого умиротворенного сейчас лица. Пока я понимала только одно, не смогут без него жить, не буду.

— Вставай принцесса — голос Эдварда вытягивал меня из лап сна, но я все еще сопротивлялась, ворочаясь и бурча, — Что же тебе такое снится? А, малышка? Неужели принц на белом коне?

— Неа, — не открывая глаз, но улыбаясь, отвечаю я — Мне снится огромный, неповоротливый медведь, который придавил мне ногу и вот вот раздавит всю меня. Ай! Ты что меня укусил??

Я аж подпрыгнул от неожиданности и присела на матрас.

— Ага! — Эдвард улыбался во весь рот и кажется вообще не сожалел о своем поступке, — Ты такая вкусная..

Скрещиваю руки на груди и демонстративно выпираю верхнюю губу. Видимо, мужчина как-то по своему понял мою гримасу. Потому что в следующий момент я почувствовала, как его рука бесцеремонно откинула простынь, прикрывающую мою грудь и взял одну из них в свою ладонь.

Острое ощущение пронзило всю меня. Но сейчас, при дневном свете, вернулось привычное смущение. Пытаюсь закутаться в ткань, но кто бы мне еще это позволил.

— Эй, ну как убери руку! Теперь это не только твою грудь.

— Чего, чего? А чья же, — даже упираюсь кулаками в бедра, чтоб сделать фигуру более грозной. Но, наверно, в костюме Евы эта моя бравада смотрится нелепо.

— Чья же еще? Моя. И эта моя, — теперь обе его руки гладят мои небольшие холмики, пальцы скользили вверх к соскам, прищипывая, даря необычайно острые ощущения.

— Эдвард..

— Что?

— Ты говорил, что мы поедем рано утром..

— Я передумал, еще не успел тобой насытиться.

— Я тоже.. — Но мой шёпот обрывает яростный поцелуй герцога.

Глава 23

Эбби

Вечером мы так и не уехали. Не уехали и на следующий день. Кажется, что мы и вовсе потеряли счет времени. Все, что происходило между нами в эти сутки казалось сумасшествием. Сладостным, запретным и таким... Фантастически нереальным. Хотя в нашей ситуации говорить о реальности было бы как минимум странно.

Мы почти не вылезали из постели. Смеялись, целовались, занимались сексом, опять смеялись и так по кругу. Лишь изредка наше уединение нарушали слуги, приносящие еду и вино. Опустив голову, они смущенно пробирались к столику у кровати, оставляли поднос и так же быстро испарялись. Их можно было понять, ведь никто из нас двоих даже не пытался покинуть кровать или хотя бы одеться. Один раз заглядывал Густав, но увидев многозначительный беспорядок и мое раскрасневшееся лицо, удалился вон, унося с собой понимающую улыбку.

Ни одному из нас не хотелось разрушать волшебство этого момента. Ведь тогда бы пришлось говорить о самой главном — о нашем будущем. А что мы могли сказать? Все казалось сном, да, чудесным, но сном.

Вот и сейчас за окном догорает последний день, а я лежу на голом животе своего герцога и поглаживаю его широкую, такую гладкую и теплую грудь. Его глаза закрыты, но он не спит, я уверена. Чувствую, как бьется его сердце, как ускоряется ритм, когда моя ладошка ползет вниз, все ниже и ниже..

— Эбби?

— Ммм?

— Ты заигрываешь?

— Нет, что-ты, я так выражаю свое недовольство. Конечно, заигрываю. Или ты устал?

— А ты, значит, нет — он переворачивает на бок, подминая под себя мое не менее голое тело и перекидывая ногу через мои бедра. Потом проводит подушечкой пальца по подбородку, одним только этим движением вызывая во мне дрожь волнения, — Оказывается под платьем служанки скрывалась страстная фурия? Такая горячая, страстная... Сегодня ты

меня буквально поразила, когда своими губами..

— Так, хватит! — смущаюсь от воспоминаний этой ночи, — По моему мы оба неплохо старались.

— Это точно, я все не могу тобой насытиться. Ты, словно, оазис из сладкого миража, где отчаянный путник, наконец, нашел избавление от своих мук..

— Ваше сиятельство! Да вы, оказывается поэт!

Эдвард смеется и скатывается с меня. Но далеко не уходит. Прижимается ко мне, обнимает рукой и притягивает ближе.

— Знаешь, я никогда не чувствовал такого успокоения. Даже не предполагал, что мне может быть так легко, просто и свободно. И все это ты, Эбби, ты малышка так на меня действуешь.

Душу окатило такое тепло, что чуть не задохнулась. Тепло его тела, его слова, все это окутывало меня, словно кокон, рождая только вселенной известные ощущения.

И можно было бы и дальше лежать вот так, вдали от мира и пугающих мыслей. Но нельзя. Мы должны поговорить. Вот сейчас наберусь смелости и спрошу. Или еще подождать?

Ну и трусиха. Боюсь спросить о будущем. В конце концов он мне говорил такие слова... Не думаю, что Эдвард мог так бессовестно врать, я не знаю как, но казалось, что он не такой. Ему не важно, что я служанка или вообще чужая в этом времени. Он не выбросит меня из жизни только потому, что я не его круга. Почему то меня преследовала только эта мысль. Я даже забыла о цели нашего путешествия. Вот, что делает с людьми любовь, убивает все разумное, рождая нездоровый эгоизм.

Но вскоре Эдвард облегчил мне задачу, сам начав разговор. Мы лежали почти в той же позе, только теперь моя голова была на его груди, а рука мужчины удобно уместилась на одном полушарии моей голой попы.

— Эбби. Тебе хорошо со мной?

Я даже приподнялась. И скрестив руки на его груди, нашла его взгляд.

— Мне больше чем хорошо, Эдвард. Я счастлива. До кончиков пальцев, до последней клеточки тела. Только от мысли, что я твоя, меня бросает жар. А когда ты на меня смотришь вот такими глазами... Я готова вообще на все.

Эдвард улыбается. Тянет меня к себе, впивается в губы, даря сладостное облегчение. Поцелуй длится и длится, рука мужчины все сильнее сжимает мои ягодицы. Нет, так мы не договоримся.

— Эдвард! — отрываюсь я первая — Мы ведь хотели поговорить!

— Ммм... Ты такая сладкая. Хочу укунить твою губу.

— Договорились, дракула мой, но потом. Ты не думаешь, что нам нужно поговорить.

Эдвард демонстрационно страдальчески вздыхает и откидывается на подушках.

— Согласен. Надо. Хватит откладывать уже.

Я молчу, боясь опять сбить его. Да и вообще боюсь, что он хочет мне сказать. Сердце предательски подпрыгивает, выдавая мои эмоции. Эдвард взял мою ладошку в свою, притянул к своим губам и поцеловал. Под ложечкой защемило от этого такого личного жеста.

— Эбби. Я не хочу продолжать эту затею с Бертоном. Давай вернемся? Ты теперь самый близкий для меня человек. Ты моя жизнь, моя невеста... Эбби, Эбби ты что?! Ты плачешь?

— Нет, ну ладно, немного. А что мне остается то? Ты говоришь такие слова..

— Так ты согласна?

— Не все так просто..

Вижу, как мужчина хмуриться, как на его переносице появляется глубокая складка. Но руку мою так же держит, только сжимает сильнее.

— Так ты хочешь вернуться к себе? В свое время? Ты не хочешь забыть свою старую жизнь и соединить свою судьбу с моей?

— Боже, Эдвард! Нет, конечно, нет! Я не хочу домой, — слово «домой» все же больно резануло по сознанию, — Я уже не смогу без тебя. Не знаю, может это сумасшествие, может это неправильно, но я не хочу разлучаться с тобой ни на секунду.

— Тогда в чем же дело? Вернемся в Лондон. Если хочешь, уедем в поместье, купим новый дом. Что хочешь! Я не смогу тебя отпустить..

Я волнуюсь, мне трудно подбирать слова, но их все равно нужно найти. Я должна объяснить ему свои мысли.

— Именно поэтому я хочу продолжить поиски. Нам нужны ответы. Обо мне, о твоей матери. Почему она пропала? Ты никогда не задумывался, а может и я также пропаду? Ведь мы не знаем причины. И я уверена, ты должен все узнать о том дне, об обстоятельствах, как твоя мама попала в это время. Я хочу, чтобы ты меня правильно понял. Понял, что это путешествие нужно нам двоим!

От своей речи я даже выдохнулась. Сдулась, как шарик. Сажу и смотрю в серые глаза любимого мужчины, он также не отводит взгляд. Чувствую, что ему не по душе моя идея. Но так будет лучше, почему-то я в этом не сомневаюсь.

— Хорошо. Если ты считаешь, что так лучше, давай сделаем это. Выезжаем завтра утром.

Тут он коварно улыбнулся, взял меня за руку и потянул ближе к своим губам.

— А теперь самое приятно. Сейчас ты зайдешь за ширму, наденешь свой костюмчик и...

На мое праведное возмущение, мужчина ухмыляется и закрывает рот своей ладонью.

— В конце концов, должны мы на деле проверить твою маскировку..

Глава 24

Эбби

Брр. Ну и холод. Сейчас здесь вроде февраль, снега выпало немного, да и морозов сильных я не ощущала, но вот ветер. Он один выводил из равновесия не меньше, чем мой абсурдный наряд. Проникал под мою курточку, бил по ногам, затекал даже в утепленные клоунские ботинки.

Ну кто, кто надоумил герцога выбрать именно такую одежду? Я то считала его достаточно умным и благоразумным человеком. А он что? Принес какие-то тряпки из цирка! И если во мне все же с натяжкой, но можно было признать мальчика-слугу, то в Сент-Море увидеть взбалмошного господина с творческой жилкой ну ни как!

Мы уже минут 30 мерзли в небольшом сарайчике, что граничил с городской конюшней, в ожидании почтовой кареты. И все это время я упорно пыталась представить нашу парочку со стороны без смеха. Получалось не очень.

— Эдвард!

— Мм? — промышчал мой герцог. Он был занят тем, что не отрывая глаз следил за крыльцом рядом стоящего здания и дорогой, ведущей из города. Оттуда, «с минуты на минуту», как нас уверял работник станции должен был подъехать наш «роскошный» экипаж.

— А напомни, мне, пожалуйста. То есть будь любезен, объясни еще раз, за каким чертом мы так разоделись?? И зачем едем не в твоей личной карете, с мягкими сидениями, подлокотниками из бархата, мягкой меховой накидкой и..

Эдвард повернулся ко мне. Улыбка, что осветила его лицо, заставила мое сердце на мгновение подпрыгнуть и замереть. Как же я люблю этого мужчину! Раз в восемнадцатый за день пролепетало мое сознание. Губы раскрылись навстречу любимому. Но нет, сейчас он просто подошел, обнял меня за плечи и прижал к себе.

— Моя маленькая лгунишка, — мягко протянул он — Ты все таки замерзла? Я ж предлагал вернуться к Густаву.

— И ждать еще два дня следующую карету?? Ну уж нет!

— Тебе так неприятно мое общество? — глаза Эдварда подозрительно сощурились, он смотрел прямо, не мигая, пытаюсь разгадать мои эмоции, — Ты сама настояла на продолжении путешествия. Если хочешь знать мое мнение, то я бы немедленно вернулся в Лондон.

— Нет, — не выдержав его взгляда, я опустила глаза, — Ты прекрасно понимаешь, почему я хочу ехать. Мне безумно, безумно хорошо с тобой, — для убедительности я положила свои ладони ему на грудь, с каким-то маниакальным удовольствием впитывая в себя каждый удар его сердца, — Но мне надоели эти тайны. Меня буквально съедает неизвестность. Как я могут продолжить жить здесь, пока не узнаю, почему все так произошло со мной.

Эдвард скомкал меня всю, будто тряпичную куклу и со всей силы сжал в свое тело. Такой странный жест. Будто он боялся, что я сбег или исчезну.

— Воздух, — наконец залепетала я, но увы, меня слышали только позолоченные пуговицы его пальто, — Воздух! — повторила уже громче.

Смеясь, герцог отстранился, но оставил наши бедра соприкасаться друг с другом.

— Посмотри на меня, — я поправляла свою нелепую шапочку, когда голос Эдварда нарушил молчание.

— Я смотрю.

— Ты смотришь на мою одежду.

— Ну как на нее не смотреть, она бесподобна!

— Чем тебя так не устроили наши костюмы?

— Чем? Ты серьезно? Посмотри — я прокрутилась вокруг себя, ну во всяком случае попыталась, руки Эдварда все еще лежали на моих бедрах, — Мы же похожи на циркачей, ну или на сумасшедших. Вот зачем мне такая ярко-красная курточка с меховым капюшоном? А? А ты... Твои панталоны с желтыми полосками смотреться просто..

— Возбуждающе? — глаза Сент-Мора смеялись. Казалось, он получал удовольствие от нашей перепалки.

— Да вот ни капли! Мы ведь выделяемся из толпы, как скоморохи! Вспомни, какими глазами нас провожали прохожие.

— В этом и смысл нашего маскарада.

— Стать максимально заметными? Но зачем?

— Эбби, малышка, я ж тебе уже говорил. Повторю. Дорога до Франции опасна

особенно сейчас, когда власти наплевали на все меры предосторожности и увели с граничащих земель почти все свои войска. Лет 5–6 назад здесь во всю орудовали шайки отморозков и бывших каторжников, не думаю, что сейчас лучше.

— И считаешь наша одежда их отпугнет?

— Во всяком случае меньше шансов, что такие полуоборванцы, как мы их заинтересуют. Если нас захватят в герцогской карете, то будут требовать выкуп, а может и хуже. Собой я готов рисковать без зазрения совести. Но не тобой, моя луноликая девочка..

Как всегда от его слов захотелось сорвать с себя всю одежду и броситься в объятия своего герцога. Отмахнув от себя срамные мысли (которые удивительно часто стали приходить в мою голову последнее время), я все же постаралась настоять на своем.

— Ну не знаю, можно же было взять охрану. Да можно и без них. Ты у меня вон какой сильный, уверена, одолеешь всех разбойников.

Эдвард хохотнул, немного отстранился, чтобы подойти к окну, и меня подтащил, обхватив за талию.

— Ты переоцениваешь мои таланты. Из оружия при мне только пистолет с двумя зарядами и нож. А нападающих могут быть толпы. Тем более, — он скосил на меня свой хитрый взгляд, — Будь у нас свита, вряд ли я смог бы так долго находиться с тобой наедине. Выбор сделан. Не знаю, правильный ли он, но надеюсь, все будет хорошо. Нам главное добраться до порта, а там Ла Манш и Франция.

— И я надеюсь, — тихо прошептала я, имея ввиду совсем иное. Встреча с воображаемыми разбойниками меня мало пугала, а вот конца нашего путешествия боялась до жути.

От грустных мыслей отвлек шум с улицы. Я услышала ржание лошадей и скрип колес.

— А вот и наша «золотая колесница» подъехала. Пошли.

И схватив меня за руку, Эдвард шагнул на улицу.

Ну про золотую колесницу он прям очень сильно преувеличил. То, что подъехало к станции больше напоминало огромный черный катафалк, потертый, с облупившейся обшивкой и огромным бесформенным козырьком. Тянула это страшилище четверка разношерстных лошадей сомнительного возраста. Но так как именно я настояла на поисках Бертона, то спрятала подальше свое недоумение и изобразила на лице жалкую улыбку.

— Помни о нашем договоре. Молчи, не реагируй на звуки, прячь глаза. Хорошо?

— Угу.

Эта была еще одна чудная затея моего герцога. Он не только купил (или нашел на свалке) наши костюмы, но и придумал нам роли. Я, например, полуглухой и немой слуга с хорошим почерком. А он... Ой, от этой мысли мне всегда становилось смешно. Себе его высочество решил возомнить странствующим поэтом. Нет, не так, искателем народных словесностей и сказок.

Откуда в его голове родилась такая фантазия, не знаю. Но в первый раз, когда Эдвард с гордостью рассказал о своих планах, я хохотала до колик в животе. Был момент, когда он даже чуть обиделся. Но тут он сам виноват. Натянул синие в желтую полоску панталоны, сомнительной свежести рубашку шоколадно-коричневого цвета и жилет с наполовину оторванными пуговицами. Хотя, стоит признать, даже этот нелепый костюм ему шел.

Сейчас всю эту красоту прикрывало серое мышинное пальто до колен, но штанишки то

спрятать не удалось. Сдерживая смех и волнение, мы, наконец, взобрались в карету.

Внутри оказалось на удивление просторно. Жесткие сиденья, покрытые старыми тряпками, были неудобными, но зато на них можно было устроиться в пологорота или даже полулежа. С учетом того, что ехать нам предстоит чуть более суток, опция уж больно соблазнительная.

Помимо нас в почтовой карете ехали еще пятеро. Сзади от нас устроилась пожилая, аккуратная женщина с невообразимо худой дочерью лет 30. Из ее черного чепчика выбивались седые непослушные кудри, которые она безрезультатно пыталась запихнуть поглубже под шапочку. В руках у женщины был небольшой чемоданчик и книга, видимо Библия. С дочерью они представляли удивительный контраст. Девушка вроде милая, с добрыми глазами, но все портила бросающаяся в глаза худоба. Явно не естественная. Мне вдруг захотелось узнать историю этой парочки. Но вовремя вспомнила, что я немая. Точнее немой мальчик.

Сбоку от прохода расположился приятной наружности парень небольшого роста, коренастый, очень суетливый, как на шарнирах. Пока ждали других пассажиров, он раз пять соскакивал и залезал обратно в карету. Причем, делал это без цели. Но как только тронулись, он успокоился, закрыл глаза и заснул.

Нашими соседями напротив оказалась ничем не примечательная супружеская пара и немолодой мужчина. Он больше всего привлек мое внимание. Его серые глаза ни минуту не находились в покое. Сначала они ощупали с ног до головы женщину с дочерью, безучастно мелькнули по парню и мужчине с супругой, а потом остановились на нас с Эдвардом. Так и хотелось крикнуть — я же говорила! Мы слишком много привлекаем к себе внимания. Это плохо.

И человек этот плохой. Я сразу это поняла. Нет, в его внешности не было ничего отталкивающего. Но в то же время... Что-то мне не нравилось. И в своем предчувствии я была не одинока, потому что рукой, что соприкасалась с герцогом, почувствовала его напряжение.

— Приветствую вас, дорогие попутчики! — начал он говорить буквально через секунду после отправления, — Как я счастлив, что здесь собралась такая тёплая, приятная компания. Позвольте представиться, меня зовут Саймон Корридж. Я пекарь из Сент-Дени, — никто не ответил на его сладкое приветствие, только пара рядом что-то невнятно пробурчала, но Корриджу, казалось, было плевать на невнимание окружающих, — Ах! Нет, вы не подумайте, я англичанин! От кончиков пальцев до корней волос на моей голове. Но дурак женился на парижанке. И теперь вынужден два раза в год кататься сюда, в Бексли, чтобы навестить свою матушку.

Так как и в этот раз никто не поддержал беседу, мужчина на минуту замолчал. Все это время он отчаянно выискивал себе собеседника, но все тщательно отводили глаза. Мальчик у входа и вообще спал. Тогда он решил выбрать своей жертвой герцога. Тот сидел прямо напротив него и отделаться от назойливого пассажира ему было проблематично. Я же, как можно глубже, закуталась в свое меховое безобразие, искренне надеясь, что не забуду о своем онемении.

Корридж поймал взгляд Эдварда, нахорохорился и продолжать лепетать.

— Моя любимая Элоиза, увы, скончалась три года назад, а я получил небольшое наследство. Непосудите сами, что мне одному с этим делать? Детей то у нас не было. Так я

решил продать нашу квартиру в Париже и перебраться куда-нибудь в пригород, а там..

Это мучение продолжалось еще почти час. Бонусом к скучной истории жизни одного мещанина мы получили еще и немного писклявый, слишком высокий голос, которым мистер Корридж выделял особо значимые по его мнению места.

Постепенно все привыкли к его галдежу и перестали обращать внимание. Даже я задремала. Только иногда где-то сверху слышала, как Эдвард поддакивал надоедливому попутчику, изредка вставляя ничего не значащие фразы.

Но оказалось, что расслабляться рано. Вылив на нас всю историю своей жизни от первого поцелуя с Элоизой до момента выбора ей надгробного камня, Корридж неожиданно задал свой первый вопрос.

— А вы, господин..?

— Фабелло.

— Итальянец?? — в не притворном ужасе пискнул мужчина.

— По отцу. Мать англичанка.

— А, ну да, такое редко, но бывает. Я сразу рассмотрел в вашем лице черты настоящего римского воина, — сладость из его рта могла бы затопить все чашки чая в мире, — Очень приятно месье Фабелло. Куда же вы направляетесь? Я прямо вот сижу уже сколько времени и не могу понять род ваших занятий? Вы артист? Нет, нет. Вы профессиональный путешественник! Картограф?? Уличный сочинитель?

— Почти угадали, — перебил его Эдвард. Он старался быть сдержанным, но я то чувствовала, как нарастает в нем негодование, — Я собиратель народных сказок, преданий. В настоящий момент пишу книгу про творчество французских менестрелей. Поэтому мы и едем во Францию.

— Ах! Это чудесно! Какая интересная профессия! Все бы отдал, чтобы вот так свободно путешествовать, общаться с людьми. А этот мальчик? Он ваш помощник?

Его взгляд впервые опустил на меня. И тут же напугал. На секунду в его зрачках промелькнуло такое... Не знаю, как объяснить, но будто он видел меня насквозь, будто знал, что я отнюдь не мальчик.

Рефлекторно я вжалась в сиденье и еще ближе придвинулась к Эдварду. Этот маневр не скрылся от мужчины, могу поклясться, что на его губах промелькнула усмешка. Этот человек опасен!

— Этот юноша — один из моих подопечных из церкви Святого Франциска. Он нем от рождения и почти ничего не слышит, но хорошо умеет читать по губам. Он ведет мои записи.

— Как интересно, — еще слаще пропел Корридж, — Бедный ребенок! Представляю, как ему тяжело, — с трудом оторвав от меня взгляд, он продолжил бомбардировать герцога вопросами, — А какие книги у вас уже вышли? Успешно ли дело писательства? Я вот тоже задумывался, а не опубликовать ли мне какой-нибудь рассказ? Скажем о поверженных королях и тех, кто их предал или же..

Бесконечный треп Корриджа продолжался еще часа два, пока он сам не устал от себя и откинувшись на стенку кареты, безмятежно захрапел.

Только тогда я смогла немного расслабиться. Боясь что-то сказать и выдать себя, я достала блокнот, который Эдвард предусмотрительно положил в мой карман, и нацарапала одну только фразу: «Он опасен! Я боюсь его». Прочитав, Эдвард взял у мен карандаш и написал ниже — «Я знаю. Не оставайся одна. Я с него глаз не спущу». Немного

успокоившись, я закрыла глаза и почти сразу провалилась в сон.

Глава 25

Эбби

Проснулась я от сильной тряски. Нашу карету мотало из стороны в сторону, иногда колеса подпрыгивали на ямах, создавая болтанку из людей внутри. Но открыв глаза, я поняла, что подобные неудобства расстраивают только меня. Говорливый пассажир беззаботно похрапывал напротив, пожилые супруги рядом тоже спокойно себе дремали друг у друга на плечах.

Я попыталась вытянуть ноги, но увы, удалось это только наполовину. Едва слышно покряхивая, так, чтобы не разрушить свою легенду, выпрямилась на сиденье и тут же столкнулась с насмешливым взглядом Эдварда. Только сейчас поняла, что его правая ладонь давно забралась мне под курточку и теперь обжигает мою оголенную кожу своими поглаживаниями.

Посмотрела на него укоризненно, но герцогу все весело. Улыбается в пол лица, а пальчики в это время опускаются все ниже, аккуратно отодвигают резинку моих штанов и начинает поглаживать то одну, то другую половинку попы.

Ерзаю от тянущего чувства возбуждения, ну зачем он издевается! Изо всех сил толкаю герцога локтем в бок. Тот охает, но руку убирает. Так просто отступать не хочет. Наклоняется сильно вниз, почти прижимаясь к моему виску, и еле слышно шепчет «Я соскучился...». Вот блин, можно подумать я нет! Не я же придумала эту историю с переодеваниями. А могли бы сейчас ехать с максимальным комфортом. Но нет, кому-то видимо не доставало приключений.

Отодвигаюсь от Эдварда насколько это возможно. Но тут понимаю, что на меня кто-то смотрит. Пристально, пронизывающе. Поднимаю голову. Но нет. Тот пекарь сидит с закрытыми глазами, правда, уже не храпит. Супруги в той же позе. Оборачиваюсь, но и здесь ничего подозрительного. Может показалось?

Мы ехали уже несколько часов. На улице начинало темнеть. Помню Эдвард говорил, что на ночь будет остановка в каком-то постоялом дворе — ночью передвигаться по английским дорогам особенно опасно. Ждала этого с нетерпением! Все мышцы огрубели и окаменели. Хотя в карете было не холодно, нижние конечности почти не чувствовала. Да и с Эдвардом нужно поговорить. Может, пока не поздно, откажемся от этой безумной идеи? Найдем карету и поедem, как люди?

Когда в окне замаячили огоньки деревеньки, я уже мало могла скрыть свою радость. Да и кушать хотелось. И в туалет. Карета въехала внутрь двора, очень большого, огороженного полуразваленными постройками из почерневшего дерева. Радовалась остановке не только я. Все пассажира как-то сразу повеселели, разговорились, бойко выпрыгивали из кареты на мягкий снег и рысцой бежали в самое большое здание.

Постоялый двор мне не понравился. Полная противоположность заведению Густова. Грязно, повсюду было разбросано сено, сломанная мебель и пугающе много проржавевших чугунов. А один единственный длинный стол был заставлен грязной посудой. Мда.

Герцог не отходил от меня ни на шаг, даже когда разговаривал с хозяином и передавал ему деньги. Сильно не вслушивалась в их разговор. Крутила головой туда сюда.

Удивительно, но другие пассажиры казалось были не удивлены обстановкой. Кто-то уже поднимался наверх, другие подсаживались поближе к камину. Меня же не покидало чувство гадливости от этого места.

Даже не поняла, как Эдвард вдруг схватил меня за руку выше локтя и потащил куда-то в сторону.

— Куда мы? — шиплю я, — Комнаты наверху вроде.

— Поверь, нам туда не надо, остановимся в конюшне.

У меня на лоб глаза полезли? Где-где? В конюшне?

Но Эдвард лишь прижал палец к губам и упорно продолжал тащить меня вперед. Мы прошли через кухню, где нас ошалевшим взглядом проводила грузная женщина с взлохмаченными волосами. Видимо повар. Вышли в длинный коридор. Дверь в конце вела не на улицу, а в просторное, довольно теплое помещение.

По стойлам с левой стороны было понятно, что это и есть конюшня, но лошадей здесь почему-то не было. Эдвард уверенным шагом шел вперед. Не доходя несколько метров до больших амбарных створок, герцог толкает одну из дверей и заходит внутрь. К моему удивлению мы оказались не посреди навозной кучи, а в небольшой, но чистой комнатке. Пол земляной, но чисто подметен и везде застелен соломой. Лежит большой матрас, толстый, с виду чистый, на нем пара одеял и еще какие-то комки ткани, напоминающие подушки. Даже таз с кувшином воды есть, стоял на узкой низкой табуретке.

— Мы здесь будем ночевать? — спрашиваю очевидные вещи, все же надеясь, что это шутка.

— Ага, — улыбается и притягивает меня к себе Эдвард, — Романтично, ты не находишь? Запах сена рождает во мне очень игривые фантазии..

— Ты меня последнее время даже пугаешь со своими фантазиями, — но в то же время улыбаюсь во весь рот. Это и понятно. несколько часов мечтала оказаться в его объятиях. Прижимаюсь ближе, обнимаю его спину, делаю замок руками. Даже не глядя ему в глаза, чувствую его улыбку. Он счастлив так же как и я. Как все это получилось? Когда мы начали ощущать друг друга так безошибочно. Мужчина держал меня в объятиях, а мне больше ничего и не надо было больше. А нет, ошиблась. Когда он положил свой подбородок мне на голову, ощутила вообще что то неземное.

— Здесь безопаснее и намного чище.

— В конюшне? — все еще не понимаю этого его выбора.

— Я не первый раз здесь. Наверху есть кровати, во всяком случае они их так называют. А еще много тех, с кем ты вряд ли хотела бы увидеться.

В недоумении запрокидываю голову.

— Клопы.

— О боже! Нет!.

— Увы, они здесь постоянные жители, в отличие от временных гостей.

— А здесь их нет?

— Ну, — мнется Эдвард, — их здесь на порядок меньше

Бью кулачком ему в грудь. Надеюсь, он это несерьезно.

— Да шучу. Здесь они не выживают, земля заморожена.

— А мы? Мы то выживем?

— Боишься, что замерзнешь? Так ты знаешь, как я могу тебя согреть...

— Эдвард! — кричу полупшепотом, — Ты уверен, что мы здесь одни? Подожди! Не

развязывай мне лиф. Давай посмотримся.

— Успокойся, малышка, — шепчет мне мужчина почти в волосы, — Я дал хозяину достаточно денег, чтобы нас никто не беспокоил. И я не могу нормально жить, пока не освобожу твою грудь от этой проклятой тряпки!

Мужчина пытается развязать ткань, которую сам наматывал сегодня на меня с утра. Точнее ему удалось это только раза с третьего, первые два... Ну вообще, не получалось у него сначала.

Сначала хихикала и фыркала, пока Эдвард то щекоча, то целуя освобождал меня от одежды. Но когда его руки скользнули вниз стало ну совсем не до смеха. Обнимаю и целую любимого мужчину в губы, та самая страсть охватывает сознание, тлею, млею, схожу с ума.

На границе сознания показалось, как вдали скрипнули доски. Но разум тут же растворился в языке поцелуев. Показалось.

Утро было не самое радостное. После блаженственно сказочной ночи было странно просыпаться от едкого зуда в ноге. Сначала даже не поняла, что это. Но вспомнив вчерашний разговор, вскочила и, напрочь забыв о своей немоте, заорала:

— Клопы! Эдвард! Меня кусают клопы!

Мужчина привстал на матрасе, сонно, еще не понимая в чем дело. Хватает меня за ногу и придвигает к себе.

— У меня там чешется! — тычу я в свою лодыжку — Там точно клопы! Боже! Что делать то?

— Успокойся, — сквозь зевоту говорит мой невозмутимый герцог. А я то думала, что его величество, выросший на пуховых подушках, будет как минимум в панике. Он еще ближе придвигает мою ногу к себе, из-за чего мне приходится сделать еще два прыжка ему навстречу. — Это не клопы. Солома впилась. Смотри.

И спокойно достает кусочки сухой травы, прилипшие к моей коже. С сомнением смотрю вниз. Да, вроде солома.

— Все равно страшно.

— Ну тогда иди сюда, я тебя защищу своим телом.

— Угу, — ложусь рядом и прижимаюсь к горячему мужчине попой.

— О, осторожно, малышка, нам через полчаса выезжать.

— Ну, за полчаса много чего можно сделать, — слышу тихий смех.

— Не сейчас. Но поверь, когда мы останемся в теплом месте в одиночку... Я сделаю такое...

Но договорить ему не дали. Мы услышали, как громко хлопнула дверь и по земляному полу раздалось шарканье чьей-то тяжелой обуви. Эдвард вскочил, быстро натянул рубашку, накинул жилетку, отодвинул засов нашего хлева и вышел. Я тоже не стала терять времени зря. Мужчина вернулся через 5 минут, а я уже была почти готова.

— Ты сама перетянула грудь?

— Ага. Но слегка, не переживай.

— Я все равно переживаю, — вздохнул Эдвард и подошел ближе. Положил свои ладони мне на плечи и заглянул в глаза, — Еще не поздно вернуться. Давай забудем о Бертоне. Останемся здесь, я отправлю в город за экипажем и мы уедем в Лондон и...

— Эдвард, я...

— Да, понимаю. Тебе нужно знать правду.

От его хмурого взгляда и мне стало не по себе.

— Я чувствую, что это правильно. Так надо.

— Хорошо. Больше не буду тебя уговаривать. Тогда разворачивайся, я перевяжу тебе грудь и поедем.

— А что с ней не так?

— Ее видно.

— Прямо сильно?

— Представь себе, она у тебя очень даже аппетитная...

— Так все, давай.

Вышли мы из нашей конюшни чуть позже чем через полчаса, но оказалось, что опаздываем не только мы. Пассажиры то были в сборе, но в карету не садились и оживленно о чем-то разговаривали, жестикулируя руками, а иногда и всем телом. Когда мы с Эдвардом подошли ближе, поняли причину всеобщей паники. Оказывается, куда-то запропастился наш кучер. Вечером лег спать в комнатухе на первом этаже, а утром потом просто пропал. Все склонялись к мысли, что бутылка настойки, выданная ему для согрева вчера вечером, оказалась явно лишней. Куда он мог деться непонятно.

Судьба самого мужчины всех мало интересовала. Но вот кто, поведет карету, оставалось под вопросом. Пока толпа паниковала, а Эдвард всех пытался успокоить, решение нашлось само собой. Откуда не возьмись появился вездесущий Корридж. Запыхавшись, он радостно стал тараторить о своих приключениях. Как он поднял с постели чуть ли не весь муниципалитет этого городка, как навел шороху в местном полицейском участке, как...

Вообщем, за 5 минут мужчина выдал столько информации, что еще больше запутал окружающих. Кое как, путем наводящих вопросов, всем сообща, удалось узнать главное — кучер будет, мужичек из местных. Правда, придется доплатить. Немного повозмущались, наши спутники все же согласились и все дружно вернулись в карету.

Новый кучер пришел минут через 10. Все, в том числе и мы, наконец, вздохнули с облегчением. Но как оказалось, рано.

Мы были в дороге всего часа полтора, когда карета очередной раз сильно подпрыгнула и встала. Раздались недовольные возгласы. Я посмотрела на Эдварда. Но тот только весело подмигнул. Мол, все в порядке. Тогда откуда во мне это чувство тревожности? Неожиданно дверь кареты распахнулась. На нас тяжелым взглядом смотрел хмурый грузный мужчина, наш новый кучер.

— Колесо отлетело. Помощь нужна кого посильнее. Ты и ты — он указал на Эдварда и коренастого мальчишку, сейчас он сидел рядом с нами, — Поможете?

Парень вскочил со своего места, даже не дождавшись окончания слов мужчины. Мой герцог на секунду задумался, но потом пожал плечами и тоже направился к выходу. Пожилой супруг тоже хотел присоединиться, но его еще на подъеме с сиденья подловила жена, процедив сквозь зубы «Хьюберт, твоя спина!». Тот не стал сопротивляться и снова вогрузился на лавочку. Корридж даже не шелохнулся. Ну да, он только разговорами бесить может. А что до настоящей помощи. Блин, когда уже закончится это путешествие.

Из окна обзор был плохой, так что я не видела мужчин. Слышны были только их глухие голоса и стук молотка. Внезапно все изменилось. Сначала раздался крик. Пронзительный,

страшный. Кричал тот мальчик, я уверена! Через долю секунды я поняла, что за стеной кареты происходит нечто страшное. Там дрались!

Не думая и не анализируя, что я там буду делать, рванулась к выходу. Дверца больно стукнулась по ноге, но я этого не заметила. Вывалилась на снег, упав на колени. И только сейчас до меня дошел тот самый противный голос из кареты:

— Рон! Этого держи! В красной куртке! — это кричал Корридж. Попыталась обернуться, но меня уже грубо схватили, скрутили назад руки и поволокли вдоль дороги. Я не видела, кто меня взял, но это был не пекарь. Его противная рожа то и дело мелькала у меня перед лицом, когда я вырываясь и пинаясь, пыталась вырваться из пут. Мои брыкания остановили чьи-то руки, легко приподнявшие мое тело в воздухе и затем припечатавшие меня к стенке чужой кареты.

Мгновение и передо мной оказалось лицо Корриджа. Довольная ухмылка этого пресмыкающегося не оставляла надежды на лучший исход. Он внимательно и с интересом рассматривал меня, отчего я ежилась еще больше. Интуиция не обманула. Насмотревшись, он хихикнул, схватил меня за берет и резко дернул его вниз. Со страхом чувствую, как по плечам рассыпаются волосы.

— О! Красотка, я так и знал, — в полном довольстве собой цоклет Корридж, — Почти сразу понял, кто скрывается под этим маскарадом.

— Ничего себе! — это говорит подошедший сбоку мужчина, тот самый сменный кучер. Ну теперь все понятно. — Ну ты и кусочек отхватил, Калев. Какая сладкая, а эти губки..

Мужчина протянул к моему подбородку руку, но лжепекарь с силой ударил его по ладони.

— Убери свои клешни! Товар попортишь, — огрызнулась он, — Лучше иди проверь, че с этим писателем. Мне проблемы не нужны.

— Так там Орландо с тремя своими людьми, уверен, они его уже прикончили. От этих слов заledenело сердце. Эдвард? Нет, не может быть, просто не может..

— А ты иди и проверь! Мужик кажется крепким, иди я сказал!

Тот недовольно бормоча себе под нос, все же отошел от кареты. Мы остались втроем. Огромный парень с необычайно детским лицом еще держал мои руки и шею, не давая сказать и слова. Сам он тоже изображал статую.

— Ослабь хватку, Рон, нам ведь не нужно, чтобы на этой беленькой коже остались синяки. Ведь правда?

Вот, опять вернулась эта его сладость в голосе. Двуличный козел! Но есть хоть один плюс — тот бугай слушается и убирает свои пальцы-сосиски. Уфф, дышать стало свободно, откашливаюсь.

— Какой-то ты неправильный пекарь, — зло выплевываю я.

Тот улыбается и подходит ближе. От запаха чужого мужчины стало тошно. Еще и о чистке зубов он, наверно, не слышал.

— Как и ты малышка. Все мы играем свои роли, — он кладет свои жилистые пальцы мне на шею, — Жаль. Все же синяки останутся. Надеюсь, за три дня пройдут. А теперь в карету! Руки и ноги ей свяжи.

Молчаливый Рон кивнул и полез за веревкой. Да, щас, сдамся я просто так. Размахиваюсь головой насколько это возможно и бью лбом в грудь Корриджу. От неожиданности тот чуть качнулся в сторону, но мне и этого достаточно. Со всей силы кидаюсь в сторону леса, что мне делать там, не знаю. Но оставаться здесь тоже не вариант.

Кроме того, нужно узнать, где Эдвард.

Счастье свободы длилось недолго. Через несколько шагов меня настигает тяжелая туша того самого Рона. Он толкает меня в спину, падаю и переворачиваюсь, но уже в следующее мгновение вижу огромный кулак, летящий в голову. Дальше темнота.

Глава 26

Эбби

— Вот, возьми кусок моего подола, — сквозь какой-то туман слышу женский голос и звук рвущейся ткани, — Смочи в воде. Посмотри, у нее все губы в крови. Энжи! Осторожнее

Дальше чувствую прикосновение чего-то влажного к губам. Вода и правда действует отрезвляюще. Я наконец прихожу в себя. И свидетельство тому стон, вырвавшийся откуда-то из глубин горла.

— Тиш, тихо. Лежи. Тебя сильно ударили. Вот же гад этот Рональд-Гора или как его там, — голос другой, но тоже женский, прямо рядом со мной.

— Василиск его Роном всегда зовет, — это говорила первая девушка. Так, соображать я вроде начала, но как-то пока медленно.

С трудом, но разлепляю веки. Сфокусировать взгляд удастся не с первого раза. Перед глазами прыгают прозрачные кружочки и нечто, напоминающее струйки конфетти. А, да, я не ошиблась, девушка. Молодая, блондинка с милыми веснушками и полными губами. Да где это я?

Пытаюсь встать с кровати или на чем там я. Руки упираются во что-то хрустящее и колючее. Опять сено. Постанывая, сажусь почти наполовину. Но тонкие руки обвивают мое тело и тянут назад.

— Подожди! Не надо так резко. Голова будет болеть, — и аккуратно укладывает меня вновь на колючие конечки сухой травы. Теперь открываю глаза более осознанно и задаю единственный вопрос, который сейчас меня интересует:

— Где я?

Девушка, сидящая подле, грустно улыбается, при этом продолжая обмачивать мои губы влажной тряпочкой. Чувствую, как с другой стороны от меня тоже кто-то садится. Поворачиваю голову туда почти со скрипом. Еще одна девушка. Также блондинка, но с рыжиной. И тоже очень красивая. Непонимающе смотрю на своих соседок. Говорит та, что только подсела.

— Ты в аду. Точнее в плену. Я, — она приложила ладонь к своей груди, — Ребекка, это, — указывает в сторону от меня — Анжелина или Энжи. Всех нас похитил Василиск. Здесь мы уже почти две недели, а тебя принесли около часа назад.

— Кто-кто похитил?? — а в голове уже всплывают воспоминания. Карета. Полонка. Пекарь. Эдвард. Бог мой! Эдвард!! Он же сказал, что они его убьют! В панике пытаюсь вскочить, но теперь меня уже удерживают две пары рук. Не без труда, но им удастся повалить меня назад.

— Не дави так, Бекки, она же в панике, ей надо смириться..

— Тише ты! Я понимаю, что это шок, да не вырывайся ты! Успокойся! Мы заперты, в подвале. Двери железные с засовом, изнутри их не откроешь. Так что бежать некуда, увы.

То ли от боли, то ли от накатившего осознания ситуации, я успокаиваюсь. Закрываю глаза и пытаюсь понять, как, как это вообще возможно! Мало мне приключений с перемещениями во времени, так теперь я еще и пленница какого-то Василиска! И Эдвард...

Нет, не поверю, даже если увижу. Он не может умереть. Это просто невозможно. Мое появление, наша любовь, все это... Все это не может быть зря! Так не бывает.

Чувствую, как по обеим щекам скатываются слезы. Кто-то из девушек заботливо их вытер.

— Поспи еще немного, — уже вдалеке слышу голос Ребекки, — Тебе нужно набраться сил. А потом поговорим.

Не слышу последние слова. Сознание сдается и я проваливаюсь в тяжелый, жгуче болезненный сон.

Через несколько часов просыпаюсь уже более здоровая, а, главное, очень-очень злая. Да. Правильное состояние. Злость сейчас — это единственное, что может не дать впасть в отчаянье. Я не буду думать об Эдварде. А зачем? Я и так знаю, что он жив и придет за мной. Через несколько минут такого самовнушения я и вправду поверила себе. Да так и лучше.

Потому что в данный момент главный вопрос другой. Где я и как отсюда выбраться. Девушки охотно поведали мне истории своих похищений, в красках описывая, как и для чего все мы здесь. По их обреченным лицам я поняла, что они смирились со своей участью. Но я точно нет. Да, история становится все интереснее. Если раньше я была служанкой в 19 веке, теперь мне, возможно, предстоит стать рабыней в том же веке. Прекрасно.

Ведь по словам Бекки и Энжи Василиск (это прозвище худому сморчку-Корриджу они придумали сами) уже давно промышляет похищением девушек. Ищет самых красивых и желательно девственных (тут я позлорадствовала, со мной ему не повезло) и отправляет их на невольничьи рынки в Турцию, Египет или Марокко.

Ребекку его люди схватили в городе, возле храма, откуда они со своей служанкой выходили после вечерней мессы. Девушка почти задыхалась, когда рассказывала о смерти своей няни от рук бандитов, о том, как ее орущую и ревущую закинули в угол кареты, заткнули рот и везли почти сутки. С Энжи история еще трагичнее, ее похитили накануне свадьбы. Она разлучилась с отцом и братом всего на минутку, но этого мгновения хватило, чтобы затащить ее за угол дома, также связать и беспомощную увезти от своей жизни.

Я и сама плакала вместе с девчонками. И меня отлучили от любимого. От человека, которого у меня и так может забрать время в любой момент. Проревевшись, мои союзницы по беде ушли на импровизированное ложе, точнее большой тюк сена, накрытый какими-то тряпками сомнительной свежести. Там они, переполненные своим горем, забились в угол и видимо ушли в свои грезы.

Мне же было не фантазий. В голове то и дело стучала мысль — надо что-то делать. Эбби, надо что-то делать! Иначе ты сгниешь в гареме какого-нибудь лысеющего султана. И это в очень хорошем случае. Я хоть и молода, но все же трезво оцениваю свою внешность.

Я мерила шагами нашу тюрьму и думала. Ходить, правда, было особо негде. 15 шагов в одну сторону, 22 в другую. Это действительно был подвал. Сырой, вонючий, но хоть теплый. Наши похитили видимо «заботились» о пленницах и усиленно топили печь, стенка которой выходила к нам. Там находилась и «кровать». Спасибо хоть за это. От земли шел неимоверный холод, если бы не горячая стена, мы бы в миг замерзли.

Так. Стена. Если она связана с печью, то вероятно, в ней есть какой-то дымоход, старая труба или еще чего-то. Маловероятно, но все же может стоит поискать выход к свободе наверху? Я задрала голову и разочарованно выдохнула. Нет. Комната напоминала колодец.

Узкая, но очень высокая. Возможно, мы в старом замке или тюрьме. До потолка здесь метра 4, если не больше.

Да. Это не вариант. В миллионный раз подошла к двери. Потрогала черные доски, приделанные поверх железного полотна, свежие. Только недавно оказались здесь. То есть логово готовили заранее. И судя по рассказам девочек их выслеживали долго и целенаправленно. А это значит что? То, что люди, похитившие нас, совсем не дураки. У них все схвачено. А это плохо, очень плохо.

Вот как бы я сейчас хотела высказать моему герцогу, все, что о нем думаю! Ведь именно из-за его безумной затеи, я сейчас сижу в подземелье, а он? Где же он?

В тупом изнеможении упираюсь лбом о дверь. Железо, словно замороженно, через кожу передает холод всему моему телу. Но я не сопротивляюсь. Авось, что-то прояснится.

Неожиданно слышу скрежет и мой лоб теряет опору. Но я не поддаюсь. Быстро выныриваю из падения и встаю прямо. Тут же по рукам к голове бежит жар злобы. Прямо напротив себя вижу довольное, ухмыляющееся лицо Корриджа или Василиска.

— Что ж ты, куколка, под дверью стоишь? Холодно же. Шла бы к девочкам, там теплее, — говорит весело и мило так, аж зубы скрипят. Даже не поняв, как это произошло, замахиваюсь и кидаю кулак в его наглую морду. Но меня опережает темноволосый худенький мужчина, который, оказывается, все это время стоял за спиной главаря. А я даже не заметила. Он перехватывает мою руку и силой давит сначала вниз, потом заводит за спину. Слепну от боли в мышцах и суставах.

— Отпусти! — это я кричу неосознанно, разум застилает от боли.

— На колени! — почти кричит он и еще больше заламывает руку. От бессилия делаю, как он велел. Лишь бы отпустил. Когда оказалась на коленях, он немного ослабил хватку, но продолжал держать меня так, чтобы я не могла встать.

— Осторожнее. Так можешь и руку вырвать. А ты можешь, я видел, — мягко, почти по доброму говорит Василиск — На коленях, куколка, ты мне нравишься больше. Эта поза тебе идет.

Подходит ближе, так, что я вижу его высокие черные сапоги. А в них отражение своего перекошенного от бессильной злобы лица. Или мне это кажется. Единственная лампа то стоит в другом конце комнаты.

Василиск подходит ближе, хватает своими жилистыми пальцами мой подбородок и тянет вверх. Пытаюсь встретиться с ним взглядом. Чем черт не шутит. Может глазами все же можно убивать.

— Ну, что я тебе говорил? Какова? А?

Черноволосый мужчина взади меня одобрительно угукает.

— Да, неплохой улов на этот раз.

— Те две красотки, но обычные. А эта другая, — он продолжает сжимать мою челюсть, поворачивая голову, рассматривая меня, будто лошадь на рынке, — В этой огонь! Я сразу понял, когда увидел тебя. Кого ты хотела обмануть этим маскарадом, девочка? Эти милые щечки, вздернутый носик, губки. Ох, если бы не хотел выручить за тебя кучу золотых, себе бы оставил. Да, отпусти ее. Видишь, уже синее.

Мужчина отпускает руки, а я не могу скрыть вздох облегчения. Встаю с колен, потирая больное место. Теперь оба похитителя стоят передо мной. На лице черноволосого ничего невозможно прочитать, а вот Корридж весь прямо светиться.

— Кто вы? Зачем я здесь? — решаю сыграть в глупенькую. Хоть боль никуда не ушла,

но нельзя забывать о первоначальной цели. Я должна найти лазейку. Должна.

Василиск ухмыляется.

— Уверен, твои соседки уже просветили тебя, — он обходи стороной, заставляя отодвигаться ближе к стене, видимо ему доставляет отдельное удовольствие загонять свою жертву в угол — Я лишь ловкий предприниматель. Бог не дал мне красоты и титула, но одарил чем-то большим, — и он постукивает пальцем себе по лбу.

— Рогами? — не смогла удержаться я. Судя по слишком явному кряхтению черноволосого, шутку они поняли. Корридж бросает на своего спутника быстрый взгляд, и тот в миг замолкает.

— Нет, моя дорогая, умом. Ловким и изворотливым. Ты даже не представляешь, как тебе повезло, что попала именно ко мне.

— Да ну? — не стала я пятиться к стене, а немного изловчишись, спиной отступаю к кровати, на которой вжавшись друг в друга сидят девочки.

— Конечно! — тот больше не преследует меня, он встает напротив лампы, из-за чего его силуэт кажется еще более зловещим, — Любой другой уже отдал тебя и их, — кивает он в угол, заставляя девушек сжаться еще больше, — На потеху морякам. Да, в публичном доме у пристани за вас выручить много не получилось бы, но зато быстро и без хлопот.

Из всей пафосной речи этого ублюдка я уловила только одно. Мы вблизи порта. Вероятно мы где-то возле Ла-Манша. Не знаю, хорошо это или плохо, но информация лишней не бывает.

— И какую же участь ты нам приготовил? — говорю без цели, первое, что пришло на ум.

— Вы в этот раз у меня просто очень удачные получились. Все три. Таким красавицам место в гареме шейха или богатого купца.

— Значит, ты продашь нас? — а вот теперь мне очень преочень интересно. Любая смена локации — шанс на побег.

— Не просто продам. А продам за очень большие деньги, — так же мило улыбается Корридж, — А на тебя, — указывает он пальцем на мою персону, — Я возлагаю самые большие надежды. На Востоке ценятся необычные женщины.

— Я польщена, — бурчу себе под нос.

— Я рад, что у тебя нет сильных повреждений. Синяки на скуле должен сойти. С едой пришло мазь, она хорошо заживляет — о, какая забота о своем товаре!

— И вы, — он перевел взгляд на моих соседок, — Объясните новенькой, как нужно себя вести. Я истерик не люблю. Будете бунтовать, запру в нижнем ярусе. А там ой как холодно и крысы размером с кота... Я ясно выразился.

Мы все кивнули. В яму с крысами я точно не хотела.

— Да. Корабль будет уже через три дня. Так что вам недолго осталось мерзнуть здесь. Скоро все вместе поплывем в солнечные страны.

Безумно довольный собой, Василиск отходит от лампы и направляется к двери.

— Подождите! Я хочу кое-что спросить, — иногда я и сама удивлялась своей смелости. Или это наглость.

Корридж, разворачивается и утвердительно кивает. Кажется, его даже забавляет тот факт, что к нему обратилась рабыня.

— Я хотела знать, что с моим спутником. Тем, а. э мужчиной, — имя Эдварда я называть боялась.

— Ничего. Мы его убили. А тело сбросили в реку, — и он безразлично пожал плечами.

Во мне что-то взорвалось. Онемел язык, куда-то в ноги бухнулось сердце и оттуда снизу страдальчески завывало. Нет, невозможно, не так!

— Нет!! — это я уже кричу вслух и, не видя ничего, несусь на убийцу своего любимого. Меня подхватила какая-то неведомая сила. Как еще объяснить, что за секунду я оказалась возле него. Когтями впиваюсь ему в шею, раздирая кожу до крови. Мне сопротивляются мышцы и жилы этого полустарика, но я жму, жму. Единственная цель в моих налитых кровью глазах — жизнь этого ублюдка. Сегодня я ее заберу.

Но мой кайф длится недолго. Меня отбрасывают от Василиска. Я падаю на каменный пол, бьюсь всеми частями тела, чувствую боль. Но она не так очевидна, чем та боль, что в моем сердце. Вскрываю вновь, с еще большим желанием оторвать голову мучителя. Но меня ловят и удерживают каменные руки другого мужчины.

— Убью! Убью тебя!!

— Чертов стерва, — хрипит Корридж, — В карцер ее! До утра. Пусть поумнеет. Еды не давать!

И хромая выходит из нашей тюрьмы. Меня же, вырывающуюся и орущую всеми матами на свете, волокут по полу. Потом были ступеньки. Ледяные, как сердце Василиска. Потом еще одна дверь. Сильный толчок в спину. И вот я одна, на холодном полу, в полной темноте.

Но сознание рвет только одна мысль. ОН мертв! Тот, кто стал всем в моей жизни. Его нет. Из глаз хлынули слезы. Я застонала, скорчилась и, наконец, дала волю чувствам.

Глава 27

Эдвард

— Сядь и успокойся. Истерика делу не поможет, — Ильфир был, как всегда, само спокойствие. Он сидел на небольшом полусгнившем пеньке с косыми сучками и точил свой серповидный нож. Я же не мог найти себе места, метался по сарайке, что служила нам временным пристанищем, чувствуя себя абсолютно бессильным, полным идиотом.

Эбби. Чудесная, светлая девушка, ставшая за короткое время для меня самым важным, самым незаменимым человеком, исчезла. Похищена. И как мы подозревали, профессиональными торговцами людей. Как?? Как это могло произойти? И все виной я.

Обхватив руками голову, я падаю в грязный угол, застеленный досками. Боль осознания своей утраты пронизывает все тело. Я поступил глупо, необдуманно, и теперь за мои ошибки расплачивается та, которую я люблю.

Да, люблю. Это была первая мысль, взорвавшая мозг после того, как очнулся там, возле реки с ледяной водой. Перевожу взгляд на Ильфира. Сейчас он выглядит невозмутимым, лицо — камень. Мне бы сейчас тоже не помешало щепотка хладнокровия. Но пока я ощущаю только холодные тиски страха. За нее, за свою Эбби.

— Говорю успокойся. Уверен, девушка жива. Если все так, как мы думаем, ее не тронут. Им нужен не порченный товар. И не смотри на меня так, говорю, как есть.

— А если нет? Если ты ошибся, если это не банда Черного Тома?

— Похоже на них. Мой человек описал их, сказал, что они уже лет 5 здесь похищениями занимаются. Действуют всегда по разному, с фантазией.

— Да уж. Фантазеры, — прорычал я пустоту, — Жду не дождусь встречи с этими ребятами. У меня для них большой сюрприз.

Злость за собственную глупость я перенес на похитителей. Сразу, как понял, что это они забрали Эбби, решил — в живых никогда не оставлю. Но сначала нужно узнать где она,

что с ней? Попытки представить ее в руках опасных преступников все так же вызвали жесточайшую боль в сердце. Я виноват, я не уберег.

Ведь все эта маскировка была лишь шуткой, в начале казавшейся мне безобидной. Все эти чудаковатые вещи хранились в сундуке еще со времен моей безбашенной молодости. Когда мы с другими кадетами перенаряжались в нищих или бродячих артистов, слонялись по улицам, выпрашивали мелочь и воровали всякую ерунду.

Схватил их почти случайно, на всякий случай. Вообще о них забыл, пока Эбби их не нашла и начала высмеивать. Тогда я подумал, как забавно будут смотреться эти аляповатые наряды на ней. А потом случилась та ночь. И все перевернула в сознании.

Такая нежная, сладкая, волшебная, она отдалась мне, поверила. А у меня вдруг рухнули все стены. Я будто заново научился дышать и жить. Не мог от нее оторваться, сходил с ума, когда не чувствовал запаха ромашки и васильков рядом, ее запаха.

И я струсил. Впервые в жизни до желчи в горле и ломоты во всем теле. Испугался, что она исчезнет. А с ней пропадет смысл всего окружающего. Только сейчас понимал, каким был дураком. Нужно было хватать ее под ее прекрасный зад, закинуть на плечо и утащить в свою берлогу. Но нет. Решил поиграть в благородного, черт бы побрал мои мозги в тот момент.

Думал, что если сделать путешествие невыносимым, она сама передумает и предложит вернуться в Лондон. Сто раз идиот. Эбби упрячилась и сопротивлялась. Правду она хотела узнать. Мне то уже было наплевать. Откуда она, кто она, главное, что моя, рядом со мной.

Наивно полагал, что ничего нам не угрожает. Ведь даже вызвал из Лондона Ильфира с небольшой группой наемников для охраны. По задумке они должны были следовать за нами на небольшом расстоянии. Так что о безопасности я не переживал, расслабился. И оказалось рано.

От своего бессилия то и дело проваливался в бешенство. Ильфир понимал мое состояние, не задавал вопросов и даже не смотрел в мою сторону. Строгал свои ножи, изредка направлял их в плоский луч солнца, проникающий в узкие щели стен полуразрушенного сарая, проверяя на глаз остроту лезвия.

Его вины в произошедшем не было. Они задержались всего на 20 минут. Но этих минут хватило, чтобы я получил сокрушительный удар чем-то твердым по голове, а Эбби вырвали из моей жизни.

Хотя наверно, нужно быть благодарным тому упырю, что чересчур сильно замахнулся дубинкой, и не рассчитав свои силы, ударил чуть ниже виска. Синяк на скуле все же был внушительным, но я остался жив, и даже в каком-то бессознательном порыве успел скатиться далеко по склону, где уже и отключился. Эти идиоты подумали, что я мертв и уехали. Теперь уже лучше им оказаться по ту сторону жизни. Черти, которые во мне всегда бушевали во время битв, возрождались к жизни. Призывали убить и забрать свое.

Не знаю, сколько я так просидел, терзаясь муками совести вперемешку с материализацией сцен своей расправы над врагом. Очнуться заставили громкие голоса на улице. Поговору признал Баярда и Стивена, двоих из четырех наемников, пришедших с Ильфиром.

В следующую минуту хлопкая дверь сарайчика отлетела в сторону, а прямо к ногам моего охранника подкатил какой-то бесформенный шар из лохмотьев. Ильфир и глазом не повел. Отложил точильный камень, а нож положил на колени. Кажется это именно тот, кого мы ждали.

Вскакивают, подхожу ближе. Да, прикатившаяся куча оказалась человеком. Мужчиной. Пинаю концом сапога тело, то вздрагивает и становится на колени. Судя по не поддельному ужасу в его глазах и сломанному в сторону носу, он прекрасно понимал зачем он здесь. Переводит бешенные от страха глаза с меня на Ильфира, сглатывает и начинает со скрипом говорить:

— Я все расскажу. Все!

— Говори, — каким-то чудом сдерживаю себя, чтобы не свернуть ему шею в тот же момент. В мужчине узнаю того самого нового кучера. Одного из членов банды. Куда-то подевалась его угрюмость, все лицо изобличало животный ужас за свою жалкую жизнь.

— Они держат их в старой усадьбе на краю Дувра. Я покажу! Там несколько заброшенных домов, в одном из них подвалы, много подвалов. Они там, клянусь! Не убивайте..

Последнюю фразу простонал. Так как попытался привстать, но сломанные моими людьми кости, видимо, дали о себе знать. Мужчина обмяки и схватился за грудь.

Подхожу ближе, рука цепляет жесткие пакли его волос.

— Кто они? Где девушка, которая со мной ехала? Ну?

— Она там. И другие две тоже. Англичанка и французенка. И девушка в мужской одежде там, — хрипит кучер, — Клянусь, что не вру!

— Что с ними? Их били? — второй вопрос, вертящийся на языке, задать не смог. И так душу разъедала чернота.

Мужчина затряс головой, с отвращением отбросил его в сторону. Тот покачнулся, но не упал.

— Нет! С ними все в порядке! Их не тронут. Хозяин ждет корабль из Турции. Девушек хотели увезти на рынок в Стамбул.

Закрываю глаза. Надо переварить и как-то не сорваться до кровавой расправы прямо сейчас. Главное, я узнал где она, что жива и невредима. Кидаю выразительный взгляд на Ильфира. Он кивает и встает с пенька.

— Выдвигаемся немедленно, — командует он наемникам, — Этого с собой и держать поближе. Головой отвечаете.

Мужчины молча соглашаются, хватают дергающего ногами кучера, и волочат за собой. Ну наконец-то ко мне вернулось хладнокровие. Цепляю на пояс пистолет, беру два ножа и спокойно выхожу вслед наемникам. Я иду к тебе Эбби.

Глава 28

Эбби

Не знаю, сколько провалялась на ледяном полу в позе эмбриона. Очнулась с надеждой, что весь прошедший день был лишь сном, ужасным, больным, все разрывающим изнутри сном... Но увы! Даже несмотря на холод, проникающий во все клеточки тела, я помнила только последние слова этого ублюдка. Убили! Они его убили!

Сердце сжала тоска, черная, съедающая. Не верю. Никогда не смогу смириться с тем, что на земле вдруг не стало моего любимого. Не могу. Скоро словила себя на мысли, что нахожу какое-то извращенное удовольствие в том, что постоянно прокручиваю в голове картинки последних недель. Каждое воспоминание било током по нервам. От каждого возвращения в прошлое всю меня бросало в болезненную, тугую дрожь. Но я все равно, раз за

разом, доставала из памяти все немногочисленные эпизоды нашего с Эдвардом счастья. Казалось, будто наяву я ощущала его поцелуи, его руки, обнимающие, ласкающие, такие теплые, нежные ... И такие теперь нереальные.

Понятия не имею, в какой момент я полюбила. Но полюбила это точно. В моем сердце поселился человек из прошлого. И сейчас он мертв. Странно. Ни разу не подумала о себе, о своей участи вот в этой измененной реальности. А смысл? Сначала время отобрало у меня мою жизнь, а теперь украло и все, что делало меня счастливой.

Если бы не эта пугающая чернота перед глазами, я может быть и попробовала мыслить разумно. А так, просто лежала и пялила глаза в темноту.

Нет, плоть сильнее. Холод становился все невыносимее. Привстала на колени, пытаюсь по сильнее запахнуть на себе эту клоунскую куртку, которую Эдвард выбрал для меня. Эдвард... Ну вот опять душат слезы. Так не пойдет. Если я буду представлять его мертвым, сама протяну недолго. Да и что это я? Вдруг Василиск меня просто обманул? Специально соврал, чтобы я ни на что не надеялась. А я тут раскисла и собралась сдаваться. Ну нет!

Аккуратно ощупывая пространство перед собой, попыталась проползти вперед. Немного пугал тихий шорох справа и слева, как-то подозрительно он напоминал звук мелких лапок, быстро перебегающих туда-сюда. Встретиться с крысами сейчас до жути не хотелось.

Но, видимо, сегодня грызуны были не настроены на общение, или в этом подвале оказалось слишком холодно для них. Ко мне они не подбирались, а я все ползла и ползла. Ледяные камни под ладонями сменились чем-то вязким, боже, надеюсь, это просто земля! Наконец, мой лоб уперся в что-то твердое. Ага, стена. Оперевшись на нее ладонями, встала и побрела вдоль.

Чего искала не знаю. Пожалуй, эта была отчаянная попытка найти нечто теплее пола. Через несколько шагов под ногами зашуршало. Я радостно охнула и упала вниз. Солома! Никогда не думала, что буду так радоваться сему. Воняло от кучи знанто, наверно, здесь оно лежало ни один месяц. Не важно. Главное, в него можно закопаться и не замерзнуть на смерть.

Кое как устроившись и почувствовав, что ноги и руки потихоньку отмирают, я вновь позволила себе окунуться в собственные мысли. Определенно он жив. Просто все эти перемещения во времени настолько сложны и запутанны, почти не верится, что они произошли случайно! Хотя ведь мать Эдварда. Она же пропала! Имею любящего мужа, сына, прожив в 19 веке более 20 лет, она исчезла. Почти уверена, что не по своему желанию. Но почему тогда?

Мысли о временных перемещениях помогли чуть отвлечься, но лишь на время. Я то и дело проваливалась в короткий сон. Сколько он длился не знаю, но каждое пробуждение начиналось с мучительной боли воспоминаний. И с каждым разом я все больше убеждалась, он не придет. Все это правда. Вся эта жестокая жизнь настоящая, а вот я здесь чужая.

Вот хотя бы кусочек света увидеть. Нет. Казалось, я попала в царство тьмы, бесконечной, беспощадной. И самое страшное, что выхода из нее нет. А если обо мне забудут? А если специально замуровали здесь? Не удержалась, разревелась в голос. Слезы, которых становилось все меньше, жгли ладони. Накатывало отчаяние.

Начинала болеть голова. Хотелось пить. Голод тоже просыпался, но мучал не так как жажда. Но зато стало теплее. Намного теплее. Сначала я отбросила с себя охапку сена, потом расстегнула куртку. Черт, как жарко то! Горели пятки и щиколотки. Слышу писк под своей рукой, но почему-то не отдергиваю ее. Не могу. Зато глазам стало веселее, передо

мной будто бы летали круги и черточки, цветные, черно-белые. К чему бы? И темноты как-будто нет. Или это я глаза закрыла? В этой темноте и не поймешь.

Где-то на фоне увядающего сознания окатила мысль про болезни и бред. Но я так и не поняла про меня это я думала или чего-то вспоминала. Поймала себя на том, что сползаю с кучи сена и растягиваюсь на каменном полу. Развожу руки и ноги в сторону. И почему я раньше не делала снежных ангелов? Ну ничего, сейчас наверстаю упущенное.

Шум вокруг меня уловила не сразу. Сначала вроде был стук, потом скрежет, чей-то вскрик. Это что Эдвард? Улыбаюсь. Тянусь к нему рукой и опять не могу. Мой воображаемый Эдвард все так же прекрасен. Шепчу «Люблю тебя», а он хватает меня за руки, прижимает ближе, что-то говорит, не слышу. Я улыбаюсь. Это мой самый прекрасный бредовый сон.

— С ней точно все в порядке?

— Да, можете выдохнуть. Кризис миновал. Девушка молодец, настоящий боец. Честно скажу, два дня назад мои прогнозы были более пессимистичными. Но молодой организм справился. Вот вам рекомендации, я еще зайду вечером. Так, я же сказал, успокойтесь, она будет жить.

Это обо мне говорят. Почему-то определила это безошибочно. Первый голос такой знакомый, второго мужчину не знаю. С трудом пытаюсь открыть глаза, не могу. Слышу шорох, затем шаги и то, как кто-то закрывает дверь. Потом ощущаю тепло чьей то руки. Неужели? Это он... Из груди вырывается вздох, пробуждая во мне силы. Распахиваю глаза и натываюсь на лицо, его лицо!

— Так ты не сон... — почти не слышно шепчу, губы, будто ватные.

— Эбби... Единственная моя, мое сердце — его голос дрожит. А как он похудел! Скулы заострились, под глазами глубокие тени и огромный синяк на пол лица. Боже! Только сейчас дошло! Это не сон, Эдвард жив! Тянусь к нему, но тело не слушается, дергаюсь и оседаю на кровати.

— Нет! Нет, малышка! Лежи! Ты сильно болела, долго. Я чуть с ума не сошел. Прости меня, любимая, прости! — Эдвард хватается мою ладонь и аккуратно, будто фарфоровую, подносит к своим губам. Я плачу. Все закончилось. Я снова с Эдвардом. Накрыло такой волной облегчения, что глаза опять защипало от слез. На этот раз счастья.

Мое восстановление после болезни шло на удивление быстро. Уже к вечеру того дня, что очнулась, я съела несколько ложек бульона и выпила чашки три примерзкого пойла. Правда, врач, приятный мужчина средних лет с удивительно прямой спиной, называл это лекарством. Из уважения к его чрезвычайно умному лицу, я выпивала все до капли, искренне надеясь, что горький напиток останется при мне, а не найдет более удобный для себя выход.

Удивил Эдвард. Поначалу мне льстило его удвоенное внимание. Он, словно коршун, распростер надо мной крылья, не разрешая никому приближаться или что-то спрашивать. Ну за исключением доктора. Но постепенно его ежеминутные «Ты в порядке, Эбби?», «У тебя ничего не болит, Эбби?», «Давая я поправлю тебе подушку» начали веселить и даже немного подбешивать.

Когда прошли первые минуты счастья от встречи, Эдвард вдруг стал упорно вымаливать у меня прощение. На мой непонимающий взгляд (разговаривать он мне больше не разрешал)

герцог вздохнул, засмутился и пустился в признания.

Новость о том, что весь наш маскарад был им задуман, как способ отговорить меня от поездки во Францию, сначала удивил, а потом разозлил. Вот вроде взрослый человек, а повадки как у ребенка, ей богу! Но Эдвард уловил мой гневный взгляд и пустился в такие дотошные объяснения мне в любви, что я быстро оттаяла и смягчилась. Да и черт с ним, что там было в прошлом. Главное, что сейчас мы вместе. Рядом.

Вздохнула с облегчением, когда узнала об освобождении других пленниц. Эдвард сказал, что его люди в этот же день сопроводили девушек домой и заверили родителей, что им не было нанесено никакого оскорбления. Про судьбу бандитов он промолчал. А я и не стала дальше расспрашивать, в душе подозревая об их участи.

Встать мне разрешили только через три дня. И то только после моей пронзительной тирады о тиранах и насадках. Эдвард улыбнулся, но видимо смирился с возвращением моего обычного настроения.

Через неделю я чувствовала себя вполне здоровой и уже готовой к разговору, который мы все откладывали.

Герцог мерил шагами просторную комнату гостиницы, где мы жили со дня моего освобождения. Его лицо было мрачными и решительным. Мое тоже. Только сейчас будто все с ног на голову перевернулось.

— Не понимаю. Ты же хотел, чтобы мы вернулись в Лондон! Вон даже какую схему оригинальную придумал мен убедить, — поймав затравленный взгляд Эдварда, осеклась, ему больно вспоминать об этой своей глупости, — Прости. Но я в замешательстве, — для убедительность развожу руками, — Еще недавно я настаивала на поисках Бертона, а ты не хотел. Что изменилось то?

Эдвард остановился, оперся спиной на подоконник, ладони тоже легли на деревянную поверхность. Я же сидела на кровати, прямо напротив, из-за чего наши взгляды пересекались на одной линии. Как всегда, от такого зрительного контакта, затрещали все чувства, встрепенулись и размножились мурашки. За эти дни мы почти не контактировали физически. Я понимаю, что Эдвард боялся за меня, но роль хрустальной вазы начинала надоедать. И сейчас, под этим мужским взглядом, тело напомнило о той любви, которую могут дарить эти руки, губы...

— Многое изменилось, Эбби. Когда я тебя потерял, казалось что вокруг меня вдруг все прекратилось. Я даже не ощущал себя живым. Сначала думал это стыжусь. Что этот дикий страх рожден моими душевными терзаниями — ведь ты страдала по моей вине! Но оказалось, что все намного глубже. — мужчина на минутку замолчал, а я перестала дышать, ожидая нечто личное, — А потом я понял простую вещь. Ты моя судьба. Моя любовь, единственная во всем мире.

Мужчина отталкивается от подоконника и подходит ближе. С замиранием сердца смотрю, как он встает на колени, кладет свою голову мне на колени и зарывается лицом в мои ладони. Дыхание перехватывает от интимности момента. Сглатываю, с трудом борясь с тем ощущением красоты любви, что то накатывает, то отступает, словно волны океана.

Эдвард поднимает голову и смотрит мне прямо в глаза.

— Я понял, что больше не смогу тебя отпустить. Не выживу вдали от тебя. И если есть хоть малейшая надежда узнать правду о всех этих временных шутках, если есть хоть один шанс сделать так, чтобы ты не исчезла, мы должны узнать все. Сейчас.

Киваю и улыбаюсь. Ну разве можно быть такой счастливой?

— А еще, Эбигейл, мм, а как твоя фамилия?

— Дэвис, — улыбаюсь еще шире. Так странно, мы столько знакомы, а ведь он даже не знает моей фамилии! Эдвард удовлетворенно кивает, поднимается на одно колено, берет мою ладошку в свою, а затем... Достает из-за пазухи черную лакированную коробочку! Хорошо, что сижу, а то бы точно в обморок хлопнулась. Этого быть не может!

— Так вот, Эбигейл Дэвис, согласишься ли ты стать моей женой?

Падаю на колени рядом с ним, обвиваю руками, как самую драгоценную драгоценность. И шепчу моему герцогу в ухо: «Да! Да! Миллион раз — да!».

Глава 29

— Вам очень идёт это платье, бежевый просто идеальный для вас. Ах, даже не ожидала, что так хорошо получится, учитывая необычный цвет ваших волос! Правильно, что отказались от голубого, оно здесь не к месту.

— Спасибо, Оливия, мне тоже безумно нравится. Вы волшебница!

Девушка тепло улыбнулась и продолжила собирать иголками материю, подгоняя платье под фигуру. Она была настоящей мастерицей своего дела, её тоненькие пальчики, будто в невесомости, летали по ткани, создавая просто такие художественные складки. Не удержалась, ещё раз взглянула в зеркало. Да, мадам Жули не зря считали одной из лучших портних Парижа. Всего за 4 дня она всего с одной помощницей с нуля сшили мне целый гардероб!

Идея приодеть меня принадлежала Эдварду. В той гостинице, где я лежала больная, нашлось простенькое платье от хозяйки, которое почему-то невероятно раздражало моего жениха.

— Эдвард, поверь, мне всё равно как я выгляжу. Ну правда, это не важно и может потерпеть.

— Нет, Эбби, ты теперь моя невеста, моя половинка. Неужели ты думаешь, я позволю своей будущей жене ходить в обносках?!

Ну и какая женщина устоит перед такими словами? Вот и я окунулась в эйфорию каждый раз, когда Эдвард так говорил со мной. От этих его «мы», «моя», «жена» бросало в дрожь. Ощущать, что ты часть чьей-то жизни было странно, непривычно, но сладко. Ох, как сладко. Мне постоянно хотелось дотронуться до моего герцога, провести пальцами по подбородку, ощутить мягкость губ, потрогать небольшую ямочку-щрам на левой щеке..

Скоро заметила, что любое, даже краткое расставание — боль. Когда его нет рядом, я будто теряю ориентир, становится тошно и небезопасно. Поначалу даже немного пугалась этого чувства, походило на какую-то зависимость. Но самую прекрасную зависимость в моей жизни!

В салон Оливии Эдвард привёл меня чуть ли ни силком. У меня были ох какие сомнения, что смогу разобраться во всем этом разнообразии чуждых мне туалетов.

Но всё оказалось не так страшно. Да, впервые попав в этот рай тканей, рюшечек, бантиков и шляпок я просто потерялась. В своём мире одежда для меня почти ничего не значила. Были у меня пара красивых платьев, одни любимые туфли, костюм брендовый, а вот всё остальное в моём гардеробе было либо удобное, либо то, что заставила купить мама.

А вот в Париже 19 века я вдруг превратилась в заправскую модницу! Часами пропадала в салоне мадам Жули, выбирая, меряя, болтая. Оливия оказалась очень смешливой и приятной в общении. Мы с ней быстро нашли точки соприкосновения и скоро сплетничали,

словно две старые подружки.

Но сегодня её шедевр удивил даже меня. Когда я обернулась к зеркалу, то даже выдохнула от переизбытка чувств. Платье были потрясающем. Слегка блестящая ткань кремово-бежевого цвета ровными, полукруглыми складками обвивали мою талию, книзу волны усиливались и удлинялись, создавая эффект струящегося ручья. Лиф и длинные рукава нежно обвивали тело, подчеркивая все его достоинства. Не знаю, как это удалось портнихе, но в этом платье грудь казалась ещё больше и плотнее. А её очертания аккуратно, но слегка дразняще выглядывали из под лифа белыми полушариями.

По крою платье напоминало свадебное. Но кремово-бежевый цвет и простота линий стирали признаки торжественности. И всё же, оно было какое-то особенное.

Оливия была настолько впечатлена эффектом, что чуть ли не силой, заставила меня ждать подгонки платья. С упорством, свойственным только настоящим мастерам своего дела, она уже сегодня хотела видеть свое творение в деле.

По привычке я рвалась к Эдварду, в нашу небольшую уютную квартиру с мансардой. Но ещё раз взглянув на своё отражение, решила повиноваться. Я, действительно, была хороша. И, да, не буду врать, хотела увидеть тот самый блеск в глазах любимого мужчины.

Час пролетел быстро, тем более Оливия почти не на минуту не замолкая, пересказывала мне все сплетни Парижа. Иногда в разговоре улавливала фамилии будущих знаменитых писателей, поэтов, политиков, от чего каждый раз отбрасвало в реальность. Напоминало, кто я и как здесь очутилась. А ведь иногда так хотелось забыть обо всём, что было до Эдварда! Как бы я не любила маму, братьев и подруг, сейчас в моём сердце существовал только он.

— Ну всё, я довольна. Сегодня ты идешь в нём.

— Что? Прямо сейчас? Не знаю, Оливия, оно такое прекрасное. Мне кажется кошунством одевать его просто на улицу, — ответила я, проводя ладонями по нежно-прохладной ткани платья.

— Поверьте, моя дорогая мадемуазель, сегодня это платье вам идеально подойдёт.

С недоумением смотрю на модистку. Да, не показалось, смотрит на меня как-то по заговорчески, даже подмигнула. Может намекает на бурную реакцию жениха на меня в новом образе? Пожала плечами, вряд ли это важно.

Оливия проводила меня до самых дверей, даже помогла накинуть пальто. А почти у выхода торжественно вручила мне коробку. Небольшой, круглую, украшенную розово-коричневым огромным бантом.

— Что это? — вроде всё заказанные аксессуары забрала ещё вчера.

— Это тебе. Подарок от меня. Только пообещай, что не откроешь коробку, пока не придёт время.

— Какое время? Ты о чем?

— Ты поймёшь, — в следующий момент подмигнула мне и буквально вытолкала на улицу в объятия Эдварда.

— Я уж подумал, ты решила здесь заночевать. Уже трижды отправлял мальчишку-посыльного сюда.

Герцог стоял всего в нескольких сантиметрах от меня. Но и этого расстояния ему показалось много. Эдвард просунул свои пальцы между пуговиц моего пальто и притянул ещё ближе к себе. Покорно шагнула, погружаясь в ауру запаха своего мужчины. Древесина, корица и что-то ещё, сладкое, но тонкое.

Опять теряю дыхание, пока его глаза перебегают с глаз до губ и обратно.

— Перестань так на меня смотреть.

— Я? — с неохотой отмираю. — Это ты так смотришь, будто хочешь залезть мне под одежду. Эдвард! — пытаюсь освободиться из рук, которые уже припечатали меня к своему телу и теперь пытаются забраться под подол пальто. — Эдвард! Здесь же люди кругом!

Шиплю я ему почти в плечо. На нас и правда уже стали коситься. Во всяком случае, мужчина, что жевал табак у соседнего входа, стал сплевывать его в два раза чаще.

— Эдвард!

Уже почти кричу почувствовав его руки на бёдрах.

— Мм? Прости. Ты что-то сказала, — упираемся взглядами и я теряюсь от того, насколько его глаза переполнены страстью, — Я слышал только, залезь мне под одежду..

Бью его кулаком в плечо.

— Не смешно. Мы и так с тобой живём, как, ну не знаю, неправильно вообще, а ты чуть ли не стриптиз устраиваешь посреди улицы.

На лице Эдварда расцветает ухмылка. Будто заботливая мамочка, он одергивает моё пальто, застегивает последнюю пуговицу и чинно предлагает свою руку.

— Моя девочка, не только ты об этом думаешь. Я тоже устал ловить на тебе жадные мужские взгляды без возможности сказать: "А ну отошёл от моей жены!".

Рассмеялась от гримасы, которую скорчил Эдвард.

— Неужели так часто приходится это делать? — спрашиваю с истинно женским лукавством.

— Ты даже не представляешь, насколько часто, — наклоняется и целует меня в нос. Привычно прижимаюсь ближе.

К моему удивлению мы не сели в карету, которой, к слову вообще не было. Эдвард потянул меня на мощный битым камнем тротуар, который вёл вглубь улицы. Этого места я ещё не видела. Красиво.

Снег лежал повсюду тонким, девственно-белым слоем, и красные кирпичные дома на его фоне казались будто сказочными. Я в восхищении крутила головой, пытаюсь охватить взглядом всю эту улочку, будто сошедшую с иллюстраций к книгам средневековых писателей. Прохожих почти не было, только парочка детей резвились у одного из дворов, да пожилая женщина вся в чёрном медленно шла позади нас.

Улочка изогнулась вправо и я чуть не захлебнулась от восхищения. Впереди показалось одно из самых удивительных зданий, которые я когда-либо видела. Это была церковь, без сомнения, но такой необычной архитектуры я ещё не встречала. Ярko выделялись готические мотивы, высокие стены, узорчатые витражи, иглы шпилей и всё это на фоне ярко-синего неба. Смотрелось монументально, будто не из человеческого мира.

— Эдвард, — шепчу я, не хотелось говорить громко рядом с таким сокровищем, — Что это? Зачем мы сюда пришли?

Эдвард берёт мое лицо в свои ладони, долго смотрит в глаза и, наконец, говорит:

— Эта церковь, где меня когда-то крестили. Да, я родился в Париже. Мои родители путешествовали, когда узнали о беременности мамы. До этого у неё дважды рождались мертвые дети, — мужчина вздохнул, видимо, ему было сложно возвращаться в прошлое даже в мыслях, — Они побоялись возвращаться в Англию и оставались здесь до моего рождения. Мама рассказывала, что часто ходила в эту церковь, когда ей было плохо, и после всегда чувствовала себя лучше. В этом месте точно что-то есть. Я родился здоровым и в срок, а больше детей у них не было.

Я слушала, почти не дыша. Впервые Эдвард так откровенен со мной, а ведь я знаю, как ему тяжело вспоминать всё это. В каком-то порыве потерлась своей щекой о его ладони. Шершавая кожа так приятно, по-родному пахнет. Стояла бы так вечно.

— А три дня назад я узнал, что церковь сносят.

Поднимаю на него удивлённый взгляд. Сносят? Такую красоту? Так вот почему об этом здании ничего не известно в будущем, скоро оно исчезнет, а жаль.

— Да, я не знаю точную причину. Да она и не важна. Важно другое. Я понял, что не хочу ждать возвращения в Англию. Хочу жениться на тебе здесь, прямо сейчас. Эбигейл, ты готова стать моей по закону?

Теперь я поняла выражение «язык отсох». Забыла как говорить, да ещё ноги задрожали и грозились подкоситься. Как!? И это все не сон? Точно не сон??

Оказалось, что нет. Все остальные события отпечатались в памяти, словно через пелену тумана. Настолько неожиданным, фантастическим был этот новый поворот жизни.

Мы подошли к церкви, Эдвард забрал из моих застывших пальцев коробку, данную мне мадам Жули, откинул крышку и достал лёгкую, изящную вуаль. Так вот о чем говорила портниха. Они сговорились за моей спиной! И это бежевое платье, фата, причёска, которую Оливия сделала мне «по-дружески». На глазах навернулись слезы благодарности.

Но что-то проанализировать не успеваю. Эдвард открывает передо мной широкие, тяжёлые деревянные двери и ведёт вглубь церкви. Краем глаза замечаю груды кирпичей с обеих сторон, видимо это обвалились стены, здесь же повсюду валялись деревянные балки и прочий строительный мусор. Ну теперь понятна причина сноса. Но даже этот беспорядок не смог испортить атмосферу места.

Успеваю заметить просто бесконечный узкий купол убегает куда-то очень высоко, каменные стены источают вековой холод и торжественность храма. Эдвард ведёт меня между рядами длинных дубовых сидений, а я всё яснее начинаю осознавать — это реальность, я выхожу замуж!

У алтаря нас уже ждут. Священник, высокий, плечистый мужчина с ясным, добрым лицом, пожилая женщина в безумно пышном платье и молодой человек небольшого роста

— Это моя двоюродная тётка, Дельфина дю Брусье, а мужчина известный адвокат, — видя, что я никак не реагирую, Эдвард уточнил, — Это наши свидетели.

Киваю. Почти не слышу слова священника, не чувствую холод, да вообще ничего не чувствую, кроме тепла руки Эдварда. Он изредка кидает озабоченные взгляды на моё белое лицо, улыбается, пытаюсь подбодрить. Вот уж никогда не думала, что буду бояться собственной свадьбы!

Очнулась только после слов «Можете поцеловать невесту». Дальше чувствую губы Эдварда на своих и, наконец, отмираю. Да что это я! Чуть не пропустила собственную свадьбу!

Не обращая внимания на удивлённые взгляды двоюродной тёти и адвоката, бросаюсь на шею герцогу, обвиваю его руками и впиваюсь уже настоящий поцелуем.

— Дикарка моя... Шепчет Эдвард мне в губы. Жена. Моя.

Нет, на выходе из церкви нас не ждали лепестки роз и толпа поздравляющих людей, вокруг вообще не было ни души. Да нам и не нужен был никто. Теперь мы существовали друг для друга. Теперь я точно знала, что привело меня сюда, в другое время — судьба.

Не успела я сделать шаг из церкви, как Эдвард подхватил меня за талию и закружил, смеясь и любуясь блеском любви в моих глазах. Чуть ли не слёзно, заставила его вернуть

своё счастливое тело на землю.

— Ты даже представить себе не можешь женщина, как я тебя люблю. Сейчас понимаю, каким был глупым. Стыдился своих чувств, боялся показаться слабым.

— Вот ты дурачок! Любовь не слабость. Я вот, наоборот, ещё сильнее стала, — и в подтверждении слов демонстрирую свой «накаченный» бицепс, спрятанный под рукавом пальто, — Никого не боюсь!

— Ну уж нет, — на глазах хмуриться мой новоявленный муж, — Больше никто и никогда тебя не обидит. Это я тебе обещаю. Ничто не сможет нас разлучить.

— Конечно нет! — смеюсь и трусь кончиком носа о ямочку на его шее, — Ты навсегда мой. Муж.

— Месье! Месье Морэ!

Оба поворачиваемся в сторону шума. Месье Морэ. Так называли Эдварда здесь, в Париже, так как он не стремился открывать свой истинный социальный статус. Да и нам так было удобно скрывать свои настоящие отношения от пуританских взглядов.

Через улицу нёсся мальчишка лет 12. Он размахивал руками, на лице во всю ширь разлеталась улыбка.

— Месье Море! Нашли! Мы нашли его! — кричал он всю дорогу. Подбежав к нам, он упёрся руками о колени, переводя дыхание. Мы молчали. Ждали. Хотя оба прекрасно понимали, что скоро жизнь опять сделает очередной финт.

— Нашли. Его, Ричарда Бёртона. Он уже несколько лет живёт в северной части Парижа Один. Соседи говорят, чудной, ни с кем не общается, всем должен, прогоняет всех, кто осмелиться к нему постучаться. Вот адрес.

С этими словами, мальчик протягивает нам мятую бумажку. Вижу, как лицо Эдварда вытягивается и каменеет. Он передаёт монетки радостному мальчику и оборачивается ко мне.

— Да. Не так я хотел провести первый день женатой жизни. Эбби, еще не поздно отказаться от этой идеи. Решать тебе.

Понимаю его. Но теперь, когда разгадка рядом, отступить казалось глупостью. Кладу руки на грудь Эдварда.

— Идем.

Глава 30

Эбби

— Какой-то мрачноватый дом, хотя вроде не слишком старый.

— Ну что ж, жильё, как никогда, соответствует своему владельцу. Идём?

— Я же сказала, что да. Или думаешь, я испугалась?

— Ох, Эбби, если что я точно про тебя узнал, так это то, что тебя сложно испугать.

Эдвард улыбается и кладёт мне руку на талию.

— Неправда, я ещё та трусиха. Чуть в обморок в церкви не грохнулась

Мужчина смотрит на меня с укором, но его глаза смеются.

— Очень надеюсь, что это от счастья.

— А от чего же ещё! Муж мой.

Так в обнимку и идём к серо-черному одноэтажный дому, на который указал нам мальчик. Он действительно был каким-то странным. Длинным, с кривыми окнами и высокой, полукруглой крышей. Чёрный цвет вблизи оказался не краской, а следами от многовековой плесени, сейчас они замёрзли и оттого казались ещё более пугающими.

К нашему удивлению парадная дверь была заколочена, да так сильно, что под внешними досками можно было разглядеть ещё парочку брёвен, веток и ещё чего-то бесформенного.

— Да, видимо у старика паранойя. Причем, сильная. Давай обойдем вокруг.

Зимний день почти закончился, но вялые лучи уходящего солнца ещё давали достаточно серо-желтого света для обзора. Обломанные лучи играли с нами в странную игру, делая стены объемными и ещё более устрашающими.

Сбоку в доме не было ни одного окна, только в дальнем углу задней стены обнаружили нечто, напоминающее проём. Он тоже был заколочен сверху, а вот снизу оставалась сияющая чернотой дыра.

Я в нерешительности остановилась. Как-то чудно всё это. По всему очевидно, что хозяин не ждёт гостей, а тут мы. Хорошо, что у меня теперь есть Эдвард! Сама бы я ни за что не решилась войти внутрь!

— Оставайся здесь. Да, Эбби, я серьёзно. Не ходи, пока я тебя не позову. Старик мог сойти с ума, а, значит, непредсказуем. Хорошо?

Кивнула. Да, здесь определённо надо действовать нестандартно. Пока Эдвард, скрючившись, пролез сквозь дыру, я невольно начала щёлкать пальцами. Дурацкая привычка, оставшаяся еще с детства.

Да что ж он так долго! Нет, надо идти. Я только обрела мужа и не собираюсь его терять! Но не успев дойти до дыры, охнула, когда улыбающаяся голова того самого мужа вынырнула наружу.

— Ты чего пугаешь!

— Извини. Пошли за мной, ты должна это увидеть

— Что увидеть?

— Сама поймешь.

Протягивает мне руку и помогает протиснуться сквозь узкий лаз. Сначала ничего не вижу, темно, только неясные серые силуэты по бокам, видимо, мебель. Эдвард крепко держит меня за руку. И слава богу, а то я бы точно здесь заплутала.

Неожиданно мы резко повернули направо и я чуть не ослепла от яркого света. Машинально поднесла ладонь к лицу. Открываю глаза и забываю, как дышать.

Мы оказались в огромной зале. Это длинная, огромная комната с куполообразным, высоким потолком. И свет, много света! Электрического света! Да я ни с чем не могла бы спутать этот желтоватые, яркие лучи. Они плескались по всей зале, то утихая к середине, то разгораясь сильнее по углам.

Я хлопала глазами, ещё не веря в происходящее. Электричество, конечно, было известны человечеству давно, но вот лампы точно научиться делать только к концу 19 века!

Я подошла ближе к одной из них. Она была чудная и мало напоминала привычную нам лампу накаливания. Но здесь был металлический стержень и он испускал свет! Даже потрогала. Стекло очень горячее. Еле сдерживая дыхание, поворачиваюсь к Эдварду.

— Эдвард, мы на месте. Здесь точно живёт человек, знакомый с технологиями будущего. Я уверена!

Эдвард тоже подошёл ближе и попробовал дотронуться до стекла, за что и поплатился. С улыбкой наблюдаю, как он быстро убрал палец и начал его тереть.

— Смеешься? Ты знала, что оно горячее?

— Ага!

— Отлично, напомни тебя отшлепать, герцогиня Сент Мор, как только мы останемся

наедине.

— Обязательно напомним, — лукаво парирую я.

— А что это за шулки и как они горят?

— Это электрические лампочки, как они горят, честно говоря, не знаю. Физику я как-то плохо усвоила. Должны быть где-то батареи, вот от них они, наверно, и питаются.

Эдвард пожал плечами, не став вдаваться в подробности.

— Гораздо больше меня интересует, где сам хозяин.

— Да, он не мог далеко уйти, раз оставил всё это включенным. Странно, что с улицы не виден этот свет.

— Не странно, посмотри наверх.

Я перевела взгляд на окна, возвышающиеся над полом метра на три. Все были забиты узкими досочками, да с такой тщательностью, что не оставалось даже малейшей щелочки.

— Да уж, он всё предусмотрел.

— Это очень странно и печально. Я помню Ричарда другим. С ним было интересно разговаривать, особенно о науке, о ней он мог говорить... Эбби! В сторону!

Немного растерявшись от этого его вскрика, я отпрыгнула назад, и вовремя. Мимо моего плеча пролетела здоровенная деревянная дубина. Я даже успела разглядеть рваные сучки на ней. В следующий миг слышу то ли визг, то ли стон. Это Эдвард выбил оружие из рук нападающего и теперь повалил его на пол.

На то, чтобы сообразить, в чем дело, понадобилась секунда.

— Нет! Эдвард! Не бей его! Это он, Бёртон!

Эдвард поднял на меня перекошенное от бешенства лицо, но кулак опустил. Мы оба перевели взгляды вниз. Под коленом герцога трепыхалась тщедушная фигурка человека. Мужчина, а это был однозначно он, если судить по разросшейся по всему лицу бороде, пытался кусаться, издавал какие-то высокие звуки. Чуть поостыв, мы смогли разобрать слова:

— Убирайтесь! Убью! Воры! Разбойники!

Одновременно с удивлением в сердце стала просыпаться жалость. И не только я это почувствовала. В глазах Эдварда я увидела отражение своих мыслей. Муж отвернулся к Бертону, взял его за плечи и встряхнул.

— Ричард, успокойся! Это я, Эдвард Сент Мор. Сын твоего лучшего друга. Ричард опомнись! Я сын Элизы!

Это имя произвело удивительный эффект. Мужчина стих, в его глазах появилось осмысленное выражение. Он уставился на Эдварда, не моргая. А в следующее мгновение зарыдал и потянул свои худые, почти высохшие руки к герцогу. Тот всё понял. Обнял и прижал Бёртона к груди.

Я тоже почти рыдала, слишком трогательным был этот искренний порыв старика.

— Я не убивал её, Эдвард. Я не виноват, я любил Лизи... Эдвард..

— Тихо, тихо. Я знаю. — Сент Мор продолжал прижимать к себе плачущую фигуру, гладил его по волосам, шепча слова утешения, — Ричард, всё в порядке. Я пришёл не мстить. Я всё знаю про маму. Знаю, что она из будущего.

Ричард замер и отпрянул от Эдварда. Его нижняя губа, заросшая колючими волосами, тихонько дрожала.

— Ты... Ты знаешь!? Но откуда?? Как??

Эдвард улыбнулся, взял меня за руку и потянул на себя.

— Эта девушка — моя жена. Она тоже из будущего. И у нас к тебе очень много вопросов.

Эта информация добила нервы старика. Он обмяк, охнул и начал падать. Благо, Эдвард вовремя подхватил старика до того, как его голова коснулась бы кованой подставки с лампой.

— О, Боже, Эдвард! Что с ним? Это сердце? Наверно, не нужно было так резко на него всё вываливать.

— Да нет, это просто обморок. Смотри на его руки и шею. Он голодает.

И, действительно, мужчина был очень, очень худ. В некоторых местах его кожа буквально просвечивала, все кости почти что вылезли наружу. Накатила новая волна жалости.

Эдвард аккуратно поднял Бёртона и положил его на покосившуюся кушетку с одной надломленной ножкой. От обивки пахло пылью и плесенью, только сейчас заметила, что этот запах преобладал в доме.

— Это я виноват, — с тревогой вглядываюсь в мрачное лицо Эдварда. От ощущения, что он испытывает душевную боль, и мне становилось плохо. Присаживаюсь рядом и облокачиваюсь ему на плечо.

— Не говори плохо о моём муже.

Пытаюсь шутить, но это не помогает.

— Нет, Эбби. Это мы с отцом его уничтожили. Ричард никогда не был богат. Почти всю жизнь его научные эксперименты спонсировал отец. А когда пропала мама, он забрал все его деньги, имущество, выгнал практически голым на улицу. А я постарался, чтобы никто в обществе не смог ему помочь. Черт, Эбби, мы даже не выслушали его! Просто вышвырнули и забыли!

Я обняла любимого за плеч, стараясь перенять часть его боли.

— Вот видишь, а ты не хотел его искать. Теперь мы узнаем тайну твоей мамы и сможем помочь Ричарду. Не переживай.

Эдвард улыбнулся, закинул руку мне за голову и притянул к себе. Зарылась лицом в его воротник, ощущая знакомое успокоение. Теперь всё будет хорошо. Я уверена.

Глава 31

Эбби

Остаток дня и ночи выдался сумбурным. Пока старик был в обмороке, Эдвард ненадолго исчез и вернулся с едой, лекарствами и кое-какой одеждой.

Пока его не было, я осторожно осмотрела комнату. Она была почти пуста. В одном углу в ровные ряды была расставлена, а кое где свалена в кучу, самая разнообразная мебель. Здесь были и когда-то модные диваны, и тяжёлые серванты, и изящные, легкие кушетки. На одну из них мы и уложили Бёртона.

По краям залы стояли или висели лампы разных форм и размеров, некоторые из них ярко горели, другие издавали еле видимый свет. Только сейчас обратила внимание на стены. На старой шпукатурке углем или чём-то его заменяющим, были нарисованы картинки из будущего.

Да, вот нечто, напоминающее небоскрёбы Нью-Йорка, а это точно египетские пирамиды. Ух ты, очертания Антарктиды. Рисунки были схематичны, написаны быстро и сумбурно, но всё же по ним можно было узнать реалии 20–21 века.

Как всё это странно! Как? Почему стали эти возможны перемещения во времени? И,

главное, зачем? Но ответить на это сможет только Ричард. А его сначала нужно привести в порядок. Возможно, это просто обморок от сильного нервного потрясения, усиленного голодом. Но нам ничего не оставалось, как ждать пробуждения Бёртона.

Мы с Эдвардом разместились на соседнем диванчике с лопнутой по бокам обшивкой, но ещё достаточно крепким, чтобы выдержать нас двоих. Я лежала на груди Эдварда, а он тихо, ровными движениями гладил мои волосы, иногда щекоча шею и затылок. Никто из нас не хотел говорить. Нас обоих одолевали одни и те же мысли, я в это была почему-то уверена.

Ведь наше путешествие подошло к концу. Всё. Мы в том месте, где, возможно, получим ответы на все окружающие нас загадки. А если нет?

На самом деле всё ЭТО было уже не важно. Ведь мы уже нашли друг друга. Сейчас больше хотелось не узнать тайны, а помочь старому, истощенному человеку, вытащить его из беды. Может поэтому меня и не впечатлили картинки из моей реальности. Надоело разгадывать.

Незаметно мысли спутались и даже стали проскальзывать замедленные вспышки сна. Но громкий стон с кушетки возле нас заставил тут же проснуться.

Бёртон сидел, потирая виски и в недоумении тряс головой. Эдвард присел возле него и взял за руку.

— Ричард, ты в порядке?

Тот поднял спутанный, затуманенный взгляд на герцога. Но тут в его мозгу вспыхнули воспоминания предыдущего вечера и он с силой стиснул своими сухими пальцами ладони Сент Мора.

— Так это всё правда? Это ты, Эдвард? Ты пришёл? Пришёл ко мне?

Герцог улыбнулся и кивнул.

— Да, Ричард. Теперь всё будет в порядке. Как ты себя чувствуешь? Ты сильно истощён. Когда ты ел последний раз?

— Ел... Я не помню... Может быть... А, это, это правда, что ты сказал? Ты знаешь, что Элиза пришла из другого времени? Или..

— Да, это правда. Мы не знаем, как мама попала в наш век. Но несколько месяцев история повторилась, когда в моём доме появилась Эбби.

Эдвард встал с колен и приобнял меня. Старик, казалось, только сейчас заметил меня. Теперь его глаза смотрели осмысленно и с только учёным понятным азартом.

— Вы тоже из будущего? Но это так странно, невозможно! Я думал, что появление Элизы — случайность! Итог единичной ошибки вселенной. А теперь получается, нет?? И провалы во времени имеют закономерность. Но как же? Как? Мне нужны мои тетради... Где, где мои записи?? Такая книжка коричневая, с тесьмой..

Бёртон попытался вскочить, но слабость от голода и обморок дали о себе знать. Старик упал в бессильи на диван.

— Так, — решила я взять всё в свои руки, — К допросам и записям мы приступим только после того, как вы, Ричард, поедите, примите лекарство и поспите. Я уверена, у нас в запасе ещё много времени.

И подмигнув мужчинам, удивленным моим командным голосом, я отправилась накрывать на стол. С трудом, но мне удалось отыскать в хламе соседней комнаты, бывшей когда-то кухней, тарелки, ложки и даже кружки с удивительно тонкой росписью.

Немного увлеклась нарезкой мяса и сыра и не заметила, как ко мне сзади подошел Эдвард и обнял. Его руки сплелись на моём животе, а лицом он зарылся в разлохмаченные

волосы, даря уже привычную сладость томления.

— Эбби, прости меня за нашу свадьбу. Наш медовый месяц должен был начаться на белых шелковых простынях, а не среди этого хлама. Я бы хотел, чтобы всё было по-другому. Когда вернемся в Лондон, организуем самый большой приём, позовём весь свет. Я познакомлю тебя с друзьями, ну во всяком случае с теми, кого считал таковыми. А потом уедем в путешествие, куда скажешь. Хочешь?

— Не знаю, — не оборачиваясь, но прижимаясь ближе к нему спиной, говорю я, — Правда не знаю. Всё так быстро случилось. Я ведь обычная студентка, а тут, бац, и я герцогиня. Дай мне немного попривыкнуть, а там решим.

— Ну хорошо, всё будет, как ты захочешь, моя герцогиня.

Шепчет мне в ухо, Эдвард, и оставляет россыпь мелких поцелуев на моей шее.

— И да, я абсолютно не против, что наша семейная жизнь началась таким образом. Сегодня или завтра мы навсегда закроем все эти вопросы со сбившемся временем. Я устала думать об этом, просто хочу быть рядом с тобой и все. А ты?

— Еще спрашиваешь? Больше всего на свете я боялся, что ты будешь искать способ вернуться домой. Ты даже не представляешь, насколько боялся. А теперь я счастлив. Ты со мной. Люблю тебя, Эбби с волосами цвета луны.

— И я люблю тебя, мой герцог. Только предупреждаю, что «цвет луны» ненадолго, видишь, — и я тычу пальцев себе в пробор, — Уже во всю отрастают свои родные волосы. Скоро буду опять русоволосая. Самая обычная.

— Смешная ты. Эбби, ты никогда не будешь обычной.

Последующий наш поцелуй несколько затянулся, чувствуя, что оба мы уже полыхаем, я оттолкнула Эдварда. Не сейчас, сначала нужно накормить старика. Сент Мор немного поворчал что-то о своих супружеских правах, но все же согласился, что лучше немного подождать.

Поев, Бёртон, будто бы приободрился, даже повеселел. Он утер капли вина с бороды и немного откинулся на кушетке. Мы с Эдвардом сидели напротив и не знали, можно ли уже задавать все те вопросы, которые мучали нас. Но Ричард сам начал разговор.

— Спасибо, мои дорогие, я уже много месяцев так вкусно не ел. До недавнего времени мне помогала женщина из дома напротив. Чудесный человек, её звали мм... Мадам Вилар или Валерье... Уже не помню. Но она скончалась ещё прошлой весной, а мои дела и без того были худы, а с её смертью стало совсем плохо

Видя, как Эдвард напрягся, я посильнее сжала его руку в попытке поддержать.

— С сегодняшнего дня у тебя будет, всё что ты захочешь, Ричард. Ты больше не будешь голодать.

Сказал герцог тихо, но твёрдо. Так, что никто бы не смог не поверить его словам. Бёртон улыбнулся.

— Ты всегда был добрым мальчиком. И тебе не стоит терзать себя за прошлое. Всё давно позади. Ненамеренно, но всё же я виноват в исчезновении Лиззи. Я ведь так и не разгадал загадку произошедшего с ней чуда.

Ричард перевёл взгляд на меня.

— Так, значит, ты, дитя, тоже из будущего. До сих пор не могу до конца поверить в это. Твоё присутствие рушит, всё, что я смог узнать за 30 лет. А из какого года ты попала в наше время?

— Из 2019.

— 2019! Боже мой! А твоя мама пришла из 1987 года..

Мы с Эдвардом затаили дыхание. Я даже почувствовала, как по его рукам побежали мурашки.

— Ричард, ты можешь рассказать мне о маме? Что произошло?

Старик поднял на нас глаза, полные слез.

— Расскажу. То, что случилось со всеми нами, напоминало бы сказку, не будь столь печального финала.

И Бёртон начал свой удивительный рассказ.

Больше книг на сайте - Knigoed.net